

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2022. № 4(160)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНХиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO.

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2022
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons
Attribution 4.0 License

Главный редактор: Шамахов В. А. — советник ректора Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса (Санкт-Петербург);

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хлутков А. Д. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук (Санкт-Петербург), *председатель Редакционного совета*;

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), *председатель совета*;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Чжу Сюйфэн — профессор, PhD, заместитель декана факультета государственного управления и менеджмента Университета Цинхуа (Китайская Народная Республика).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кукулина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Новикова И. Н. — доктор исторических наук, профессор (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Advisor to the Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Research Supervisor of the North-West Institute of Management of the RANEPA, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg);

Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Khlutkov A. D. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics) (St. Petersburg), *Chairman of the Editorial Council*;

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovskiy V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain);

Zhu Xufeng — Professor, PhD, Deputy Dean of Faculty of Public Administration and Management, Tsinghua University (People's Republic of China).

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);

Zaporozhan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);

Novikova I. N. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 8 От главного редактора.** К вопросу о новых управленческих практиках, или «неважно, какого цвета кошка, важно, чтобы она ловила мышей»

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 10 ХЛУТКОВ А. Д., МЕЖЕВИЧ Н. М.**
Воспоминания о будущем: традиционные российские хозяйственные практики в новых внешнеполитических условиях.
Статья первая. Промышленная политика

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 19 ШУМИЛОВ М. М.**
«Торговая война» США и КНР в контексте деглобализации и реидеологизации международных отношений. Часть 1

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 35 КУРЗЕНЕВ В. А., ПЕРЕКРЕСТ В. Т., ПЕРЕКРЕСТ И. В.**
Балансовые технологии исчисления и прогнозного оценивания трудовых ресурсов региональных социально-экономических систем
- 44 ЛИХТИН А. А., МУФТАХОВА А. Н.**
Актуальные подходы к государственной жилищной политике
- 50 ТЕРЕШЕНКОВА А. Ю.**
Проблемы практики и перспективы развития таможенного тарифа ЕАЭС

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 71 КИМ М. Н.**
Блоги в творческом труде журналиста
- 79 СЛАНЕВСКАЯ Н. М.**
Трансформация государственного управления в контексте устойчивого развития на основе исследований в социальных нейронауках. Часть 1

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 99 АВДАНИН В. В.**
К вопросу о научно-техническом сотрудничестве СССР с западными странами в области энергетики
- 111 АЛЕКСЕЕВ А. И.**
Феномен недоверия в церковно-государственных отношениях Российской империи в 1860–1870-х годах. Конфликты между Консульством и Русской духовной миссией в Иерусалиме

- 121 ГРИДНЕВ В. П.**
Екатерина Великая в истории России
- 130 ПИТУЛЬКО Г. Н.**
Российская благотворительность как фактор доверия между обществом и государством в XIX веке
- 136 СТЕЦКЕВИЧ Е. С.**
Императорская власть и российское общество в первой четверти XVIII века: проблема обретения доверия

A LINEA

- 146 ЛИСЕНКОВА А. Д.**
Основные особенности современной экологической повестки
«Альтернативы для Германии»

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 159 ШМАТКО А. Д.**
Рецензия на монографию «Инновационная экономика России:
противоречия формирования и перспективы развития»

EDITOR'S COLUMN

- 8 From the Chief Editor.** On the Question of New Management Practices, or “No Matter What Color the Cat Is, It Is Important That It Catches Mice”

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 10 ANDREY D. KHLUTKOV, NIKOLAY M. MEZHEVICH**
Memories of the Future: Traditional Russian Economic Practices in New Foreign Policy Conditions. Article one. Industrial Policy

POLICY AND LAWFUL STATE

- 19 MIKHAIL M. SHUMILOV**
The US-China Trade War in the Context of Deglobalization and the Reideologization of International Relations (Part 1)

POWER AND ECONOMY

- 35 VLADIMIR A. KURZENEV, VLADIMIR T. PEREKREST, IGOR V. PEREKREST**
Balance Technologies for Calculating and Predictive Estimation of Labor Resources for Regional Socio-Economic Systems
- 44 ANATOLY A. LIKHTIN, ALMIRA N. MUFTAKHOVA**
Current approaches to state housing policy
- 50 ANNA JU. TERESHENKOVA**
Problems of Practice and Prospects for the Customs Tariff Development in the Eurasian Economic Union

SOCIETY AND REFORMS

- 71 MAKSIM N. KIM**
Blogs in Journalist Creative Work
- 79 NINA M. SLANEVSKAYA**
Public Administration Transformation Based on Research in Social Neurosciences in the Context of Sustainable Development (Part 1)

HISTORY AND CULTURE

- 99 VLADIMIR V. AVDANIN**
On a Question of a Scientific and Technical Cooperation between the USSR and Western Countries in the Field of Energy
- 111 ALEXEY I. ALEKSEEV**
The Phenomenon of Mistrust in Church-State Relations of the Russian Empire in the 1860–1870s. Conflicts between the Consulate and the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem

- 121 VALERY P. GRIDNEV**
Catherine the Great in the History of Russia
- 130 GALINA N. PITULKO**
Russian Charity as a Confidence Factor between Society and the State in XIX Century
- 136 ELENA S. STETCKEVICH**
The Imperial Power and Russian Society in the First Quarter of the XVIII Century: The Problem of Gaining Trust

A LINEA

- 146 ALENA D. LISENKOVA**
Main features of the current environmental agenda of the Alternative for Germany

SCIENTIFIC LIFE

- 159 ALEXEY D. SHMATKO**
Monograph Review "Innovative Economy of Russia: Contradictions of Formation and Development Prospects"

К вопросу о новых управленческих практиках, или «неважно, какого цвета кошка, важно, чтобы она ловила мышей»

**On the Question of New Management Practices,
or “No Matter What Color the Cat Is, It Is Important That It Catches Mice”**

А. Д. Хлутков
директор Северо-Западного
института управления РАНХиГС,
председатель редакционного совета,
доктор экономических наук

Существенные изменения внешних и внутренних условий социального, экономического и политического развития неизбежно ставят вопрос о корректировке управленческих форм.

Укажем на то, что история России, как и мировая история, убедительно свидетельствует о том, что постоянных экономических моделей, стабильных управленческих подходов, которые могли бы быть успешными из года в год, из десятилетия в десятилетие, не существует. Модели управления не могут сохраняться неизменными. Если меняются внешние и внутренние условия, возникают и новые управленческие подходы и соответствующие институты. Эта достаточно очевидная формула тем не менее не исключает того, что новые подходы на самом деле являются модификациями старых управленческих практик.

С точки зрения теории управления устаревших моделей не бывает. Вопрос следует поставить иначе: укажем на то, что бывают управленческие модели эффективные или неэффективные. Содержательная часть, конечно же, важна, но главной является целевая функция. В первом случае (эффективные модели) экономические и управленческие подходы обеспечивают преодоление имеющихся негативных тенденций и работают на развитие общества и государства. Второй вариант — эффектное название, но без эффективных практик — нас не может привлекать.

Никаких эмоций и комплексов по поводу того, что мы вспоминаем о старых управленческих механизмах, не должно быть. Точно так же, как наши предки покупали американское, немецкое, шведское оборудование для первых промышленных гигантов Советской России. Вопрос в другом. В прошлом, покупая чужое, мы готовились производить свое. В новой России этот навык был утрачен.

Новую промышленную политику, как с теоретической, так и с практической точек зрения, нельзя осуществлять, опираясь на экономические механизмы, унаследо-

ванные из девяностых годов прошлого века. Сейчас не время давать оценки прошлому, более важно определить, какие хозяйственные практики из недавней российской истории вновь актуальны сейчас.

Российская экономическая история богата на неожиданные повороты, разнообразнейшие примеры и лучшие практики, которые потом принимались, перехватывались и адаптировались на Западе. Соответственно, и мы имеем полное право заимствовать лучшее из западного опыта для решения тех актуальных задач, которые стоят перед Россией.

Впрочем, актуален и опыт Китая, со знаменитой формулой «Неважно, какого цвета кошка, важно, чтобы она ловила мышей». Применительно к текущей ситуации — неважно, как называется новая управленческая и экономическая модель в России, важно чтобы она способствовала процветанию общества и государства.

Воспоминания о будущем: традиционные российские хозяйственные практики в новых внешнеполитических условиях

Статья первая

Промышленная политика

Хлутков А. Д.¹, Межевич Н. М.^{2, 3, *}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³Институт Европы Российской Академии наук, Москва, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Экономические и управленческие практики Российской империи и СССР представляют собой набор подходов, которые актуализируются в текущих экономических и политических условиях. Промышленная политика и импортозамещение представляют собой набор мер, которые уже многократно применялись в российской и советской истории. Классическая либеральная модель современной российской экономики предусматривает ограниченное использование подобного инструментария. Это связано с тем, что нет соответствующих управленческих структур.

Ключевые слова: экономика Российской империи, СССР и его управленческие практики, «эффект колеи», план ГОЭЛРО, госплан, промышленная политика, внешние вызовы

Для цитирования: Хлутков А. Д., Межевич Н. М. Воспоминания о будущем: традиционные российские хозяйственные практики в новых внешнеполитических условиях. Статья первая. Промышленная политика // Управленческое консультирование. 2022. № 4. С. 10–18.

Memories of the Future: Traditional Russian Economic Practices in New Foreign Policy Conditions. Article one. Industrial Policy

Andrey D. Khlutkov¹, Nikolay M. Mezhevich^{2, 3, *}

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation

²Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

³Institute of Europe of Russian Academy of Science; Moscow, Russian Federation; *mez13@mail.ru

ABSTRACT

Economic and managerial practices of the Russian Empire and the USSR are a set of approaches that are updated in the current economic and political conditions. Industrial policy and import substitution are a set of measures that have already been repeatedly applied in Russian and Soviet history. The classic liberal model of the modern Russian economy provides for the limited use of such tools. This is due to the fact that there are no relevant management structures.

Keywords: economy of the Russian Empire, USSR and managerial practices, “gauge effect”, GOELRO plan, state planning, industrial policy, external challenges

For citing: Khlutkov A. D., Mezhevich N. M. Memories of the Future: Traditional Russian Economic Practices in New Foreign Policy Conditions. Article one. Industrial Policy // Administrative consulting. 2022. N 4. P. 10–18.

Согласно традиционным представлениям, государства выражают себя на международной арене через свою внешнюю политику, которая может принимать две основные формы: дипломатии и стратегии. Их назначение — удовлетворение национальных интересов, сохранение территориальной целостности страны, защита ее безопасности и суверенитета. Долгое время Россия руководствовалась именно дипломатией, на рубеже 2021–2022 гг. на помощь дипломатии пришла стратегия. Традиционные постоянные интересы государства диктуются обществом — безопасность и процветание. Что же делать в том случае, когда безопасность и процветание приходится обеспечивать через ситуационное обострение ситуации?

Национальная безопасность для России сегодня напрямую связана с формированием нового справедливого и демократического миропорядка, гарантирующего равную степень безопасности для всех государств мира. Добиться этой цели не просто, но возможно. Центральной задачей внешней политики России было и остается создание оптимальных условий для продолжения внутренних преобразований в интересах укрепления государства, обеспечения подъема экономики страны и повышения благосостояния ее граждан.

Еще один важный момент. Две крайне важные цитаты. Вслед за нашими коллегами повторим вывод 2014–2015 гг.: «Впервые в постсоветской истории между нашей страной и западными странами возник острейший политический конфликт, сопровождающийся недружественными мерами экономического характера, масштаб которых следует признать макроэкономически значимым» [12, с. 3]. И еще один тезис, выдержавший проверку временем: «Очевидно, что Пекин, Бразилия, Нью-Дели и Претория не рассматривают нынешние действия России как угрозу для себя. Напротив, этот конфликт характеризуется как реакция Москвы на действия „Запада“ в Украине»¹.

Международный экономический правопорядок находится в процессе радикальной, качественной, а не количественной трансформации. Для этого используется весь набор нормативного инструментария: универсальные, региональные, межрегиональные, двусторонние договоры, одностороннее регулирование. При этом все чаще используется регулирование посредством неправовых норм, политического и военного принуждения. В авангарде атаки на российскую и белорусскую экономику — Европа.

Проблемы европейской интеграции сегодня очевидны не только для европейцев, но и для всего мира. Прежняя модель европейской экономической и политической интеграции исчерпала себя. То, что могло рассматриваться как достижения ЕС, сегодня может рассматриваться как явные неудачи.

Не будем драматизировать, эпидемия — пандемия COVID-19 усугубила кризис глобальной экономической системы, но не явилась его причиной. Украина превратилась в инструмент воздействия на Россию, которой, в свою очередь, пришлось отвечать на вызовы глобального масштаба.

* * *

В России влияние внешнеполитической повестки на разработку и реализацию промышленной и инфраструктурной политики в последнее время существенно возрастает. Причем речь идет не только о национальных приоритетах, но и о форме ответа на объявленную экономическую блокаду, фактически — экономическую войну. Функционирование отечественной экономики в условиях особых санкцион-

¹ Между принципами и прагматизмом. Взгляд на украинский кризис из Бразилии, Индии, Китая, ЮАР [Электронный ресурс] / ред. Феликс Хетт, Моше Вин. Берлин, 2015. С. 5. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/id-moe/11511.pdf>.

ных режимов и ведущаяся в отношении России экономическая война подчеркивает объективную необходимость проведения структурных реформ в экономике России, предлагающих, прежде всего, адаптацию институциональной системы страны к новым реалиям.

Приоритетными направлениями развития хозяйственного комплекса страны являются его технико-технологическое перевооружение, организация собственной переработки сырьевых ресурсов, освоение инновационных технологий производства, что должно позволить в относительно короткие сроки обеспечить рост доходности и конкурентоспособности отечественной продукции и услуг на внутреннем и международном рынках. Особенно острой в настоящее время является проблема импортозамещения высокотехнологичного оборудования, необходимого для развития нефтяной, оборонной промышленности и сельского хозяйства.

Мы дифференцируем профессиональную и общественно-политическую дискуссии по вопросам о стратегии экономического развития и теоретической базе современного экономического развития. Уровень профессиональной дискуссии достаточно высок, однако она потому и называется профессиональной, что охватывает крайне большой круг лиц и даже далеко не всех тех, кто принимает стратегические решения. Совсем иная ситуация складывается в СМИ и экспертной журналистике. Нам пытаются сказать, что перед нами стоит выбор между либеральной моделью экономики и казарменным социализмом. Именно такая, сугубо ошибочная, парадигма продвигается во многих СМИ.

Авторы — журналисты и эксперты — и некоторая часть профессионалов не представляют и не понимают того, что либеральная модель экономики в том виде, который присутствует в трудах классиков экономического либерализма и даже в учебнике «Экономикс», вообще не встречается в реальном мире. Еще хуже обстоит дело с адекватными представлениями о советских хозяйственных практиках. Разумеется, не учитывается то, что моделей социалистической экономики было немало, в том числе в европейских социалистических странах. Социалистической страной не без основания считала себя Югославия — СФРЮ, представлявшая крайне интересную модель взаимодействия государственного и частного сектора, стратегических и тактических задач экономического развития.

Не сопоставимым с советским был частный сектор социалистических Венгрии (ВНР), Польши (ПНР). Ни на одном из сложнейших этапов своего развития от частного сектора так и не смогла отказаться КНР. Укажем и на то, что советская экономическая история и история управления экономикой была далеко не линейна. Проблематика новой экономической политики и косыгинские реформы нуждаются в новом переосмыслении. То, что было сделано в начале девяностых, крайне интересно и важно [7; 8], но не могло рассматриваться как модель приспособления прежнего опыта для эффективного заимствования. Это понятно и с теоретической, и с практической точек зрения, применить любые формы советского опыта в 90-е гг. прошлого века было невозможно. Были запущены рыночные реформы в латиноамериканском варианте — неолиберализме для слаборазвитых стран с неэффективными системами управления. Сейчас, в 2022 г., надо заново обратиться к данному вопросу.

Прежде всего, отказываясь от одних теорий, следует посмотреть, на какие теоретические подходы и практики мы можем опереться. Реформы, промышленная политика, импортозамещение, строительство инфраструктуры не могут быть самостоятельной целью экономического развития, они лишь механизмы решения задач общественного развития. Реализованные начиная с 1990–1991 гг. и практически до 2014 г. различные управленческие и хозяйственные практики базировались на полном или частичном отрицании российского (имперского), советского опыта. Однако «эффект колеи» — объективная реальность, по крайней мере, по отношению к России.

Что же имеется в виду под эффектом зависимости от ранее выбранного пути? Лауреат Нобелевской премии экономист Д. Норт предложил концепцию «Path Dependency» (зависимость от ранее выбранного пути). Под этим термином он имеет в виду «последствия небольших событий и случайных обстоятельств, определяющих решения, которые, будучи приняты, направляют развитие по определенному пути» [13, р. 92].

«Теория колеи» — инструмент, пригодный для объяснения необходимости обращения к российскому и советскому опыту последнего десятилетия XIX в. — 1990 г. Да, именно эти сто лет постоянного поиска новых хозяйственных и управленческих практик следует изучить заново.

«Зависимость от пути» или «эффект колеи» происходит потому, что в ряде случаев экономические и политические практики прошлого, от которых по тем или иным причинам ранее отказались, вновь становятся эффективными. Кроме того, «зависимость пути» для экономиста объясняет, каким образом набор решений текущего момента ограничен решениями, которые были приняты ранее.

Очевидно то, что выход из колеи зависимости предполагает отказ от предшествующей модели социально-экономического развития, соответственно, крайне важным является определение системных признаков той или иной модели социально-экономического развития. Очевидно и то, что каждый автор по-разному определяет порог, преодоление которого означает выход из предшествующей системы управления. Косыгинские реформы, при всей их фундаментальной значимости в экономической истории Советского Союза, нельзя считать попыткой выхода из «колеи развития», что, собственно, и доказывает их неудача. Впрочем, косыгинские реформы, проводимые в рамках классического социализма, в данной статье не рассматриваются.

Сама по себе концепция «Path Dependence» прямо указывает на необходимость опоры на собственную «колею», собственный исторический опыт.

* * *

Промышленная и инфраструктурная политика Российской империи, советская практика освоения «северов», план ГОЭЛРО, концепция территориально-производственных комплексов, опыт косыгинской реформы — все это наработки, которые после определенной адаптации могут быть применены и должны применяться сегодня.

Вопрос об эффективной промышленной политике имеет значимую теоретическую составляющую. С другой стороны, дискуссия о промышленной политике — это не более чем часть более важного спора о роли государства в экономическом развитии современной России. Что это означает для нас? С определенной долей условности следует признать то, что примерно до апреля–марта 2014 г. у России действительно существовал определенный выбор внешнеэкономической стратегии. Этот выбор определял и различные варианты отечественной промышленной политики.

Первый вариант — это продолжение доминировавшей в 90-е гг. и в значительной степени сохранившейся в XXI в. практики решения модернизационных задач за счет закупок товаров разной технологической сложности. Второй вариант — максимальное использование собственных технологических возможностей с опорой на приобретение современных технологий, но не товаров. В настоящее время первый вариант, объективно самый простой и, казалось бы, наименее затратный, больше невозможен, за что надо благодарить всех организаторов экономической блокады России.

Рассмотрим некоторые вопросы промышленной политики, опираясь на существующий задел [11]. Промышленная политика — это совокупность действий го-

сударства как института, предпринимаемых для оказания влияния на деятельность хозяйствующих субъектов.

Стратегию промышленной политики страны определяют структура и состояние экономики в целом, количество и качество трудовых ресурсов, гибкость рынка труда, а также возможность предвидения, какие товары и услуги будут востребованы мировым сообществом в будущем [10, с. 6]. Темпы развития национальной экономики действительно зависят от внешнеэкономической конъюнктуры, однако эта зависимость носит сложный характер. Внешнеэкономические связи могут как помочь, так и помешать экономическому развитию страны. Рассмотрим это на примере промышленной политики. Неконтролируемая открытость национального рынка — путь к катастрофе [4]. Закрытость в стиле КНДР — аналогичный результат. В любом случае, отсутствие действенной государственной политики развития промышленности сегодня может оцениваться исключительно по П. Милюкову — «глупость или измена?».

* * *

Одной из форм преодоления текущей ситуации должно стать повышение роли государства. Однако вопрос — о формах и датах этого «повышения». А в рамках этого вопроса важен вопрос об инновациях. Кто главный инноватор? Государство или бизнес? Классиком экономической теории немецкой школы является Йозеф Шумпетер. Для Шумпетера смысл понятия «инновация» заключался в рыночном освоении научных достижений, т. е. предприниматель, соответственно, являлся ключевой фигурой инновационной парадигмы экономического развития» [2, с. 10]. Однако на практике в России инновации реализуются лишь при уверенности бизнеса в высокой капитализации инвестиций. Кроме того, — и это самое главное, — инновации объективно являются точечными и в условиях текущих глобальных вызовов не работают. Следует считать доказанным тот факт, что без масштабных государственных инвестиций в инфраструктуру инновационное развитие невозможно. Это признают даже представители неоклассической экономической теории — «неоклассики».

Подчеркнем, что необходимость усиления роли государства — это совсем не социализм, и в России этот процесс начался задолго до 1917 г. «Российское правительство делало то, что в других странах осуществлялось посредством использования рычагов развивающегося свободного рынка», причем интерес правительства был обусловлен «стратегической важностью создания железных дорог и общими политическими соображениями» [3, с. 156].

В Санкт-Петербурге — столице Российской империи — понимали, что возможности государства в условиях капитализма ограничены. В течение всей империалистической стадии русского капитализма монополии не встали на путь развития промышленности в каких-либо новых районах страны. Наоборот, в XX в. новое строительство сосредоточивалось в районах, выросших еще в дореформенную эпоху (именно в этой небольшой группе мы видим Санкт-Петербург), или в эпоху промышленного капитализма, или на Урале и в Сибири [6].

Как пример опыта прошлого, прекрасно применимого в текущей ситуации, укажем на ГОЭЛРО. Государственный план электрификации России был принят по инициативе В.И. Ленина, на VIII съезде Советов в декабре 1920 г. Обратим внимание, это произошло еще во время Гражданской войны. При этом ГОЭЛРО должен был на что-то опираться, необходимо было создать соответствующую управленческую структуру. В этом ключе следует рассматривать учреждение Государственной общеплановой комиссии, плановых комиссий при наркоматах и территориальных плановых комиссий. Разумеется, это следует оценивать как жесткое государственное управление экономикой.

План ГОЭЛРО имел введение, состоящее из шести глав:

- А. Электрификация и план государственного хозяйства;
- Б. Электрификация и топливоснабжение;
- В. Электрификация и водная энергия;
- Г. Электрификация и сельское хозяйство;
- Д. Электрификация и транспорт;
- Е. Электрификация и промышленность [9, с. 130].

Государственный план электрификации России представлял собой удивительно успешный пример поиска той самой точки опоры, с помощью которой, согласно древней легенде, можно перевернуть Землю, если не всю, то, как минимум, ее часть, называемую Советской Россией. Обладая небольшим количеством ресурсов, нужно было приложить усилия к ключевой точке, позволившей начать промышленную революцию, и если не догнать условный коллективный Запад, то, по крайней мере, начать преодолевать отставание от него.

Задача была решена. Задел оказался таким масштабным, что его хватило не только на всю последующую советскую историю, но и, по большому счету, на постсоветский период.

Сейчас мы живем в модели энергетической инфраструктуры, фактически продолжающей теорию и практику ГОЭЛРО. Здесь нет никакого преувеличения. План далеко выходил за пределы своего названия и фактически конституировал курс на новую промышленную и размещенческую политику. В основе плана лежали разработки Комиссии по изучению естественных производительных сил — КЕПС. Комиссия по изучению естественных производительных сил была уникальной организацией, которая стала реакцией на кризис 1914 г. Она была создана в 1915 г. и работала под руководством академика Владимира Вернадского.

Талантливый ученый и искренний патриот своей Родины, Вернадский видел проблему зависимости экономики России от поставок из Германии, Австро-Венгрии и, частично, Турции, которая казалась нерешаемой после начала Первой мировой войны [1].

В 1930 г. на основе КЕПС и Комиссии экспедиционных исследований АН был создан Совет по изучению производительных сил СССР АН СССР, который готовил обоснования для принятия пятилетних планов [5].

Первый план электрификации России подготовлен в виде огромного доклада на 650 страниц с картами и схемами. Доклад был адресован VIII Съезду Советов, который в декабре 1920 г. единодушно одобрил документ. Одним из авторов плана ГОЭЛРО стал академик Г.М. Кржижановский, при Советской власти — Председатель комиссии по электрификации России, Председатель Госплана Советской России, затем СССР, директор Института энергетики Академии наук СССР. Государственный план электрификации России разрабатывали доктора, профессора, академики, получившие высокие звания и блестящие образование еще в той императорской России и не поменявшие свою родину на берлинские таксомоторы.

Без КЕПС не было бы ГОЭЛРО, а без ГОЭЛРО не было бы теории регионально-го развития, ГОСПЛАНА, пятилеток победы в Великой Отечественной войне.

Сегодня трудно понять, почему В.И. Ленин назвал план промышленного развития России «электрификацией». Возможно, решалась задача информационной доступности. «Лампочка Ильича» как пиар-проект. Очевидно то, что по масштабу задач ГОЭЛРО далеко выходил за пределы проблемы электрификации. Фактически речь шла о решении четырех масштабных задач.

1. Анализ имеющегося социально-экономического и природно-ресурсного потенциала. Преодоление ситуации, когда страна закупает сырье, имеющееся, но не добываемое в стране, и оборудование, которое может производить, но не производит.

2. Опора на отрасли и производства, способные стать локомотивами для всей экономики, как основа для преодоления технологического отставания.
3. Прорыв торгово-экономической блокады. Импортозамещение как перспективная стратегическая цель с опорой на минимально доступные зарубежные технологии.
4. Эффективная территориально-отраслевая модель управления.

А теперь ответим на вопрос: есть ли хотя бы одна задача, которая сейчас, через сто лет после ГОЭЛРО перестала быть актуальной?

Подведем некоторые итоги.

Политические и экономические предпосылки развертывания новой государственной промышленной политики следующие:

Во-первых, экономика, замкнутая на торговлю углеводородами и сельскохозяйственной продукцией, в долгосрочном плане весьма неустойчива при любой, в том числе — самой идеальной конъюнктуре.

Во-вторых, сохранение существующих тенденций в структуре роста и динамике конкурентоспособности российской промышленности практически равносильно гибели государства, а не конкретных отраслей.

Третье. Бизнес — промышленный и/или финансовый — уже не может самостоятельно переломить эту тенденцию ввиду ограниченности собственных ресурсов производственных предприятий, сложности привлечения кредитных ресурсов для реализации ими инвестиционных проектов.

Четвертое. Анализ состояния государственной политики поддержки экспорта промышленной продукции показывает, что она затрагивает небольшую долю общего объема промышленного экспорта и не распространяется на большинство российских экспортеров промышленной продукции. К основным факторам, сдерживающим развитие отечественного экспорта промышленной продукции, относятся высокие риски для экспортеров и невыгодные условия кредитования экспортных операций в данной сфере.

Пятое. Помимо национальных проектов существуют отрасли экономики, не пользовавшиеся достаточным вниманием власти и масштабные связанные до недавнего времени с иностранным капиталом: автомобилестроение, авиастроение и ряд других. Эти отрасли должны претендовать на финансовую и административную поддержку государства. Во всяком случае, если мы хотим, чтобы они стали основой конкурентоспособности российской экономики в будущем.

Шестое. Для устранения подобных негативных эффектов необходимо создание как системы поддержки национального экспорта, что на сам деле вторично, так и национального производства, что, разумеется, первично.

Седьмое. Новые — старые подходы нужны в кадровой работе. Эпоха эффективных менеджеров-«универсалов» заканчивается. Возвращается время профессионалов не только на государственной службе, но и в промышленности.

Сказанное означает, что российская промышленная и инфраструктурная политика должны быть сконцентрированы на главных, критических направлениях, иначе проблему производства конкурентоспособной продукции и обеспечения ускоренного экономического роста в стране не решить.

Развитие экономических и политических отношений России с основными партнерами будет и дальше иметь значимую сырьевую составляющую. Однако перед нами не просто высокая нестабильность внешних факторов ценообразования, а экономическая блокада.

Российская промышленная политика в ближайшее время должна развиваться под влиянием двух основополагающих тенденций. Во-первых, промышленная и инфраструктурная политика должна обеспечивать безопасность общества и государства от внешней агрессии. Цена вопроса в этом случае может быть любая. Но при определенных условиях. Государственная поддержка и защита должна распростра-

няться только на стратегические отрасли. Должен заработать известный заокеанский принцип — «Что хорошо для Дженерал Моторс, то хорошо для страны». Но это предполагает очень четкое выделение тех 10–15 корпораций, вероятно, го-скорпораций, для которых этот подход — норма.

Во-вторых, любая политика, в том числе промышленная, нуждается в оформлении. В России и СССР классической формой регламентации являются документы стратегического характера. Любой вид экономической политики, представляя собой комплекс последовательных действий, осуществляемых субъектом в отношении некоторого набора объектов с определенной целью, предполагает установление обязательных для соблюдения правил, поддерживаемых соответствующими механизмами, которые обеспечивают соблюдение данных правил действующими лицами (хозяйствующими субъектами). С этой точки зрения любое направление политики всегда связано с созданием и изменением институтов. Современный экономический анализ, как и практика государственного регулирования в современном мире, приводят к другому выводу: достижение текущих, пост-февральских целей развития невозможно без использования новых — старых институциональных, управленческих форм.

Литература

1. Асаул А. Н. Экономическая программа КЕПС и ее значение для возрождения экономики России и Украины [Электронный ресурс]. СПб. : Институт проблем экономического возрождения, Экономическое возрождение России, 2005. 34 с. // IPR SMART: [сайт]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/18293.html> (дата обращения: 14.03.2022).
2. Бусыгина И., Филиппов М. Политические условия и ограничения инновационного развития России // Вестник Института Кеннана в России. 2010. Вып. 18. С. 7–22.
3. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / пер. с англ. А. В. Белых. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2015.
4. Касьяненко В. И. Как была завоевана технико-экономическая самостоятельность СССР. М. : Мысль, 1964.
5. Кольцов А. В. Деятельность комиссии по изучению естественных производительных сил России: 1914–1918 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 128–139.
6. Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Разумовский В. М. Некоторые вопросы оценки роли транспортного фактора в экономической истории Северо-Запада России конца XIX — начала XX в. // Экономическая история. 2020. Т. 16. № 2. С. 101–111.
7. Мау В. А. Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861–1929) / Российская акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации. Изд. 3-е, перераб. М. : Дело, 2013. 511 с.
8. Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе. Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М. : Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2000. 159 с.
9. Отрокова О. Ю., Щербакова О. М. План ГОЭЛРО — программа революционной России // Манускрипт. История и археология. 2017. № 10-1 (84). С. 129–135.
10. Промышленная политика европейских стран / под ред. Н. В. Говоровой. М. : Институт Европы РАН, 2010.
11. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России / Лорен Грэхэм. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014.
12. Широков А. А., Янговский А. А., Потапенко В. В. Оценка потенциального влияния санкций на экономическое развитие России и ЕС // Проблемы прогнозирования. 2015. № 4. С. 3–16.
13. North D. N. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1992.

Об авторах:

Хлутков Андрей Драгомирович, директор Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; khlutkov-ad@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Asaul A.N. The economic program of Commission for study of Russian natural production power and its importance for the revival of the economy of Russia and Ukraine [Electronic resource]. St. Petersburg: Institute for Economic Revival, Economic Revival of Russia, 2005. 34 p. // IPR SMART: [site]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/18293.html> (accessed date: 14.03.2022) (in Rus).
2. Busygina I., Filippov M. Political conditions and restrictions on the innovative development of Russia // Bulletin of the Kennan Institute in Russia [Vestnik Instituta Kennana v Rossii.]. 2010. N 18. P. 7–22 (in Rus).
3. Gershenkron A. Economic backwardness in historical perspective / translation from English A.V. Belykh. M.: Publishing House "Delo" RANEPA, 2015 (in Rus).
4. Kasyanenko V.I. How the technical and economic independence of the USSR was won. M.: Thought, 1964 (in Rus).
5. Koltsov A.V. Activities of the Commission for the Study of Natural Productive Forces of Russia: 1914–1918 // Issues of the history of natural science and technology [Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki]. 1999. N 2. P. 128–139 (in Rus).
6. Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M., Razumovsky V.M. Some issues of assessing the role of the transport factor in the economic history of the North-West of Russia of the late XIX — early XX centuries // Economic history [Ekonomicheskaya istoriya.]. 2020. Vol. 16. N 2. P. 101–111 (in Rus).
7. Mau V.A. Reforms and dogmas. State and Economy in the Era of Reforms and Revolutions (1861–1929) / Russian Academy of Economic Sciences and State Services under the President of the Russian Federation. Ed. 3rd, reworked. M.: Delo, 2013. 511 p. (in Rus).
8. Olsevich Yu., Gregory P. Planning system in retrospect. Analysis and interviews with the heads of planning of the USSR. M.: Faculty of Economics of Moscow State University, TEIS, 2000. 159 p. (in Rus).
9. Otrokova O.Yu., Shcherbakova O.M. GOELRO Plan — Program of Revolutionary Russia // Manuscript. History and archaeology [Manuskript. Istoriya i arkheologiya]. 2017. N 10-1 (84). P. 129–135 (in Rus).
10. Industrial policy of European countries / edited by N.V. Govorova. M.: Institute of Europe RAS, 2010 (in Rus).
11. Can Russia compete? History of Innovation in Tsarist, Soviet and Modern Russia / Lauren Graham. M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2014 (in Rus).
12. Shirov A.A., Yantovsky A.A., Potapenko V.V. Assessment of the potential impact of sanctions on the economic development of Russia and the EU // Forecasting problems [Problemy prognozirovaniya]. 2015. N 4. P. 3–16 (in Rus).
13. North D.N. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1992.

About the authors:

Andrey D. Khlutkov, Director of North-West Institute of Management — branch of the RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Associate Professor; khlutkov-ad@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

«Торговая война» США и КНР в контексте деглобализации и реидеологизации международных отношений

Часть 1

Шумилов М. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; mshumilov@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье выясняются причины, проявления, обстоятельства, результаты и глобальные последствия «торговой войны» между США и Китаем в 2018–2021 гг. На основании анализа управленческих решений, экспертных оценок, данных статистики и опросов общественного мнения автор высказывает суждения и предположения относительно преемственности политики США, провоцирующей и обостряющей конфликтные отношения двух стран, а также способствующей их проникновению во все сферы политики, экономики, культуры и даже спорта. Одновременно во внимание принимаются последовательные и адекватные меры со стороны КНР, имеющие преимущественно оборонительную направленность. При этом антикитайская торговая, инвестиционная, технологическая политика, которая уже при Дональде Трампе проводилась во имя обеспечения национальной безопасности Соединенных Штатов, а при Джо Байдене фактически переросла в гибридную холодную войну, трактуется в контексте причинно-следственных связей, характеризующих кризис неолиберальной модели капитализма и намерений мировой элиты перезапустить Бреттон-Вудскую систему за счет перехода на «зеленую» энергетику. Важнейшим ресурсом начавшейся трансформации становится идеология оправдания любых санкций и других волевых решений «демократических» государств Запада во главе с США против «авторитарных» неудачников энергетического перехода. Следовательно, «торговая война» США и КНР, объективно выступая инструментом дезорганизации глобального мира и мощным ограничителем глобализации, основанной на «рыночном фундаментализме», становится демиургом новой глобализации, проектируемой на платформе «идеологического фундаментализма». В ситуации многополярного мира и обострившегося соперничества ядерных держав перезапуск мировой экономики посредством глобальной войны представляется невозможным. Напротив, механизм взимания «зеленой» контрибуции в пользу потенциальных бенефициаров новой глобализации еще не апробирован. В рамках такой перспективы «торговая война» США и КНР становится не только экзистенциальной заботой США и их союзников, но и проблемой выживания КНР. Очевидно, этим обстоятельством объясняется наметившееся сближение КНР и РФ в направлении объединения ресурсов и формирования военно-политического союза.

Ключевые слова: США, Китай, мировая торговля, торговая война, торговый баланс, тарифные барьеры, инвестиции

Для цитирования: Шумилов М. М. «Торговая война» США и КНР в контексте деглобализации и реидеологизации международных отношений (Часть 1) // Управленческое консультирование. 2022. № 4. С. 19–34.

The US-China Trade War in the Context of Deglobalization and the Reideologization of International Relations (Part 1)

Mikhail M. Shumilov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation; mshumilov@mail.ru

ABSTRACT

This paper is devoted to the causes, manifestations, circumstances, results and global consequences of US-China trade war in 2018–2021. Based on the analysis of management decisions, expert assessments, statistics and opinion polls, the author makes judgments and assumptions about the continuity of US policy, provoking and aggravating conflict relations between the two countries, as well as contributing to their penetration into all spheres of politics, economy, culture and even sports. At the same time, consistent and adequate measures on the part of the People's Republic of China, which have a predominantly defensive orientation, are taken into account. At the same time, the anti-Chinese trade, investment, and technology policy, which was already carried out under Donald Trump in the name of ensuring the national security of the United States, and under Joe Biden actually turned into a hybrid cold war, is interpreted in the context of causal relationships characterizing the crisis of the neo-liberal model of capitalism and the intentions of the world elite to restart the Bretton Woods system by switching to "green" energy. The most important resource of the transformation that has begun is the ideology of justifying any sanctions and other strong-willed decisions of the "democratic" Western states led by the United States against the "authoritarian" losers of the energy transition. Consequently, the "trade war" of the USA and China, objectively acting as an instrument of disorganization of the global world and a powerful limiter of globalization based on "market fundamentalism", becomes the demiurge of the new globalization projected on the platform of "ideological fundamentalism". In the situation of a multipolar world and the intensified rivalry of nuclear powers, restarting the world economy through a global war seems impossible. On the contrary, the mechanism of collecting a "green" contribution in favor of potential beneficiaries of the new globalization has not yet been tested. Within this perspective, the US-China trade war becomes not only an existential concern of the US and its allies, but also a problem of China's survival. Obviously, this circumstance explains the emerging rapprochement between the PRC and the Russian Federation in the direction of pooling resources and forming a military-political alliance.

Keywords: USA, China, world trade, trade war, trade balance, tariff barriers, investments

For citing: Shumilov M. M. The US-China Trade War in the Context of Deglobalization and the Re-ideologization of International Relations (Part 1) // Administrative consulting. 2022. N 4. P. 19–34.

Принято считать, что решение Ямайской валютно-финансовой конференции 1976 г. о свободном плавлении валют положило начало глобализации — относительно устойчивому периоду в развитии капитализма с характерным для него учащением трансграничных перемещений различного рода активов в интересах, прежде всего, ТНК и глобальных финансовых институтов. В последующие годы в мировом масштабе утвердилась система плавающих валютных курсов, финансовая система, прежде всего, ее спекулятивная часть отделилась от реальной экономики. Банковская деятельность приобрела транснациональный характер. Победа финансового капитала над промышленным ускорила переход к постиндустриальной модели развития. Все это обеспечило перезапуск Бреттон-Вудской системы и возобновило процесс дальнейшего углубления разделения труда и расширения рынков.

Затем в условиях рейганомии и тэтчеризма страны Запада перешли к политике экономического дерегулирования, обеспечившей распространение конкуренции на сферы, до того полностью или частично закрытые для рыночных сил. Деформировалось антимонопольное и трудовое законодательство, налоговое бремя с корпораций было переложено на потребителей товаров и услуг. Одновременно произошло сокращение бюджетной нагрузки к ВВП. Главным стимулом экономического роста стал частный спрос, который поддерживался щедрой кредитной «накачкой», умножавшей вместе с тем задолженность домохозяйств. Наконец, с конца 1980-х годов в мировом масштабе возобладала неолиберальная экономическая доктрина «Вашингтонского консенсуса», реализация которой обеспечила всемерное развитие и господство финансовых рынков. Последующий распад СССР и долларизация

пространств бывшего «социалистического содружества» еще на 20 лет продлили период относительного рыночного благополучия.

Экономический кризис 2008–2009 гг. положил конец восходящему тренду глобализации. Неолиберальный механизм перестал обеспечивать расширенное воспроизводство капитала. Дальнейшая эмиссия доллара и других мировых валют лишь провоцирует усиление инфляции и не может остановить продолжающийся экономический спад. Деривативные и другие накопленные обязательства различных хозяйствующих и политических субъектов на многие сотни триллионов долларов грозят обрушением финансовых рынков. Накопленные долги домохозяйств сдерживают потребительский спрос, обесценивая модель «общества потребления». Тем не менее центральные банки продолжают курс на беспрецедентное смягчение денежной политики. Согласно данным Institute of International Finance, в 2020 г. программы поддержки экономики привели к росту глобального долга на 24 трлн долл., и он установил новый критический рекорд — 281 трлн, а его отношение к мировому ВВП превысило 355%¹.

Именно в безумии финансовых властей, напечатавших неоправданно много денег, эксперт в области мировых финансов В. Ю. Катасонов видит главную причину планетарных неурядиц: «Если рассматривать макроэкономическую политику — совокупный долг американской экономики превысил 300% ВВП, в Европейском союзе примерно также, а в Китае ситуация еще хуже. В Китае относительный уровень долга примерно 600% (с учетом теневого банкинга) ВВП, поэтому если начнется волна мирового кризиса, то Китай пострадает больше, чем американская или европейская экономики»². Такая политика неизбежно порождает высокую инфляцию, в результате которой деньги оседают на фондовом рынке. По словам макроэкономиста М. Л. Хазина, это «ведет к его перегреву и грозит коллапсом с большими потерями для инвесторов»³. Хаотизация мирового рынка рабочей силы угрожает уничтожением новых миллионов рабочих мест.

На торгах 12 марта 2020 г. произошел сильнейший с 1987 г. обвал на рынках США: Dow Jones опустился на 9,99%, S&P 500 — на 9,51%, а NASDAQ — на 9,43%⁴. По данным Bloomberg, к середине марта состояние богатейших людей в мире с начала 2020 г. сократилось почти на 1 трлн долл. 16 марта 2020 г. на фондовых площадках США вновь произошел обвал: индекс 500 крупнейших компаний США S&P 500 упал на 8%. По этой причине приостанавливались торги на Нью-Йоркской фондовой бирже (NYSE)⁵. Всего же за первый квартал 2020 г. биржевой промышленный индекс Dow Jones опустился на 23,2%⁶. Комментируя эти события, дирек-

¹ *Переход С.* «Рынок подает сигналы тревоги». Чем может закончиться рост мирового долга // РБК. 2021. 17 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/604f82279a7947b5186392c6> (дата обращения: 12.12.2021).

² Валентин Катасонов о мировом финансовом кризисе: ситуация в мире пахнет очень тухло // Яндекс. Дзен. 2020. 13 марта. [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/kmbook/valentin-katsonov-o-mirovom-finansovom-krizise-situacii-v-mire-pahnet-ochen-tuhlo-5e6b3985e8f40964c405c17c> (дата обращения: 12.12.2021).

³ *Селезнева А.* Миллионы потеряют все: Хазин предупредил о коллапсе мировых рынков // Рамблер. Финансы. 2021. 29 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/46718459-milliony-poteryayut-vse-hazin-predupredil-o-kollapse-mirovyh-rynkov/> (дата обращения: 12.12.2021).

⁴ Рынки США закрылись ростом после рекордного с 1987 года падения // РБК. 2020. 14 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/business/14/03/2020/5e6c38109a7947f3f1aa41a3> (дата обращения: 12.12.2021).

⁵ Биржи в США обвалились после заявления Трампа о возможной рецессии историю // РБК. 2020. 16 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/03/2020/5e6fdd869a7947b714ad11de> (дата обращения: 12.12.2021).

⁶ Dow Jones показал худший первый квартал года за всю свою // РБК. 2020. 1 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/04/2020/5e8423b19a>

тор-распорядитель МВФ Кристилина Георгиева признала, что ситуация в мировой экономике была много хуже, чем во время кризиса 2008–2009 гг.: «Мы никогда в истории МВФ не видели, чтобы мировая экономика остановилась. Мы в рецессии, она намного хуже, чем глобальный экономический кризис»¹. По оценке В. Ю. Катасонова, это был «самый глубокий спад в мировой экономике со времен кризиса 1929–1933 гг.», имевший «признаки экономического, финансового, банковского, валютного, но также и долгового»².

Действительно, отмечающееся повсеместно падение совокупного частного и государственного спроса в результате неизбежной остановки механизма его кредитной поддержки подтверждает главный вывод «теории кризиса» М. Л. Хазина о конечности капитализма: снижение реальной доходности капитала ведет к сокращению инвестиций в реальный сектор. В среднесрочной перспективе шести — восьми лет человечество ожидают хаотичный и непредсказуемый спад деловой активности, обрушение мировых рынков, которые за предыдущие десятилетия раздвинулись до своих крайних пределов, и примитивизация системы разделения труда, которой стало некуда расширяться³. Деградация Бреттон-Вудских институтов — МВФ, Всемирного банка и Всемирной торговой организации (ВТО) — свидетельствует об их беспомощности и бесполезности в новых условиях [9, с. 408–409].

Сегодня структурный кризис глобальной экономики осложняет пандемия коронавируса COVID-19. В ноябре 2020 г. на саммите G20 Президент России В. В. Путин даже заявил, что «эпидемия коронавируса, глобальный локдаун и замораживание экономической активности запустили системный экономический кризис, которого современный мир со времен Великой депрессии, наверное, еще не знал»⁴. Еще определеннее он высказался на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021 г.: «Социально-экономические проблемы человечества обострились до степени, при которой в минувшие времена случались потрясения всемирного масштаба: мировые войны, кровопролитные общественные катаклизмы. Все говорят о том, что существующая модель капитализма — а это сегодня основа общественного устройства в подавляющем большинстве

79472cf54a1565 (дата обращения: 12.12.2021). Созданный в 1884 г., индекс Dow Jones сегодня составляется на основе котировок акций 30 крупнейших компаний США. По данным Market Watch, падение в первом квартале 2020 г. оказалось сильнее, чем за 124 года с момента появления данных в открытом доступе, а по данным Washington Post — за все 135 лет существования (там же).

¹ МВФ объявил о первой в истории остановке мировой экономики // Взгляд. Деловая газета. 2020. 3 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/news/2020/4/3/1032455.print.html> (дата обращения: 12.12.2021).

² Катасонов В. По миру покати́лась волна государственных дефолтов // Фонд стратегической культуры. 2020. 29 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2020/11/29/po-miru-pokatilas-volna-gosudarstvennyh-defoltov-52358.html> (дата обращения: 12.12.2021).

³ Иванов С. Коронавирус или асимметричный ответ Китая: Хазин объяснил падение фондовых рынков // Радио «Комсомольская правда». 2020. 25 февраля [Электронный ресурс]. URL: https://radiokp.ru.turbopages.org/radiokp.ru/s/ekonomika/koronavirus-ili-asimmetrichnyy-otvet-kitaya-khazin-obyasnil-padenie-fondovykh-rynkov_nid12439_au512au (дата обращения: 12.12.2021); Хазин М. Теория кризиса // Хазин.ру. 2021. 22 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://khazin.ru/articles/1-mirovoy-krizis/96635-teorija-krizisa> (дата обращения: 12.12.2021); Экономика, которые первыми сойдут с дистанции. Михаил Хазин // Клуб «Улица правды». 2021. 25 ноября [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=45U7Mt_Zbyk (дата обращения: 12.12.2021).

⁴ Путин считает рост безработицы и бедности главными рисками для мира // РИА Новости. 2020. 21 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20201121/putin-g20-1585693991.html> (дата обращения: 12.12.2021).

стран — исчерпала себя, в ее рамках нет больше выхода из клубка все более запутанных противоречий»¹.

Рассуждая о перспективах капитализма, экс-премьер-министр Италии Марио Монти в формате «Глобальный диалог» на канале Евроньюс заявил о завершении тенденции уменьшения роли государства, продолжавшейся последние 40 лет. В свою очередь американский экономист Джозеф Стиглиц, призывая переосмыслить бесполезную неолиберальную идеологию, признал факт усиления в США государственного регулирования: «Если мы не хотим умереть от глобального потепления, нам потребуются новые законы о защите труда и о монополиях. Нам также потребуются государственные инвестиции... раньше считалось, и в США, и в Европе, что государство не должно заниматься промышленной политикой. А сейчас обе партии проголосовали за выделение огромных денег на изучение того, как повысить нашу конкурентность. Резкое изменение подхода. Об этом не так много говорят, но это фундаментальное изменение экономической модели»². Аналогичное мнение высказывает британский эксперт в области политэкономии Калим Сиддики, свидетельствующий о банкротстве неолиберализма и повсеместном восстановлении понимания важности суверенитета, национальной экономики и внутренних рынков³.

Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш отмечает целый «каскад кризисов, обрушившийся на человечество: от бедности и неравенства, конфликтов и изменения климата, деградации окружающей среды, стихийных бедствий — до роста разногласий и недоверия между государствами». COVID-19, по его словам, затормозил вклад торговли в экономический рост, в 2020 г. были прерваны потоки международной торговли, подорвано производство и нарушена транспортно-логистическая система. В 2020 г. прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в мировом масштабе сократились на 35% — до 1 трлн долл., по сравнению с 1,5 трлн в 2019 г.⁴

Трансформации современного мира, смещение центра тяжести мировой политики и экономики из Евроатлантики в АТР со всей очевидностью свидетельствуют об утрате странами Запада безусловного лидерства. При этом последние стремятся сохранить свою гегемонию, пытаются диктовать другим членам международного сообщества свои правила, открыто вмешиваются в их внутренние дела, используют средства недобросовестной конкуренции, произвольно применяют меры тарифного и нетарифного регулирования, под надуманными предлогами практикуют санкции и другие ограничительные меры [6, с. 215]⁵. Следует признать, что на

¹ Выступление В.В. Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021 г. // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/66975> (дата обращения: 12.12.2021).

² Джозеф Стиглиц и Марио Монти о новой модели экономики [Электронный ресурс] // Евроньюс. 2021. 7 сентября. URL: <https://ru.euronews.com/2021/09/07/monti-and-stiglitz> (дата обращения: 12.12.2021).

³ Siddiqui K. The Impact of Covid-19 on the Global Economy // The World Financial Review. June 24, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://worldfinancialreview.com/the-impact-of-covid-19-on-the-global-economy/> (дата обращения: 12.12.2021).

⁴ World Investment Report 2021 Investing in Sustainable Recovery // UNCTAD [Электронный ресурс]. URL: <https://unctad.org/webflyer/world-investment-report-2021>; Глава ООН призвал возродить масштабы международной торговли и потоки прямых иностранных инвестиций // Новости ООН. 2021. 4 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/10/1411172> (дата обращения: 12.12.2021).

⁵ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/1> (дата обращения: 12.12.2021); Владимир Путин принял участие в расширенном заседании коллегии Министерства иностранных дел. 18 ноября 2021 года // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67123> (дата обращения: 12.12.2021).

фоне заявлений о недопустимости протекционизма он становится более изощренным, принимая формы экологических и технологических ограничений. Одновременно с этим происходит разрушение глобальной системы легитимизации собственности, формирование которой особенно активно протекало в 1990-е — начале 2000-х гг.¹

Многочисленные факты перераспределения государственных ресурсов и предпочтений в интересах привилегированных хозяйствующих субъектов тоже свидетельствуют о разрушении модели рыночного фундаментализма. По словам главного исполнительного директора нефтегазовой компании «Роснефть» И. И. Сечина, «... на рынке наблюдается усиление конкуренции за финансирование: “зеленая” энергетика получает все более значительные субсидии, что искажает ее реальную доходность, которая пока остается достаточно низкой... Таким образом, помимо экономической системы координат внедряется альтернативная система, строящаяся на климатическом давлении и даже шантаже, исключая базовый принцип экономической эффективности»².

Наконец, экономический симбиоз США и КНР, олицетворявший собой на протяжении десятилетий успешность проекта либеральной глобализации, сегодня терпит фиаско. Стоит лишь вопрос о мере «разъединения» двух сильнейших экономик мира³.

Представляется, что деградация американско-китайских отношений стала закономерным результатом нисходящего тренда глобализации (деглобализации) и начавшейся идеологизации международных отношений. По объективным причинам стороны утратили возможность дальнейшего соблюдения достигнутых в 1970-е гг. договоренностей. Важнейшей причиной обостряющейся напряженности между ними является нетерпимость США к усилению партнера в сфере высоких технологий и вооружений, объективно представляющему угрозу их мировому лидерству [8; 10]. «Китай, — по словам редактора консервативной британской газеты The Sunday Telegraph Аллистера Хита, — больше невозможно сдерживать: он уже захватил Гонконг и в конце концов захватит Тайвань»⁴.

Американо-китайские противоречия, считает научный руководитель Валдайского форума Ф. А. Лукьянов, стали «стержнем “эры великодержавного соперничества”, которую провозгласили при Трампе, а при Байдене не отменили, а только упрочили»⁵. Действительно, в противодействии намерению Китая обеспечить себе экономическое и технологическое превосходство в XXI в., администрация президента США Дональда Трампа развязала в 2018 г. против него торговую войну. Прежде всего, это про-

¹ М. Хазин: Главная проблема в мире не экономический кризис, а разрушение глобальной системы легитимизации собственности // Яндекс-Дзен. 2020. 14 сентября [Электронный ресурс]. URL: https://zen.yandex.ru/media/human_resources_inform/mhazin-glavnaia-problema-v-mire-ne-ekonomicheskii-krizis-a-razrushenie-globalnoi-sistemy-legitimizacii-sobstvennosti-5f5f992f249b32282b779402?utm_campaign=dbr (дата обращения: 12.12.2021).

² Игорь Сечин выступил с ключевым докладом на специальной сессии в рамках XIV Евразийского экономического форума в Вероне // Роснефть. 2021. 28 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosneft.ru/press/news/item/208243/> (дата обращения: 12.12.2021).

³ What's Inside: The Fight Over the Global Economy's Future // Foreign Affairs. May/June 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/issue-packages/2021-04-20/trade-wars> (дата обращения: 12.12.2021).

⁴ Хит А. Декаданс и высокомерие наконец разрушили американскую империю // The Telegraph, Великобритания. 2021. 19 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20210819/250340741.html> (дата обращения: 12.12.2021).

⁵ Лукьянов Ф. Не лучше, но проще. Что назвал трехполярностью глава объединенного Комитета начальников штабов США // Российская газета. 2021. 16 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/11/16/chto-nazval-trehpoliarnosti-glava-obedinennogo-komiteta-nachalnikov-shtabov-ssha.html> (дата обращения: 12.12.2021).

явилось в протекционистской защите американского рынка. Так, в середине июня 2018 г. США ввели 25% пошлину на товары из КНР на сумму 34 млрд долл. Затем Д. Трамп объявил о введении с 24 сентября 2018 г. 10% пошлины на товары из Китая на сумму 200 млрд долл. С 1 сентября 2019 г. США установили 15% тариф на китайский импорт в размере 112 млрд долл. и до конца года 2019. предусматривали распространить его на китайские товары стоимостью в 300 млрд [2]¹.

Д. Трамп также объявил Китай валютным манипулятором и обвинил китайских товаропроизводителей в недобросовестной конкуренции, нарушении правил трансфера технологий и краже интеллектуальной собственности. При этом он опирался на данные расследования Конгресса США 2012 г., согласно которым уже тогда Huawei могла использовать сетевое оборудование для шпионажа в США. В апреле 2018 г. американские спецслужбы подтвердили вербовку китайцами иностранных ученых, хищение американской интеллектуальной собственности, а также целевое приобретение компаний в США².

Одна из главных целей протекционистской политики Д. Трампа заключалась в подрыве «технологического суверенитета» КНР. В августе 2018 г. президент США запретил использование оборудования, произведенного китайскими телекоммуникационными компаниями Huawei и ZTE, правительственным учреждениям, подрядчикам и агентствам США. Кроме того, любому оператору с существенным объемом китайского телекоммуникационного оборудования запрещалось претендовать на государственные контракты. Тогда же в Австралии операторам связи запретили использовать оборудование производства Huawei и ZTE при развертывании мобильных сетей пятого поколения³. 1 декабря 2018 г. в аэропорту Ванкувера (Канада) задержали финансового директора Huawei Мэн Ваньчжоу.

Усиливая натиск, 15 мая 2019 г. президент США подписал указ о введении чрезвычайного положения в стране и запрете американским компаниям использовать телекоммуникационное оборудование, изготовленное фирмами, представляющими угрозу национальной безопасности⁴. 17 мая 2019 г. Министерство торговли США внесло Huawei и 67 ее филиалов по всему миру в Entity List («список юридических

¹ США объявили о введении новых пошлин на товары из Китая на \$200 миллиардов // РИА Новости. 2018. 18 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20180918/1528758672.html> (дата обращения: 12.12.2021); США ввели новые тарифы на китайский импорт в размере 112 млрд долларов // BBC news. Русская служба. 2019. 1 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-49541384> (дата обращения: 12.12.2021); Виноградов А. О., Салицкий А. И. США — Китай: торговая война развязана // Перспективы. 2018. 13 августа [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/ssha_kitaj_torgovaja_vojna_razvazana_2018-08-13.htm (дата обращения: 12.12.2021).

² Hardesty L. Disappointment for Huawei at CES 2018? // SDxCentral. January 9, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sdxcentral.com/articles/news/disappointment-huawei-ces-2018/2018/01/> (дата обращения: 12.12.2021); How a National Security Investigation of Huawei Set Off an International Incident // The New York Times. December 14, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2018/12/14/business/huawei-meng-hsbc-canada.html> (дата обращения: 12.12.2021); Макбрайд Дж., Чацки Э. Является ли программа «Сделано в Китае — 2025» угрозой глобальной торговле? // Council on Foreign Relations, США. 2020. 5 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20200405/247199802.html> (дата обращения: 12.12.2021).

³ Носков А. Австралия отказалась от «небезопасного» китайского 5G // Хайтек+. 2018. 23 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://hightech.plus/2018/08/23/avstraliya-otkazalas-ot-nebezopasnogo-kitaiskogo-5g> (дата обращения: 12.12.2021).

⁴ Trump signs Executive Order to protect US computer networks from 'foreign threats' // Yahoo!news. May 15, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://ca.news.yahoo.com/trump-signs-executive-order-protect-211752381.html> (дата обращения: 12.12.2021); Trump Bans US Companies from Using Foreign Tech Posing 'National Security Risk' Huawei // Sputnik. May 15, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sputniknews.com/20190515/US-Companies-Banned-Use-Foreign-Tech-Risk-1075040394.html> (дата обращения: 12.12.2021).

лиц», «черный список») из-за угрозы национальной безопасности, что серьезно ограничило возможности компании закупать высокотехнологичное оборудование в Соединенных Штатах. Фактически Минторг запретил Huawei без ведома правительства США покупать товары, либо произведенные в США, либо содержавшие более 25% контента американского происхождения¹. С этого времени американским поставщикам приходилось обращаться в Бюро промышленности и безопасности (часть Департамента торговли) за лицензией для поставки любых компонентов китайской компании с учетом правил экспортного контроля США. Получение таких разрешений сопряжено с необходимостью доказывать, что передача технологических компонентов не может повредить национальной безопасности США. Более того, внесение в «черный список» фактически запрещало установку оборудования Huawei в сетях американских операторов².

После этого Google приостановил доступ Huawei к своей обновленной операционной системе Android, а 20 мая производители чипов Intel, Qualcomm, Xilinx и Broadcom объявили о прекращении сотрудничества с этой китайской компанией вплоть до особого распоряжения [7, с. 77]³. В русле санкционной политики США в июле 2020 г. правительство Великобритании обязало своих провайдеров мобильной связи с 31 декабря прекратить закупки оборудования для сетей 5G у Huawei и к 2027 г. изъять всю уже установленную аппаратуру ее производства для мобильной связи пятого поколения⁴.

В ответ на повышение Д. Трампом ставок ввозных таможенных пошлин Китай ограничил импорт из США самолетов, автомобилей, механического оборудования, а также продукции сельского хозяйства, ужесточил антидемпинговые процедуры против американских товаропроизводителей, начал расследования деятельности американских фирм, работавших в КНР, а также увеличил продажу американских гособлигаций. Это вело к дальнейшей дезорганизации цепочек создания новой

¹ *Donnan Sh.* U. S. Places Huawei and Scores of Affiliates on Export Blacklist // Yahoo!finance. May 17, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://finance.yahoo.com/news/u-places-huawei-scores-affiliates-042059358.html>; *Efimchik E.* Trump Trade Team to Narrow Huawei's Blacklist Loophole with Tougher Rules — Report // Sputnik. January 15, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sputniknews.com/20200115/trump-trade-team-to-narrow-huaweis-blacklist-loop-hole-with-tougher-rules-report-1078040558.html> (дата обращения: 12.12.2021).

² *Shepardson D. Freifeld K.* China's Huawei, 70 affiliates placed on U.S. trade blacklist // Reuters. May 16, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-china-huaweitech/chinas-huawei-70-affiliates-placed-on-u-s-trade-blacklist-idUSKCN1SL2W4> (дата обращения: 12.12.2021); Министерство торговли США внесло Huawei в «черный список» // Хабр. 2019. 18 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://habr.com/ru/news/t/452406/> (дата обращения: 12.12.2021); Конгресс США поддержал ужесточение ограничений против телекоммуникационных компаний КНР // ТАСС. 2021. 29 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12795747> (дата обращения: 12.12.2021).

³ *Михайлова Л.* Bloomberg: Intel, Qualcomm и еще два поставщика чипов вслед за Google приостановили работу с Huawei // VC.ru. 2019. 20 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/tech/68031-bloomberg-intel-qualcomm-i-eshche-dva-postavshchika-chipov-vsled-za-google-priostanovili-rabotu-s-huawei> (дата обращения: 12.12.2021); Google Restricts Huawei's Use of Android: How Does it Affect Users // Sputnik. May 20, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sputniknews.com/20190520/huawei-us-blacklist-ban-google-cuts-android-access-1075161544.html> (дата обращения: 12.12.2021). Уже в 2018 г. доходы Huawei могли превысить 100 млрд долл. Компания стала не только ведущим поставщиком крупнейшего в мире телекоммуникационного оборудования, но и самой крупной китайской технологической компанией, деятельность которой охватывала Африку, Европу и Азию. По оценке издания Bloomberg, «вложив миллиарды долларов» в развитие сетей 5G она владела 10% всех патентов на новую технологию передачи данных как на внутреннем, так и международном рынках.

⁴ *Келио Л.* Британия отказывается от оборудования Huawei в сетях 5G // BBC news. Русская служба. 2020. 14 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-53369765> (дата обращения: 12.12.2021).

стоимости и всей мировой торговли. В ответ на интенции Еврокомиссии поручить Nokia и Ericsson развитие сетей связи пятого поколения (5G) в странах ЕС Китай угрожал этим европейским компаниям санкциями в случае введения странами — членами Евросоюза запретов на использование китайского телекоммуникационного оборудования.

В декабре 2018 г. Китай направил иск в ВТО по двум спискам товаров общей стоимостью 234 млрд долл. и запросил формирование панели арбитров ВТО. В июне 2019 г. они вынесли решение о том, что пошлины, введенные США в 2018 г. в отношении ряда товаров из КНР, не соответствовали правилам международной торговли¹. Однако данное определение осталось без последствий, поскольку ВТО, не имея реальных механизмов противодействия протекционизму (ее решения «не являются обязательными и не предусматривают санкции за их невыполнение») [1, с. 193], фактически демонстрировала свою беспомощность в урегулировании торговых споров.

Более того, в США стали подозревать ВТО в том, что вместе с другими многосторонними мировыми институтами она способствовала возвышению Китая и подрывала экономическую безопасность американского среднего класса². С 10 декабря 2019 г. перестал функционировать Апелляционный орган ВТО по разрешению споров, утративший дееспособность по причине отсутствия кворума, поскольку США блокировали назначение его новых членов. В результате механизм урегулирования споров в ВТО остановился, и подача апелляций утратила смысл. Все жалобы на США, которые страны направляют в ВТО, остаются без движения. В мировой торговле усилилась анархия к выгоде тех, кто контролировал доллар и систему SWIFT³.

Под напором этих обстоятельств Пекин пытался договориться с Вашингтоном и демонстрировал готовность идти на приемлемые для себя уступки [5, с. 57–58]. Объясняя причины такого поведения Поднебесной, врио директора Института Дальнего Востока РАН А. А. Маслов обращал внимание на то, что к 2020 г. ей не удалось «завершить создание своего экономического макрорегиона, основанного на альтернативных моделях, в том числе банковско-финансовой, а также торгово-логистической и инфраструктурной системах»; более того, Пекин «не успел окончательно привязать своих партнеров к китайским технологиям, хотя максимально активно вкладывал средства в развитие новых передовых производств и научных лабораторий. К тому же основной торговый оборот Китай делал за счет США, то есть оказался слишком тесно привязан к одному партнеру, который к тому же контролирует мировые финансовые потоки. Этим и воспользовался Вашингтон»⁴. Действительно,

¹ *Едовина Т.* Американские пошлины признаны неправильными // Коммерсант. 2020. 15 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4493032> (дата обращения: 12.12.2021); WTO panel issues report regarding US tariffs on Chinese goods // WTO. Dispute Settlement. September 15, 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/news_e/news20_e/543r_e.htm (дата обращения: 12.12.2021).

² *Ниблетт Р., Винджамури Л.* Либеральный порядок надо начинать со своего дома. Ч. 1 // Foreign Affairs, США. 2021. 4 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20210404/249485103.html> (дата обращения: 12.12.2021).

³ Россия считает, что подача апелляций «в пустоту» усугубляет кризис механизма разрешения споров // МИД РФ. 2020. 27 октября [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rossiya_schitaet_cho_podacha_apellyaciy_v_pustotu_usugublyayet_krizis_mehanizma_razresheniya_sporov.html (дата обращения: 12.12.2021); Лавров полагает, что США при Байдене не готовы к коллективным международным решениям // ТАСС. 2020. 25 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/10352467> (дата обращения: 12.12.2021).

⁴ *Маслов А.* Накануне «второй фазы»: что вынесут США на очередной раунд переговоров с КНР // Валдай. Международный дискуссионный клуб. 2020. 24 января [Электронный

до последнего времени сохраняется критическая зависимость КНР от американских патентов во многих областях электронной продукции, оборудования и технологий. Достаточно сказать, что Китай ежегодно тратит до 300 млрд долл. на импорт полупроводниковых компонентов¹. Напротив, стратегия США заключалась в намерении одержать победу в торговой войне и затормозить рост КНР.

В конечном счете под напором президента США Д. Трампа 15 января 2020 г. стороны оформили в Вашингтоне первую фазу торговой сделки, которая вступила в силу 14 февраля того же года. По ее условиям Китай согласился увеличить закупки американских товаров в течение первого и второго года действия соглашения — на 76,7 млрд и 123,3 млрд долл. соответственно (суммарно — на 200 млрд долл. к уровню 2017 г.). Со своей стороны Вашингтон отказался от проведения последнего раунда повышения пошлин и пошел на снижение вдвое (до 7,5%) тарифа на китайский импорт в объеме 112 млрд². При этом сохранялись повышенные до 25% тарифы на часть китайского импорта в США стоимостью 250 млрд долл. — американцы их приберегли для второй фазы переговоров. Всего же за время президентства Трампа средний тариф США для китайских товаров увеличился с 3,1% до 21%, а Китая для американских — с 8% до 21,1%³.

Кроме того, Китаю пришлось взять на себя строгие обязательства по соблюдению защиты прав интеллектуальной собственности, отказаться от принуждения американских компаний к трансферу технологий в обмен на разрешение работать на китайском рынке, а также от манипуляций с юанем. Следовательно, отмечал А. А. Маслов, в результате первой стадии переговоров китайской стороне не удалось избежать обременительных повышенных тарифов. Поэтому меры экономического принуждения со стороны США «оказались весьма эффективны... Соглашение по первой фазе торговой сделки наглядно продемонстрировало Китаю, что не он контролирует мировую ситуацию»⁴.

Аналогичным образом, комментируя «сделку», президент ИМЭМО РАН А. А. Дынкин акцентировал внимание на том, что она включала 198 пунктов: «Из них 105 обязательств с формулировкой „Китай должен“, 88 — „стороны должны“, и лишь пять — „США должны“. Если перейти на язык спортивных комментаторов, формально счет 21:1 в пользу Белого дома»; к числу уступок со стороны КНР он также отнес снижение в 2020 г. тарифных изъятий со 150 млрд долл. до 75, а также «увеличение импорта американской свинины, либерализацию валютно-финансового законодательства (слияния и поглощения американскими инвесторами китайских финансовых компаний, разрешение на выпуск американцами платежных карт на внутреннем китайском рынке)»⁵. Неудивительно, что американский эксперт в области между-

ресурс]. URL: <https://ru.valdaicclub.com/a/highlights/nakanune-vtoroy-fazy/> (дата обращения: 12.12.2021).

¹ Китай потратит \$1,4 трлн на полупроводниковую независимость от Запада // Время электроники. 2020. 7 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://russianelectronics.ru/2020-09-07-china/> (дата обращения: 12.12.2021).

² Едовина Т. Тяжкая китайская доля // Коммерсант. 2021. 25 января [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4661413> (дата обращения: 12.12.2021); Едовина Т. Американские пошлины признаны неправильными; Байден и Си Цзиньпин не будут обсуждать пошлины на китайские товары // EurAsia Daily. 2021. 15 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/11/15/bayden-i-si-czinpin-ne-budut-obsuzhdad-poshliny-na-kitayskie-tovary> (дата обращения: 12.12.2021).

³ Едовина Т. Американские пошлины признаны неправильными.

⁴ Маслов А. Накануне «второй фазы».

⁵ Глава ИМЭМО РАН: противостояние США и Китая станет главным в постпандемическом мире // ТАСС. 2020. 10 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/interviews/8936527> (дата обращения: 12.12.2021).

народных отношений Алан Кафруни обоснованно сомневался в возможности реализации американской стратегии. Он предвидел нарастание соперничества между США и Китаем и распространение его «на область политики в отношении технологий, капиталовложений, экспортного контроля и ограничений инвестиционной деятельности»¹.

Действительно, в мае 2020 г. Д. Трамп поручил американским федеральным пенсионным фондам отказаться от инвестиций в акции китайских компаний. По данным телеканала Fox Business со ссылкой на внутренние документы вашингтонской администрации, 11 мая помощник президента США по национальной безопасности Роберт О'Брайен и глава Национального экономического совета Белого дома Лоуренс Кадлоу направили совместное письмо министру труда Юджину Скалиа, в котором заявили о нежелательности инвестиций федерального пенсионного фонда Thrift Savings Plan в акции китайских компаний².

Добиваясь введения все новых правил, регулирующих инвестиции иностранных компаний, которые, по мнению американской стороны, несправедливо пользовались государственной поддержкой и угрожали подорвать технологическую конкурентоспособность США, в начале июня 2020 г. Д. Трамп поручил Министерству финансов и своим помощникам в Белом доме в течение двух месяцев разработать новые правила для китайских компаний, ужесточающие к ним требования при размещении и обращении на американских биржах своих бумаг. На тот момент на американских биржах обращались акции более 150 китайских компаний общей стоимостью более 1,2 трлн долл. Рекомендации также касались работы Комиссии по ценным бумагам и биржам США (SEC) и общественного аудиторского регулятора в лице Комитета по надзору за отчетностью публичных компаний США (РСАОВ). Им позволили занимать более жесткую позицию по отношению к компаниям, которые препятствовали американским регуляторам в доступе к аудиторской отчетности³.

В том же месяце Федеральная комиссия по связи США (FCC) впервые приняла решение признать Huawei и ZTE угрозой для национальной безопасности США. В соответствии с ним был наложен запрет на использование средств из фонда комиссии на закупку оборудования и получение услуг от этих китайских компаний. Позднее Huawei и ZTE обращались в ведомство с просьбой пересмотреть данное решение, но регулятор ее отклонил⁴.

Важно отметить, что в 2020 г. события торговой войны развивались в условиях пандемии коронавируса COVID-19, ускорившей разрушение глобальной экономической модели, основанной на принципах «Вашингтонского консенсуса». «Уханьский вирус» так сильно повлиял на эмоциональное состояние Д. Трампа, что американский президент угрожал «расторжением» соглашения с Китаем в случае невыполнения последним принятых на себя обязательств по закупке американских товаров. Впрочем, до материализации этой угрозы дело не дошло, и 7 мая представители сторон заявили о намерении выполнять свои обязатель-

¹ Кафруни А. Торговая война — 2020: как США и Китай готовятся ко второй фазе «феноменального» соглашения // Валдай. Международный дискуссионный клуб. 2020. 14 января [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/torgovaya-voyna-2020-ssha-kitay/> (дата обращения: 12.12.2021).

² СМИ: Трамп запретил пенсионным фондам США инвестировать в акции китайских компаний // ТАСС. 2020. 12 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/8451023> (дата обращения: 12.12.2021).

³ Трамп нашел способ наказать Китай // Лента.ru. 2020. 5 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2020/06/05/strike> (дата обращения: 12.12.2021).

⁴ Конгресс США поддержал ужесточение ограничений против телекоммуникационных компаний КНР.

ства в рамках «первой фазы» торговой сделки, невзирая на чрезвычайную ситуацию в мире в области здравоохранения¹. Затем, 10 июля, Трамп, вновь возложив на Китай ответственность за распространение пандемии коронавируса, фактически дезавуировал вопрос о «второй фазе» торговой сделки между США и Китаем².

Болевой точкой взаимодействия США и КНР стал Гонконг. Реагируя на одобрение Всекитайским собранием народных представителей (ВСНП, парламент КНР) резолюции «О национальной безопасности», нарушавшей, по мнению американской стороны, автономию Гонконга, в конце мая США лишили этот специальный административный район КНР статуса привилегированного делового партнера³. Под тем же предлогом США прекратили с 29 августа экспорт в Гонконг американского военного оборудования⁴.

Противодействуя реализации глобального китайского проекта «Один пояс, один путь», якобы представлявшего собой «дипломатию долговых ловушек» [11], в сентябре 2020 г. США наложили ограничения на крупнейшего китайского производителя микросхем Semiconductor Manufacturing International Corporation (SMIC). В результате знаменитая китайская компания была лишена возможности закупать у американских поставщиков оборудование для создания микросхем с разрешающей способностью 10 нанометров и меньше и сбывать свою продукцию в США.

Американские компании, поставлявшие SMIC такие изделия, обязаны были в каждом конкретном случае добиваться экспортных лицензий. В конечном счете, деловым партнерам SMIC пришлось переориентироваться на Taiwan Semiconductor Manufacturing Company (TSMC) и других производителей полупроводниковых изделий.

12 ноября 2020 г. Д. Трамп подписал указ о запрете с 11 января 2021 г. американских инвестиций в целый ряд крупнейших IT производителей КНР (всего 31 компания), которые, по мнению Вашингтона, могли контролироваться китайскими военными. Иными словами, физическим и юридическим лицам из США были запрещены любые операции с ценными бумагами таких компаний. Цель запрета — удерживать пенсионные фонды и других американских резидентов от покупки акций китайских компаний из «черного списка» Минобороны США. В частности, этим указом затрагивались интересы Huawei, Inspur и Hikvision — производителей соответственно телекоммуникационного оборудования, серверов и оборудования для видеонаблюдения, а также China Telecom и China mobile — китайских операторов

¹ Lee Y. N. US, China trade negotiators talk about phase one deal as uncertainty looms // CNBC. May 8, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnbc.com/2020/05/08/us-china-trade-negotiators-talk-as-uncertainty-looms-over-phase-one-deal.html>; Trump 'torn' over US-China trade deal as officials push to fulfill its terms // CNBC. May 9, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnbc.com/2020/05/09/us-china-trade-trump-torn-over-phase-one-deal.html> (дата обращения: 12.12.2021).

² Breuninger K. Trump says U.S.–China relationship is 'severely damaged,' phase 2 trade deal not a priority // CNBC. 2020. 10 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnbc.com/2020/07/10/trump-says-us-china-relationship-damaged-phase-2-trade-deal-not-a-priority.html> (дата обращения: 12.12.2021).

³ Тарасенко П. Гонконгский волк тебе товарищ // Коммерсант. 2020. 30 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4363574>; Строкань С. Гонконг в объёмах санкций // Коммерсант. 2020. 1 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4364756> (дата обращения: 12.12.2021).

⁴ U. S. Government Ending Controlled Defense Exports to Hong Kong. Press Statement. Michael R. Pompeo, Secretary of State // An official website of the United States government. June 29, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://2017-2021.state.gov/u-s-government-ending-controlled-defense-exports-to-hong-kong/index.html> (дата обращения: 12.12.2021).

связи¹. Одновременно вводился режим чрезвычайного положения, позволявший применять санкции против нарушителей указа².

Данное решение спровоцировало распродажу американскими держателями акций китайских компаний из списка Пентагона, а также исключение ряда китайских эмитентов из фондовых индексов³. В конце декабря администрация президента США Д. Трампа внесла SMIC и еще более, чем 60 компаний, якобы угрожавших национальной безопасности США, в «черный список», что вело к ужесточению экспортных ограничений. В пресс-релизе министра торговли США Уилбура Росса говорилось: «Мы не позволим современным американским технологиям помогать строить вооруженные силы все более агрессивного оппонента». Ранее, в начале декабря, аналогичные ограничения в отношении SMIC были введены по линии Пентагона⁴. 1 января 2021 г. NYSE начала процедуру делистинга китайских операторов связи China Mobile, China Unicom и China Telecom под предлогом их аффилиции с военным ведомством Китая⁵.

Еще 20 мая Сенат США единогласно поддержал законопроект о привлечении иностранных компаний к ответственности, призванный обеспечить защиту американских инвесторов и их пенсионных накоплений от иностранных компаний, которые, работая на фондовых биржах США, игнорировали надзор SEC. Принятое решение предусматривало исключение акций компаний с площадок американских бирж за несоблюдение законов США о ценных бумагах, снижении объема инвестиций в китайские корпорации. Эксперты Forbes усмотрели в этом «начало следую-

¹ Factbox: List of 31 Chinese companies designated by the U.S. as military-backed // Reuters. November 13, 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-china-securities-companies-factbo/factbox-list-of-31-chinese-companies-designated-by-the-u-s-as-military-backed-idUSKBN27T081?utm_source=ixbtcom (дата обращения: 12.12.2021); Трамп подписал указ о запрете инвестиций в китайские компании, связанные с военными КНР // ТАСС. 2020. 12 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9990511> (дата обращения: 12.12.2021). Белкина О. Хлопнуть дверью: Трамп может оставить китайские компании без долларов // Известия. 2020. 30 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1093079/oksana-belkina/khlopnut-dveriu-tramp-mozhet-ostavit-kitaiskie-kompanii-bez-dollarov> (дата обращения: 12.12.2021).

² Трамп запретил инвестиции в компании, связанные с военными КНР // Интерфакс. 2020. 13 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/736903> (дата обращения: 12.12.2021).

³ США дали инвесторам еще 4 месяца для выхода из бумаг фирм, связанных с китайским ВПК // Интерфакс. 2021. 27 января [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/business/748187> (дата обращения: 12.12.2021).

⁴ U.S. tightens exports to China's chipmaker SMIC, citing risk of military use // Reuters. September 26, 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.reuters.com/article/us-usa-china-smic/u-s-tightens-exports-to-chinas-chipmaker-smic-citing-risk-of-military-use-idUSKBN26H0LN?utm_source=ixbtcom (дата обращения: 12.12.2021). Strumpf D. U.S. Blacklists China's Top Chip Maker, Escalating Tech Fight // The Wall Street Journal. December 18, 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wsj.com/articles/u-s-blacklists-chinas-top-chip-maker-escalating-tech-fight-11608274932?mod=searchresults_pos1&page=1 (дата обращения: 12.12.2021); США ввели санкции против крупнейшего производителя полупроводников КНР // РИА Новости. 2020. 18 декабря // <https://ria.ru/20201218/ssha-1589914990.html>; США лишили чип-мейкера SMIC доступа к американским технологиям // Интерфакс. 2020. 18 декабря. URL: <https://www.interfax.ru/world/741932> (дата обращения: 12.12.2021); Каримова К. Дефицит полупроводников останавливает мировой автопром. Что происходит? // РБК 2021. 26 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/605de55e9a7947b757afd891> (дата обращения: 12.12.2021). В конце 2020 г. в «черном» списке властей США находилось более 275 китайских компаний и их подразделений из ключевых отраслей, включая производителей телекоммуникационного оборудования Huawei Technologies и ZTE Corp., а также Hikvision — производителя камер наблюдения.

⁵ NYSE прекратила делистинг трех китайских телекоммуникационных компаний // Интерфакс. 2021. 5 января [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/business/744054> (дата обращения: 12.12.2021).

щего шага противостояния США и Китая, которое началось с торговой войны и переросло в технологическую, в результате которой пострадал бизнес Huawei⁶.

2 декабря 2020 г. Палата представителей Конгресса США единогласно одобрила законопроект под предварительным названием «Закон о приведении к ответственности иностранных компаний». Он внес поправки и дополнения к закону Сарбейнса — Оксли 2002 г. об ужесточении требований к раскрытию финансовой отчетности для всех компаний, акции которых торговались на биржах США и подлежали регулированию SEC. 18 декабря Д. Трамп подписал закон о контроле за отчетностью иностранных компаний, направленный на вытеснение с фондового рынка США иностранных хозяйствующих субъектов. Согласно закону, китайские компании, торгующие на американских биржах, обязаны были в течение трех лет предоставить аудиторские заключения по стандартам США: ежеквартальные отчеты о деятельности, информацию о заключенных крупных контрактах, а также протоколы собраний акционеров, директоров и т.д. по запросу РСАОВ, подтверждающие, что они не принадлежат иностранному правительству и не контролируются им или подконтрольными ему организациями. Это вело к радикальному изменению отношений США с КНР и дальнейшему снижению роли ВТО как регулятора мировой торговли⁷.

Неудивительно, что в 2020 г., согласно опросу Bank of America, компании в 80% глобальных секторов столкнулись с разрушением цепочек поставок, что подтолкнуло 75% из них в направлении возвращения производства из-за рубежа. В этой связи американские и европейские компании к 2025 г. намеревались потратить порядка 1 трлн долл. на вывод производственных операций из Китая. Одновременно Д. Трамп обещал компаниям, возвращающим производство из Китая в США, налоговые льготы⁸.

Одновременно, по данным американского исследовательского центра Pew, в странах Запада усилились антикитайские настроения. Эпидемия коронавируса лишь подхлестнула синофобию. Показатель негативного отношения к Китаю и его руководству увеличился с 35% в 2005 г. до 78% в 2020. Проведенный в августе 2020 г. агентством Morning consult опрос показал, что свыше половины американских респондентов рассматривали Китай как «главную угрозу» доминированию США в сфере высоких технологий. Около двух третей опрошенных высказали опасения в связи с внедрением китайских интернет-компаний в социальные сети и приложения,

⁶ Flatley D., Bain B. Senate overwhelmingly approves bill to delist certain Chinese companies. Here's who it could affect // Bloomberg. May 20, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://fortune.com/2020/05/20/senate-delist-chinese-companies-china-business-government/> (дата обращения: 12.12.2021); Делюкин Е. Сенат США хочет изгнать китайских гигантов с американских бирж: чем политики объясняют это решение и к чему оно приведет // VC.ru. 2020. 22 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/finance/129008-senat-ssha-hochet-izgnat-kitayskih-gigantov-s-amerikanskih-birzh-chem-politiki-obyasnyayut-eto-reshenie-i-k-chemu-onoprivedet> (дата обращения: 12.12.2021).

⁷ Хвостик Е. Китайский исход с американских бирж приблизился к реальности // Коммерсант. 2020. 3 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4595925> (дата обращения: 12.12.2021); Трамп подписал закон против ряда китайских компаний // РИА Новости. 2020. 19 декабря. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20201219/ssha-1589992845.html> (дата обращения: 12.12.2021); ХАЗИН. Компании в США обязаны будут сдавать аудиторские заключения по новым стандартам // Говорит Москва. 2020. 21 декабря [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video185152897_456285185 (дата обращения: 12.12.2021). Ранее китайские власти запретили своим аудиторам отчитываться перед иностранными регуляторами, считая это нарушением китайского суверенитета.

⁸ Конец глобализации: США и Европа будут уводить производство из Китая // EurAsia Daily. 2020. 20 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/08/20/konec-globalizacii-ssha-i-evropa-budut-uvodit-proizvodstvo-iz-kitaya> (дата обращения: 12.12.2021).

а 77% сомневались в их способности обеспечить конфиденциальность информации¹. Согласно результатам сентябрьского (2021) опроса американского Pew Research Center, 61% респондентов в США видели в Китае серьезную угрозу американским ценностям, причем в возрастной группе 65 лет и старше таких было 79%². Очередной опрос общественного мнения по линии Economist и YouGov подтвердил негативное отношение американцев к КНР³.

Все изложенное напрямую свидетельствует об асимметричной ответственности США и КНР за обострение конфронтации между ними в период пандемии коронавируса COVID-19. Следует согласиться с директором Института Европы РАН Ал. А. Громыко в том, что в конкурентной борьбе с Китаем именно Соединенные Штаты «являются стороной, нагнетающей конфронтацию»; именно они стремятся осуществить торговую и технологическую расстыковку двух стран, используя при этом «политические, экономические, идеологические, военные, информационные инструменты убеждения и принуждения, не говоря уже о приемах пропаганды и деятельности спецслужб» [3, с. 14]. При этом «внешне» ни одна из сторон не стремилась «к глубокой и всесторонней деградации отношений» [4, с. 139].

Продолжение в следующем номере

Литература

1. Виноградов А. О., Зацепенко А. Ю., Сафронова Е. И. США, Китай и ВТО: последствия американо-китайского торгового конфликта для мировой торговли // Китай в мировой и региональной политик, история и современность. 2019. Т. 24. № 24. С. 187–206.
2. Виноградов А. О., Салицкий А. И., Семенова Н. К. Американо-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. № 1. С. 35–46.
3. Громыко Ал. А. Пандемия и кризис системы международных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 5. С. 6–19.
4. Карнеев А. Н., Пятчкова А. С. Анализ дискуссий внутри китайского общества о положении Китая в мире на фоне обострения отношений с США в период пандемии // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 4. С. 135–147.
5. Михеев В. В., Луконин С. А. Китай — США: многовекторность «торговой войны» // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 5. С. 57–66.
6. Пак С. Торговая война Китая и США: что будет с китайской экономикой? // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 2. С. 213–235.
7. Римкевич С. В., Савинов Ю. А. Использование экономических санкций в торговой войне на рынке оборудования связи // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 7. С. 75–89.
8. Kapustina L. US-China Trade War: Causes and Outcomes / L. Kapustina, L. Lipková, Y. Silin [et al] // SHS Web of Conferences. 2020. Vol. 73 (1). N 01012. P. 1–13.
9. Poruchnyk A. Global economic crisis of 2020 and a new paradigm of countercyclical management /A. Poruchnyk, A. Kolot, P. Mielcarek [et al] // Problems and Perspectives in Management. 2021. Vol. 19. Is. 1. P. 397–415.

¹ Глава ИМЭМО РАН: противостояние США и Китая станет главным в постпандемическом мире; В странах Запада резко усилились антикитайские настроения // ИноСМИ, Россия. 2020. 12 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20201012/248297248.html> (дата обращения: 12.12.2021).

² Poushter J., Schumacher Sh., Gubbala S. U.S.–German Relations on the Mend as New Leadership Takes Hold // Pew Research Center. November 22, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2021/11/22/u-s-german-relations-on-the-mend-as-new-leadership-takes-hold/> (дата обращения: 12.12.2021).

³ The Economist/YouGov Poll November 27–30, 2021 — 1500 U.S. Adult citizens // YouGov [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cdn.yougov.com/7u87n8qdng/econToplines.pdf> (дата обращения: 12.12.2021).

10. Steinbock D. U. S. — China Trade War and Its Global Impacts // China Quarterly of International Strategic Studies. 2018. Vol. 4. N 4. P. 515–542.
11. Wong A. How Not to Win Allies and Influence Geopolitics China's Self-Defeating Economic Statecraft // Foreign Affairs. May/June 2021. Vol. 100. N 3. P. 44–53.

Об авторе:

Шумилов Михаил Михайлович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук; mshumilov@mail.ru

References

1. Vinogradov A. O., Zaklepenko A. Yu., Safronova E. I. USA, China and WTO: implications of the US–China trade conflict for the world trade // China in world and regional politics. History and modernity [Kitai v mirovoi i regional'noi politike. istoriya i sovremennost']. 2019. Vol. 24. N 24. P. 187–206 (in Rus).
2. Vinogradov A. O., Salitsky A. I., Semenova N. K. American-Chinese economic confrontation: ideology, chronology, meaning // Vestnik RUDN. International Relations [Vestnik RUDN. Ceriya: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2019. N 1. P. 35–46 (in Rus).
3. Gromyko A. I. A. The pandemic and the crisis in the system of international relations // Outlines of global transformations: politics, economics, law [Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo]. 2020. Vol. 13. N 5. P. 6–19 (in Rus).
4. Karneev A. N., Pyatachkova A. S. Analysis of discussions within the Chinese society on china's position in world in the context of Sino-American relations deterioration during the pandemic period // Comparative Politics Russia [Sravnitel'naya politika]. 2020. Vol. 11. N 4. P. 135–147 (in Rus).
5. Mikheev V. V., Lukonin S. A. China — USA: multiple vector of "trade war" // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2019. Vol. 63. N 5. P. 57–66 (in Rus).
6. Pack S. Trade conflict between the U.S. and China: what are the impacts on the Chinese economy? // International Organisations Research Journal [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii]. 2020. Vol. 15. N 2. P. 213–235 (in Rus).
7. Rimkevich S. V., Savinov Yu. A. Economic sanctions as a trade war tool in telecom equipment market // Russian Foreign Economic Journal [Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik]. 2019. N 7. P. 75–89 (in Rus).
8. Kapustina L. US-China Trade War: Causes and Outcomes / L. Kapustina, L. Lipková, Y. Silin [et al] // SHS Web of Conferences. 2020. Vol. 73 (1). N 01012. P. 1–13.
9. Poruchnyk A. Global economic crisis of 2020 and a new paradigm of countercyclical management / A. Poruchnyk, A. Kolot, P. Mielcarek [et al] // Problems and Perspectives in Management. 2021. Vol. 19. Is. 1. P. 397–415.
10. Steinbock D. U. S. — China Trade War and Its Global Impacts // China Quarterly of International Strategic Studies. 2018. Vol. 4. N 4. P. 515–542.
11. Wong A. How Not to Win Allies and Influence Geopolitics China's Self-Defeating Economic Statecraft // Foreign Affairs. May/June 2021. Vol. 100. N 3. P. 44–53.

About the author:

Mikhail M. Shumilov, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History); mshumilov@mail.ru

Балансовые технологии исчисления и прогнозного оценивания трудовых ресурсов региональных социально-экономических систем*

Курзенов В. А.^{1, 2, *}, Перекрест В. Т.², Перекрест И. В.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *kurzenewa@yandex.ru

²Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье анализируются институциональные и технологические особенности исчисления (представления) и прогнозного оценивания баланса трудовых ресурсов для региональных экономических систем.

Рассмотрение проводится в общем контексте частных задач разработки региональных стратегий: целеполагания, анализа и прогнозирования¹.

Представлен теоретический и практический опыт лаборатории математических методов анализа данных ИПРЭ РАН и СПб ЭМИ РАН (до 2018 г.) в рамках направления «Экономико-математические методы государственного регулирования социально ориентированных экономик на региональном уровне в рамках инновационных моделей развития».

Ключевые слова: концептуальное моделирование, экономико-математическое моделирование, прогнозирование, региональная стратегия, региональный уровень, структурный баланс

Для цитирования: Курзенов В. А., Перекрест В. Т., Перекрест И. В. Балансовые технологии исчисления и прогнозного оценивания трудовых ресурсов региональных социально-экономических систем // Управленческое консультирование. 2022. № 4. С. 35–43.

Balance Technologies for Calculating and Predictive Estimation of Labor Resources for Regional Socio-Economic Systems

Vladimir A. Kurzenev^{1, 2, *}, Vladimir T. Perekrest², Igor V. Perekrest²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation;

²Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article analyzes the institutional and technological features of the calculus (representation) and predictive assessment of the balance of labor resources for regional economic systems. The review is carried out in the general context of the particular tasks of developing regional strategies: goal-setting, analysis and forecasting.

The theoretical and practical experience of the laboratory of mathematical methods of data analysis of IPRE RAS and St. Petersburg EMI RAS (until 2018) in the framework of the direction "Economic and mathematical methods for state regulation of socially ori-

* Исследование поддержано ИПРЭ РАН в рамках темы «Экономико-математические методы государственного регулирования социально ориентированных экономик в рамках модели инновационного развития». Программа фундаментальных научных исследований гос. Академий наук на 2013–2020 гг., направление «Разработка математического и эконометрического инструментария, а также теоретических и методологических основ анализа, моделирования и прогноза качества и образа жизни населения: макро и региональный аспект».

¹ При этом не затрагиваются вопросы планирования и программирования.

ented economies at the regional level within the framework of innovative development models” is presented.

Keywords: Conceptual modeling; economic and mathematical modeling; forecasting; regional strategy; regional level; structural balance

For citing: Kurzenev V. A., Perekrest V. T., Perekrest I. V. Balance Technologies for Calculating and Predictive Estimation of Labor Resources for Regional Socio-Economic Systems // Administrative consulting. 2022. N 4. P. 35–43.

Введение

Одной из крупных и важных государственных проблем развития социально-экономических систем федерального и регионального уровня является рынок труда. Представляется, что в научном плане ее решение следует искать на путях декомпозиции рассматриваемых проблем на составляющие и построения их технологий решения. Одной из таких составляющих является разработка балансовых технологий исчисления и прогнозного оценивания трудовых ресурсов региональных экономических систем. Ее конструктивное решение логичнее всего искать применительно к специфике соответствующего региона (например, Санкт-Петербурга). При этом необходимо учитывать соответствующие региональные стратегии развития, включая целеполагание, анализ и прогнозирование.

Методы, результаты, обсуждение

Формирование балансовых технологий связано с анализом, а также построением систем исчисления и прогнозного оценивания трудовых ресурсов, включая следующие направления.

I. Концептуально-аналитические аспекты

В настоящее время можно выделить три существенно различающиеся системы исчисления.

1. Классический баланс трудовых ресурсов (БТР)¹

На региональном уровне рассматриваются основные группы населения, в частности:

- все население региона;
- трудоспособное население (региона);
- экономически активное население — ЭАН;
- экономически неактивное население — НЭАН;
- занятые в организациях — хозяйствующих субъектах региона;
- безработные по методологии МОТ;
- безработные, зарегистрированные в региональной службе занятости (СЗ).

Занятые и безработные объединяются в категорию «Рабочая сила». При этом экономическая дифференциация связана с распределением основных групп населения по отраслям народного хозяйства, а балансовые оценки в основном связаны с динамикой трудоспособного населения и отраслевым разрезом.

¹ Об утверждении Методики расчета баланса трудовых ресурсов и оценки затрат труда : Приказ Минэкономразвития России от 29 сентября 2017 года № 647.

2. Неоклассический подход к БТР¹

В развитие классического БТР вместо ЭАН рассматривается категория населения 15+; вводится категория «Потенциал трудовых ресурсов»; дополнительные группировки по «обстоятельствам безработицы».

3. Современный подход: БТР-БРМ (баланс рабочих мест) [1; 4; 6; 12]

Разработанная экономико-математическая модель «Баланс трудовых ресурсов — рабочих мест» включает следующие концептуальные компоненты:

- региональная система приоритетных направлений экономического развития (ПНЭР) — в отраслевой дифференциации;
- региональная система рабочих мест (РСРМ), которая представляет спрос на региональном рынке труда (РРТ). При этом рабочие места распределены по хозяйствующим субъектам региона дифференцированно в отраслевом разрезе и относительно ряда ключевых характеристик: численность персонала, форма собственности и др. Существенной особенностью РСРМ является профессионально-квалификационная дифференциация рабочих мест, представляющая существенную компоненту требований к соискателям (представителям рабочей силы региона — РСР) на их замещение;
- рабочая сила региона (РСР) — представляет предложение на РРТ. В дополнение к классической модели БТР, существенным структурным элементом РСР является ее профессионально-квалификационная дифференциация по видам занятий (в рамках Общероссийских классификаторов занятий — ОКЗ) с выбранным уровнем детализации (см. ниже);
- система взаимодействия спроса и предложения на региональном рынке труда, являющаяся в форме экономико-математической модели. В статье представляются разработанные в ИПРЭ РАН 2019–2020 гг. симметричные модели институционального взаимодействия спроса и предложения на региональных рынках труда (РРТ) и обсуждается разработанная схема отбора соискателей (представителей РСР) на замещение вакантных рабочих мест РСРМ в системе базовых компетенционных модулей (БКМ) [3; 11; 15].

Существенной особенностью предложенной концептуальной схемы является следующая позиция: потребность региона в профессиональных кадрах сопровождается системой требований работодателей к соискателям на замещение вакантных рабочих мест (ВРМ). Наиболее существенным аспектом требований является код занятий (по соответствующему ОКЗ) или характеристики по соответствующему профессиональному стандарту. На практике эти требования можно «смягчить» за счет локальных процедур адаптации соискателя к рабочему месту. Этот «люфт» реализован в разработанных симметричных моделях с помощью аппарата «Трансформационной эластичности» (образовательной эластичности РСР и технологической эластичности РСРМ).

В статье [8] показывается, как этот аппарат легко реализуется в рамках ОКЗ за счет выбора подходящего уровня детализации (обычно — уровня «малая группа» вместо «начальная группа»). В результате получается эффективный индикатор институциональной безработицы: «остаточный спрос» — «избыточное предложение». Последнее позволяет выявить не только сам факт ее наличия, но и оценить ее объем и структуру.

Кроме того, в рамках концепции трансформационной эластичности можно рассматривать вопросы эффективности взаимодействия экономики и институтов профессионального образования и подготовки, а также — миграционной политики [9; 10; 14].

¹ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020. Стат. сб. Росстат. М., 2020.

II. Метрологические и информационно-технологические аспекты

4. Предметная область объектов исследования

Концептуальная модель предметной области исследования (исследуемых процессов) рассматривается как начальный этап математического моделирования: системное описание объектов социально-экономического исследования и отношений между ними; атрибуты — характеристики и пр. В работе [8] приводится пример для БТР-БРМ.

Следует отметить ключевую роль системы атрибутов — первичных характеристик рассматриваемых объектов наблюдения, а также отношений между ними (правил взаимодействия).

5. Метрологические виды предметных областей [5]

Предметная область объектов исследования (ПООИ) рассматривается как системный объект и задается в рамках официальной статистической методологии с использованием различных систем классификации и общероссийских стандартов.

Совокупность объектов статистического наблюдения представляется как пространственная экономическая система, образованная множеством объектов — субъектов РФ (состояний субъектов РФ в заданный интервал времени: год, месяц и т.п.) в системе различных пространственных координат, которые делятся на общие и тематические:

- общие задаются в рамках административно-территориального деления, временными координатами (население в различных категоризациях, совокупности хозяйствующих субъектов (организаций) и т.п.;
- тематическое пространство представляется различными типологизациями (классификациями). В частности, — социально-демографическими (показатели занятости возрастных групп, социального статуса и пр.), экономическими (отраслевое деление), профессионально-классификационными (социально-образовательный статус, человеческий капитал и пр.).

Каждое тематическое пространство может задавать самостоятельную ПООИ, рассматриваемую как раздел комплексной предметной области.

«Многопредметность» рассматривается как форма структурной комплексности представления общей ПООИ, которая включает разделы общие и тематические. При этом рассматриваются форматы (виды) представления тематических разделов: основной (в полном объеме представляющий соответствующий раздел ПООИ) и контекстный. При этом контекстная предметная область (КПО) характеризуется следующим образом:

КПО выполняет вспомогательную функцию, связанную с содержательной интерпретацией феноменов и тенденций, выявленных в исследовании для изучаемых объектов при исследовании показателей основной предметной области;

- к результатам анализа показателей контекстных разделов предъявляются более низкие требования (по сравнению с основными). Это связано с их особенностью и проявляется при использовании более простых методов анализа (линейные модели вместо нелинейных непараметрических) и верификации;

КПО представляется некоторой группой показателей — выборкой, для которой возникает дополнительная задача оценки ее статистической представительности — репрезентативности;

- для рассматриваемой КПО указанная выборка может входить в различные системы категоризации КПО. В связи с этим рассматривается задача оценка «метрологической мощности (емкости)» выборки для различных группировок тематических показателей КТР.

В качестве модельного примера может рассматриваться КПО «Экономический контекст» [8].

6. Формы целеполагания для регионального социально-экономического развития (СЭР)

Рассматриваются следующие формы целеполагания [8]:

- *нормативная* — с использованием значений первичных показателей (индикаторов), характеризующих состояния исследуемых объектов в исходном пространстве;
- *эталонная* — с использованием критериев достижения определенного объекта (реального или теоретически возможного в пространстве состояний исследуемых объектов);
- *зональная* — в терминах вхождения в определенное множество состояний рассматриваемых объектов — в «целевую зону».

7. Первичные данные

Рассматриваются следующие источники первичных данных исследования.

- 1) Официальная статистическая информация, представленная данными:
 - Федеральной службы государственной статистики (Росстат): разделы «Статистика», «Публикации».
 - ЕМИСС — Единой межведомственной информационно-статистической системы.
- 2) Данные обследований объектов статистического наблюдения, выполненные в рамках официальной статистической методологии (выборочные обследования, результаты экспертных опросов и т. п.).

8. Системы тематических индикаторов, используемые для решения ключевых задач исследования, процедуры метрологического взвешивания [8].

- масштабные индикаторы;
- удельные индикаторы.

9. Вопросы обеспечения балансовых технологий БТР-БРМ официальной статистической информацией

Необходимые данные отсутствуют для регионов, в которых безработица носит институциональный (структурный) характер [13]¹, требующий профессионально-квалификационной дифференциации².

В этом случае требуется формирование специального регионального информационного ресурса (с соблюдением требований официальной статистической методологии — ОСМ) и разработка специальной типологии регионов — объектов исследования.

¹ См. также: Безработицы виды // Национальная экономическая энциклопедия. Словарь по экономической теории [Электронный ресурс]. URL: <https://vocabulary.ru/termin/bezraboticy-vidy.html> (дата обращения: 20.01.2022).

² На актуальность указанного направления в последнее время неоднократно указывалось органами государственной власти: Безработица росла одновременно с дефицитом специалистов [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru/economics/45145989/> (дата обращения: 20.01.2022); Комментарии ГУ Банка России № 2, 4 февраля 2021 года // Региональная экономика [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/31957/report_04022021.pdf/ (дата обращения: 20.01.2022); В. Фальков: Ресурсный потенциал университетов и научных организаций будет нацелен на развитие региональных экономик. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/events/news/124740/> (дата обращения: 20.01.2022).

В работах [3; 8; 11; 15] представлен пример реализации такого подхода для Санкт-Петербурга в 2015–2018 гг., а также приведен список тематических баз данных, разработка которых требуется для реализации указанных балансовых технологий.

III. Технологические и информационно-аналитические аспекты

*10. Концептуальная модель математического инструментария: представление систем реализуемых (допустимых) трансформаций основных объектов первой концептуальной модели для исследуемых процессов (в [5] приводится пример для **БТР-БРМ**).*

*11. Нелинейный типологический анализ как основной инструмент многофакторной дифференциации в балансовых технологиях **БТР-БРМ** [2; 7].*

Нелинейный типологический анализ (НТА) является методом прикладной эконометрики, разработанным в парадигме цифровизации — преобразования big-data в формат deep-data и в форме гибридных моделей типологизации, использующий в качестве «линейной оболочки» — «композиционной сборки» технологии «главных компонент», а в качестве инструмента «детализации» (аналога «нано-расщепления» в материаловедении) — метод многомерного метрического шкалирования.

НТА имеет функциональную локально линейную форму представления, что обеспечивает эффективность его применения в задачах исчисления, анализа и прогнозного оценивания широкого спектра социально-экономических феноменов и процессов в региональной и макрорегиональной дифференциации.

12. Технологии прогнозного оценивания

В рамках структурирования ПООИ с выделением общих тематических и контекстных разделов предлагается следующая схема построения прогнозных оценок показателей основного тематического блока как система из трех групп регрессионных моделей, представленных в гибридной форме синтеза линейной (по параметрам) регрессии и многомерного метрического шкалирования:

- разработка сценариев развития социально-экономической конъюнктуры по результатам анализа и прогнозирования временных рядов контекстных данных с экспертной верификацией. Представляются в форме прогнозных оценок контекстных индикаторов;
- разработка прогнозных оценок для временных рядов показателей основного блока с использованием гибридных регрессионных моделей (см. выше). Рассматривается как оценка тенденции «инерционного развития» с учетом экспертной верификации;
- построение регрессионной модели (гибридной, нелинейной) оценки значений основных тематических показателей по значению контекстных;
- разработка в рамках построенной регрессионной модели прогнозных оценок основных показателей по построенным выше прогнозным оценкам контекстных показателей (прогноз на основании сценария изменения экономической конъюнктуры);
- синтез двух прогнозных оценок показателей основного тематического блока ПООТ (инерционной и конъюнктурной компонент) и экспертная верификация разработанных итоговых прогнозных оценок.

Заключение и выводы

Формирование балансовых технологий систем исчисления и прогнозного оценивания трудовых ресурсов социально-экономической системы на уровне региона

Санкт-Петербург оказывается конструктивным, если исходить из взаимосвязанных подходов.

Взаимосвязанные подходы включают концептуально-аналитические, метрологические и информационно-технологические, а также технологические и информационно-аналитические аспекты.

В части системы исчисления БТР предпочтительным является современный подход: БТР-БРМ (баланс рабочих мест) с разработанной в ИПРЭ РАН экономико-математической моделью «Баланс трудовых ресурсов — рабочих мест».

Ключевым при разработке математических моделей балансовых технологий и многофакторной дифференциации БТР-БРМ являются разработанные в лаборатории математических методов анализа данных ИПРЭ РАН и СПб ЭМИ РАН (до 2018 г.) технологии нелинейного типологического анализа.

Содержательное наполнение перечисленных в статье вопросов и их решений изложены в цитируемой литературе, в том числе и работах авторов.

Литература

1. *Концептуально-аналитическое моделирование рынка труда России* / В.Т. Перекрест, В.А. Курзенев, И.В. Перекрест // Управленческое консультирование. 2015. № 4. С. 80–93.
2. *Курзенев В.А., Перекрест В.Т. Нелинейный типологический анализ и современные информационно-аналитические технологии государственного регулирования в цифровой экономике* // Материалы XI международной научно-практической конференции «Государство и бизнес. Современные проблемы экономики». Т. 1. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2019. С. 28–34.
3. *Курзенев В.А., Перекрест В.Т., Перекрест И.В. Обеспечение потребностей региональной экономики в профессиональных кадрах: информационно-аналитические модели и технологические принципы* // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2019. № 4. С. 15–28.
4. *Математическое моделирование рынка труда России как пространственной экономической системы* / Л.А. Руховец, В.Т. Перекрест, В.А. Курзенев, И.В. Перекрест // Научный альманах «Стратегия развития и экономическая политика» Экономического совета при Губернаторе Санкт-Петербурга. Вып. 3, 2014. С. 98–118.
5. *Методологические принципы экономико-математического моделирования рынка труда в рамках пространственной экономической системы* / Д.Е. Воронина, В.А. Курзенев, Л.И. Пархоменко, В.Т. Перекрест, И.В. Перекрест, Е.В. Фриммер // Междисциплинарное исследование процессов трансформации социально-экономического пространства и территориального развития регионов России : монография. СПб. : ГУАП, 2021. С. 329–430.
6. *Перекрест В.Т., Курзенев В.А., Перекрест И.В. Особенности формирования структуры баланса трудовых ресурсов на рынке труда* // Управленческое консультирование. 2015. № 5. С. 72–80.
7. *Перекрест В.Т. Эконометрическое моделирование пространственных экономических систем с помощью технологий многомерного метрического шкалирования* // Государство и бизнес. Вопросы теории и практики: моделирование, менеджмент, финансы. Материалы Третьей международной конференции. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2011. С. 18–38.
8. *Перекрест В.Т., Перекрест И.В. Региональные особенности государственного регулирования сферы занятости России в контексте результатов экономико-математического моделирования системы региональных рынков труда* // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2021. № 1. С. 50–60.
9. *Перекрест И.В. Оценка потребности приоритетных направлений экономического развития Санкт-Петербурга в профессиональных кадрах с учетом внешней миграции и с использованием многокритериальных балансовых технологий* // Материалы XI международной научно-практической конференции «Государство и бизнес. Современные проблемы экономики». Т. 1. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2019. С. 68–76.
10. *Перекрест И.В. Потребность рынка труда Санкт-Петербурга в иностранной рабочей силе: структурные особенности 2018 года* // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2020. № 1. С. 77–83.
11. *Потребности региональной экономики в профессиональных кадрах: вопросы цифровизации исчисления и особенности региональной безработицы* / С.В. Кузнецов, В.А. Курзенев,

- В. Т. Перекрест, И. В. Перекрест // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития, 2020. № 1. С. 61–68.
12. *Региональный баланс рабочих мест: балансовые технологии и общие прогнозные оценки с учетом миграционных потоков*. Препринт научного доклада / Л. Е. Ефимова, В. С. Привалов, В. Т. Перекрест, И. В. Перекрест, А. И. Чистяков. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2019. 78 с.
 13. *Румянцева Е. Е.* Новая экономическая энциклопедия. М. : ИНФРА-М, 2008–2010. 829 с.
 14. *Технологии определения потребности регионального рынка труда в профессиональных кадрах с учетом трудовой миграции*. Препринт научного доклада / Л. Е. Ефимова, В. С. Привалов, В. Т. Перекрест, И. В. Перекрест, А. И. Чистяков. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2019. 48 с.
 15. *Технология обеспечения профессиональными кадрами развивающихся экономических систем* / В. А. Курзев, В. Т. Перекрест, И. В. Перекрест, Д. С. Чернейко // Управленческое консультирование. 2018. № 2. С. 55–64.

Об авторах:

Курзев Владимир Анатольевич, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор технических наук, профессор; kurzenewa@yandex.ru

Перекрест Владимир Терентьевич, заведующий лабораторией Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор физико-математических наук; vtp_01@mail.ru

Перекрест Игорь Владимирович, старший научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация); piv_2103@mail.ru

References

1. Conceptual and analytical modeling of the Russian labor market / V. T. Perekrst, V. A. Kurzenev, I. V. Perekrst // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 4. P. 80–93 (in Rus).
2. Kurzenev V. A., Perekrst V. T. Nonlinear typological analysis and modern information and analytical technologies of state regulation in the digital economy // Materials of the XI international scientific and practical conference "State and Business. Modern problems of economics". Vol. 1. St. Petersburg: NWIM of RANEP, 2019. P. 28–34 (in Rus).
3. Kurzenev V. A., Perekrst V. T., Perekrst I. V. Ensuring the needs of the regional economy in professional personnel: information and analytical models and technological principles // National security and strategic planning [Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie]. 2019. N 4. P. 15–28 (in Rus).
4. Mathematical modeling of the Russian labor market as a spatial economic system / L. A. Rukhovets, V. T. Perekrst, V. A. Kurzenev, I. V. Perekrst // Scientific almanac "Development Strategy and Economic Policy" of the Economic Council under the Governor of St. Petersburg [Nauchnyi al'manakh «Strategiya razvitiya i ekonomicheskaya politika» Ekonomicheskogo soveta pri Gubernatore Sankt-Peterburga]. 2014. N 3. P. 98–118 (in Rus).
5. Methodological principles of economic and mathematical modeling of the labor market within the framework of the spatial economic system / D. E. Voronin, V. A. Kurzenev, L. I. Parkhomenko, V. T. Perekrst, I. V. Perekrst, E. V. Frimer // Interdisciplinary study of the processes of transformation of the socio-economic space and territorial development of the regions of Russia: monograph. St. Petersburg: GUAP, 2021. P. 329–430 (in Rus).
6. Perekrst V. T., Kurzenev V. A., Perekrst I. V. Features of the formation of the structure of the balance of labor resources in the labor market // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 5. P. 72–80 (in Rus).
7. Perekrst V. T. Econometric modeling of spatial economic systems using multidimensional metric scaling technologies // State and business. Questions of theory and practice: modeling, management, finance. Proceedings of the Third International Conference. St. Petersburg: SZAGS Publishing House, 2011. P. 18–38 (in Rus).
8. Perekrst V. T., Perekrst I. V. Regional features of the state regulation of the employment sector of Russia in the context of the results of economic and mathematical modeling of the system of regional labor markets // Economy of the North-West: problems and development prospects [Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya]. 2021. N 1. P. 50–60 (in Rus).

9. Perekrest I. V. Assessment of the need for priority areas of economic development of St. Petersburg in professional personnel taking into account external migration and using multi-criteria balance technologies // Materials of the XI international scientific and practical conference "State and Business. Modern problems of economics". Vol. 1. St. Petersburg: NWIM of RANEPa, 2019. P. 68–76 (in Rus).
10. Perekrest I. V. The need of the labor market in St. Petersburg in foreign labor: structural features of 2018 // Economy of the North-West: problems and development prospects [Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya]. 2020. N 1. P. 77–83 (in Rus).
11. The needs of the regional economy in professional personnel: issues of digitalization of calculation and features of regional unemployment / S. V. Kuznetsov, V. A. Kurzenov, V. T. Perekrest, I. V. Perekrest // Economy of the North-West: problems and development prospects [Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya]. 2020. N 1. P. 61–68 (in Rus).
12. Regional jobs balance: balance-sheet technologies and general forecast estimates taking into account migration flows. Preprint of the scientific report / L. E. Efimova, V. S. Privalov, V. T. Perekrest, I. V. Perekrest, A. I. Chistyakov. St. Petersburg: NWIM of RANEPa, 2019. 78 p. (in Rus).
13. Rumyantseva E. E. New Economic Encyclopedia. M.: INFRA-M, 2008–2010. 829 p. (in Rus).
14. Technologies for determining the need of the regional labor market for professional personnel, taking into account labor migration. Preprint of the scientific report / LE Efimova, V. S. Privalov, V. T. Perekrest, I. V. Perekrest, A. I. Chistyakov. St. Petersburg: NWIM of RANEPa, 2019. 48 p. (in Rus).
15. Technology for providing professional personnel with developing economic systems / V. A. Kurzenov, V. T. Perekrest, I. V. Perekrest, D. S. Cherneyko // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 2. P. 55–64 (in Rus).

About the authors:

Vladimir A. Kurzenov, Professor of the North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); Chief Researcher of Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Engineering), Professor; kurzenovva@yandex.ru

Vladimir T. Perekrest, Head of laboratory of Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Physics and Mathematics); vtp_01@mail.ru

Igor V. Perekrest, Senior Researcher of Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation); piv_2103@mail.ru

Current approaches to state housing policy

Anatoly A. Likhtin*, Almira N. Muftakhova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; *likhtin-aa@ranepa.ru

ABSTRACT

The housing sector is the most important area of society's development, in which housing needs are met. The article presents the results of a study of the state housing policy in the modern large city of St. Petersburg.

The paper presents the results of a study of the state housing policy in the modern large city of St. Petersburg. The article identifies the most significant trends in the transformation of the housing sector of the Russian Federation, shows the inconsistency of the processes of their implementation. The necessity of taking into account the positive experience of minimizing social inequality in the housing sector is substantiated. Attention is drawn to the existence of contradictions in the priorities of the State Program «Providing citizens of the Russian Federation with affordable and comfortable housing», which results in the restriction of the right of citizens to meet their housing needs.

It seems that the analysis of contradictory trends in the development of the housing sector, which is the purpose of the presented work, will be a definite contribution to the study of the modern housing sector in Russia, as well as the development of practical recommendations aimed at improving the state housing policy and its implementation.

Keywords: housing policy, housing issue, megapolis, city, house-building, managerial approach

For citing: Likhtin A.A., Muftakhova A.N. Current approaches to state housing policy // Administrative consulting. 2022. N 4. P. 44–49.

Актуальные подходы к государственной жилищной политике

Лихтин А. А. *, Муфтахова А. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *likhtin-aa@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Жилищный сектор — важнейшая сфера развития общества, в которой удовлетворяются потребности в жилье. В статье представлены результаты исследования государственной жилищной политики в современном крупном городе — Санкт-Петербурге.

Обозначены наиболее значимые тенденции трансформации жилищного сектора Российской Федерации, показана несостоятельность процессов их реализации. Обоснована необходимость учета положительного опыта минимизации социального неравенства в жилищной сфере. Обращено внимание на наличие противоречий в приоритетах Государственной программы «Обеспечение граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем», следствием чего является ограничение права граждан на удовлетворение своих жилищных потребностей.

Представляется, что анализ противоречивых тенденций в развитии жилищного сектора, являющийся целью представленной работы, будет определенным вкладом в изучение современного жилищного сектора России, а также в выработку практических рекомендаций, направленных на совершенствование государственной жилищной политики и ее реализацию.

Ключевые слова: жилищная политика, жилищный вопрос, мегаполис, город, домостроение, управленческий подход

Для цитирования: Likhtin A.A., Muftakhova A.N. Current approaches to state housing policy // Управленческое консультирование. 2022. № 4. С. 44–49.

Social inequality lying in base of stratification gets constantly new forms, changes its content. The study of transformation social inequality problems – is one the priority ways of sociological study.

We think it is necessary to research dynamics megalopolis housing stratification as relatively new type of social inequality coming into urban space. That problem was studied by T. Bogomolova in her dissertation «Social stratification of city population in material welfare» [1, p. 7]. Though the research was carried out in conditions of destruction of the old Soviet and formation of new Russian state system of house providing, it is presented as actual and applicable today.

Using housing typology developed by V. S. Tapilina, T.Y. Bogomolova had proved as result of analysis of social differentiation features that: 1) city population is highly differentiated in material welfare social commonality, 2) as well as she had detected strata accentuated as specific types of specific types of material welfare which are full families predominantly characterized by commonality and life circumstances, social and demographic parameters.

Scientific development of methodology in categorization of families in property structure feature admitted this author compare marks of housing conditions with differentiation of population with material welfare components.

Study of housing inequality problems in foreign science is associated with sociologists J. Rex and B. Moore [6]. Studying non-indigenous Birmingham population scientists had noticed that the existence of segregative barriers in receiving social housing and had proved the presence of «housing class» as significant factor of city space.

The British scientist P. Saunders researched the problem of housing inequality, isolated consumer and production differences, attributing the right home ownership to means of consumption [7, p. 116]. Quoting this author, V.V. Radaev and O. Shkaratan write that housing plays a key role in determining life opportunities, in social identification and (through accumulation capital by homeowners) in modifying the conditions for the distribution of resources and economic inequality, it follows that the issue of home ownership should take its rightful central place and analysis of social differences and political conflicts [5, p. 121–122].

Opposing P. Saunders, the Spanish sociologist M. Castells through a series of his works could prove that the city is an economic concept, because it accumulates in itself the result of labor of workers.

In turn, the French philosopher A. Lefebvre comprehended the role of the contact of urban space as a social organization, and substantiated the importance of secondary capital as an application of capitalist investments in buildings.

Our studies of the dynamics of housing stratification of a metropolis (by example St. Petersburg) revealed its cyclical nature.

It is necessary to note that in the development and implementation of housing policy this cyclic process bears objective nature and is not disregarded completely and it all leads to erroneous decisions having serious social (and, it is possible, political) consequences.

It is possible to attribute to potential consequences: deepening social inequality, deprivation, etc.

Significant problems in the implementation of housing policy were identified at the largest real estate business event held in late September 2020 — St. Petersburg All-Russian Housing Congress where in the framework of the conference «Mass Housing Construction: Law and market» the state programs to provide housing for citizens of the Russian Federation was constructively discussed.

Among the main expected results of the implementation of the program, the executive authorities see the achievement of the level of resettlement in residential premises, at which the average number of rooms in actually occupied residential premises will correspond to the average number of people living in such premises, as well as the

formation of a rental market housing fund and the development of non-profit rental housing for citizens, having a low income level.

As one of the directions for the implementation of modern housing policy, measures are envisaged to create an economy-class rental-housing fund based on private investment.

The main essence of this plan is to provide for citizens in need of housing on a rental basis, for a fee fixed in the contract by the right of redemption after a certain period, owned by the authorities state and municipal level or private investor.

It should be noted that the proposed method for tenant to obtain redemption real estate was repeatedly criticized due to unsatisfactory practical results. There is the famous scientific dispute between the supporter of these ideas by P.Zh. Proudhon and his opponent F. Engels, cited in the paper «Towards Housing issue» [3]. Comparing Anglo-Saxon ownership with Franco-German, F. Engels proves the fallacy of this idea. The consistent Marxist M. Castells in his work «The Information Age: Economics, Society and Culture» [2] cites the example of Edge City, he indicates the difference between American and European cities in the process of spatial adjustment, and warns of the segregation trap, contrasting its integration. In our opinion, in housing, segregation manifests itself as a division of people into strata based on differences in social statuses, requiring certain restrictions on living space and complicating communication processes. We consider, compact living in a single living space unsecured citizens create the basis for segregation within a metropolis. So, the first project in St. Petersburg to provide residential premises in hired houses is being implemented in the Nevsky district of the city¹ in the area being an industrial outskirts with abandoned warehouse and production areas. At the same time, existing apartment buildings² are city owned and often have a location near the historical center, with favorable infrastructure, but are used as hotel complexes and hostels.

Among the unresolved problems of implementing the state program «Providing affordable and comfortable housing and utilities to citizens of the Russian Federation» in the conditions of decreasing solvent demand for housing acquisition at the conference «Mass Housing: New Market Challenges» indicated the following:

- 1) compliance with the volume of public places and social infrastructure, the conditions required by the state for housing and civil construction, becomes an unbearable burden for developers;
- 2) it is not entirely clear to experts and developers who is the provider of private investment (bank or state), and who is the customer of the project for the provision of residential premises in hired houses;
- 3) price (square meter for sale) and the cost of construction are not completely satisfied with the developers;
- 4) the scheme is proposed by the state does not indicate the role of the regulator, controller, who would be responsible for the quality of construction;
- 5) the delay in the implementation of the state program is due to unattractive conditions for developers to participate in it.

The participants of the event came to the conclusion that during further work on the program it is necessary to ensure compliance with all necessary conditions reflected in

¹ Provision of residential premises in hired houses. Apartments according to the program // St. Petersburg State Budgetary Institution Gorzhilmen [Electronic source]. URL: <https://obmencity.ru/gosudarstvennyie-uslugi/naemnyie-doma.-kommercheskij-naem/kvartiryi-po-programme> (accessed: 24.09.2021).

² Apartment buildings — information, photo // St. Petersburg State Budget Institution «Directorate for Management of State Housing Facilities St. Petersburg» [Electronic source]. URL: <http://gosfondspb.ru/revenue/houses/> (accessed: 24.09.2021).

the provisions of the legislation on public-private partnership¹. Another problem with the implementation of housing policy is the lack of a serious analysis of rental housing needs. The discussion at the above conference was held from the point of view of “built-buy”, which does not seem effective. Thorough studies of housing needs of various social groups, forecasts of their dynamics are required.

The study of public is essential opinions on housing issues and the implementation of housing policy. Unfortunately, public hearings provided for by the Urban Development Code of the Russian Federation² do not resolve this problem.

So at the Conference «Analysis and forecast of the development of the real estate market and construction», which took place as part of the same forum, quite rightly it was noted that in the field of housing policy and civil engineering conditions that in the near future will cause imbalances in the supply of housing for the population and real housing needs.

These trends are amplified in a crisis situation³, and it is impossible to solve them without taking into account the opinion of the end user — the future tenant. And here it is necessary to conduct a well-planned scientific sociological study.

Thus, in conclusion, I would like to summarize the preliminary results.

1. We consider housing stratification in a megalopolis cyclical and find confirmation of this thesis in the history of the development of housing and civil housing from era of the Russian Empire, Soviet Russia to the Russian Federation. In modern apart-hotels you can recognize pre-revolutionary apartment buildings, in the elite class — nomenclature and general «Stalin-houses», in registered residential complexes — housing estates of communal houses, in town houses — German cottages, etc.

2. One of the tasks in solving the housing problem should be called an unresolved dilemma to consider real estate as «property — means consumption» or as «property — means of production». At the same time, foreign science does not stand still and successfully develops the theory of secondary capital.

3. The process of distribution of housing as a high-value and hard-to-reach property should take into account the opinion of the population — its end user, since the existing working market mechanisms are not enough in the face of growing social inequality and, as a result, a decrease in solvent demand in the real estate market.

4. The administration of St. Petersburg, unfortunately, does not take into account the territorial features of the city and the adjacent Leningrad Region either in its development strategies or in state programs to provide housing for residents. At the same time, the Leningrad region in the plans for territorial development considers the St. Petersburg agglomeration priority for residential development, which makes imbalances in the real estate market.

Eliminating the annoying omission would prevent the city from falling into the segregation trap, and also integrate the adjacent territories of the agglomeration into the urban space and provide housing for needy citizens at more humane prices

5. The universal requirement for the provision of social infrastructure and public spaces becomes a burden for the developer and, as a result, forms additional surplus

¹ Coordinating Council for the Development of the Construction Industry of the NWFD // Official website of the Plenipotentiary Envoy of the President of the Russian Federation to the NWFD [Electronic source]. URL: <http://szfo.gov.ru/press/events/644/> (accessed: 24.09.2021).

² Town-planning code of the Russian Federation dated December 29, 2004 N 190-ФЗ (as amended on July 2, 2021) // Collection of legislation of the Russian Federation. 07/04/2016. N 27 (p. II). Art. 4305.

³ Antonov A. V. Risks of chasing a square meter: finding new housing ideas Politics // Materials of the St. Petersburg All-Russian Housing Congress, September 28–30, 2016 / edited by prof. G. M. Sternika // Russian Real Estate Market (Information resource on the real estate market) [Electronic source]. URL: <http://realtymarket.ru/konfa.html> (accessed: 24.09.2021).

value of housing. Therefore, a recommendation could be appeal to the historical experience of «Kirov-houses». Separation could occur not according to professional, but for example, according to the age criterion. There is not sense to build playgrounds where elderly people live, or it is impractical to provide apartments with large kitchens or bathrooms, if the house is intended for student youth.

6. By introducing a negative practice of creating a rental-housing fund on Russian soil, the state may have pursued humane goals, but having already mechanisms to provide housing for their citizens, such as mortgages, installments, subsidies, and those in power refused to reform them, preferring to compete on unstable real estate market. It seems that the settlement of interest rates on mortgage (by linking it to the inflation rate), the extension of the principle of validity of housing certificates by analogy with military housing certificates to other professions demanded by the state (doctors, teachers), or social groups (newlyweds, large families, poor) would improve the situation and ensure housing needs.

References

1. Bogomolova T.Yu. Social stratification of the city population by material well-being: Dissertation abstract: 22.00.04. Novosibirsk, 1992. (In Rus).
2. Castells M. Information Age: Economics, Society and Culture /translation from English under the scientific ed. O.I. Shkaratan. M. : HSE, 2000. (In Rus).
3. Engels F. On the housing issue. M. : Librocom, 2012. (In Rus).
4. Lefebvre H. The production of space /transl. I. Staf. M. : Strelka Press, 2015. 432 p.
5. Radaev V.V., Shkaratan O.I. Social stratification: Textbook. 2nd ed. M. : Aspect Press, 1996. (In Rus)
6. Rex J., Moore R. Race, Community and Conflict: A Study of Sparkbrook. Oxford : Oxford University, 1967.
7. Saunders P. Restoring a nation of home owners: what went wrong with home ownership in Britain, and how to start putting it right. London : Civitas, 2016.

About the authors:

Anatoly A. Likhtin, Dean of the Faculty of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Economics sciences, Professor; likhtin-aa@ranepa.ru

Almira N. Muftakhova, Senior lecturer of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), muftakhova-an@ranepa.ru, msmalmira@yandex.ru

Литература

1. Богомолова Т. Ю. Социальная стратификация населения города по материальному благосостоянию : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Новосибирск, 1992. 15 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура /пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
3. Энгельс Ф. К жилищному вопросу. 2-е изд. М. : Либроком, 2012. 112 с.
4. Лефевр А. Производство пространства /пер. И. Стаф. М. : Strelka Press, 2015. 432 с.
5. Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация : учеб. пособие. 2-е изд. М. : Аспект Пресс, 1996. 318 с.
6. Rex J., Moore R. 1967. Race, Community and Conflict: A Study of Sparkbrook. Oxford : Oxford University.
7. Saunders P. Restoring a nation of home owners: what went wrong with home ownership in Britain, and how to start putting it right. London : Civitas, 2016.

Об авторах:

Лихтин Анатолий Алексеевич, декан факультета государственного и муниципального управления, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-За-

падного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, действительный государственный советник Санкт-Петербурга 1 класса; likhtin-aa@ranepa.ru

Муфтахова Альмира Нургалиевна, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); muftakhova-an@ranepa.ru, msmalmira@yandex.ru

Проблемы практики и перспективы развития таможенного тарифа ЕАЭС

Терешенкова А. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; Atereshenkova@gmail.com

РЕФЕРАТ

Цель: в статье проведен анализ структурных элементов Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза в развитие методологии его сопровождения для оценки эффективности применяемых мер таможенно-тарифного регулирования. Качество издаваемых нормативно-правовых актов в сфере тарифного регулирования, непосредственно влияет на доступность и прозрачность информации как для самих участников ВЭД, так и для контролирующих органов, внося либо ясность в работу всех субъектов процесса, либо создавая излишние «лакуны», тем самым увеличивается количество оспариваемых решений, принимаемых таможенными органами и судами, а это все не способствует развитию предпринимательства и внешнеэкономической деятельности в целом.

Методы: собрана в единую таблицу информация о существующей системе тарифных преференций в ЕАЭС, условиях и документах ее применения в России. Проанализированы на актуальность вспомогательные ресурсы, обеспечивающие эффективную работу с таможенным тарифом и товарной номенклатурой, а также обеспеченность ими государственных и общесоюзных веб-ресурсов. Для исследования подходов и сравнения систем ведения таможенного тарифа автор рассматривает Единый таможенный тариф ЕАЭС, Общий таможенный тариф ЕС и Таможенный тариф США. **Результаты:** сформулированы вопросы методологии ведения и структурирования Единого таможенного тарифа ЕАЭС, подлежащие изучению, развитию и совершенствованию. В частности, автор приходит к мнению, что Решение Совета ЕЭК № 54, которым введен в действие таможенный тариф ЕАЭС, по факту имеет структуру «простого» таможенного тарифа с базовыми автономными ставками, т.е. по сути не отражает фактического состояния законодательства ЕАЭС с действующей сложной системой преференций. Таможенно-тарифное регулирование ЕАЭС — это не только «ввозные таможенные пошлины, но и тарифные льготы, тарифные квоты, система преференций, но и методология кодирования товаров, обеспечивающая эффективность применяемых мер. Проведенный анализ веб-ресурсов ФТС России и ЕЭК ЕАЭС позволяет сделать вывод, что недостаточно представлено информации для практической работы с таможенным тарифом и тарифными преференциями; отсутствуют инструкции или разъяснения о порядке работы с тарифом; нет актуальных переводов решений по кодам и других справочников, имеющихся в арсенале Всемирной таможенной организации, в том числе за год до введения, нет информации о грядущем изменении в редакции ТН ВЭД 2022, что не позволяет таможенным администрациям и бизнесу заранее подготовиться и перестроить процессы. **Выводы:** любые системно важные, но не урегулированные на законодательном уровне вопросы только увеличивают нагрузку при последующем администрировании процессов. А отсутствие прозрачности и четкости в принимаемых мерах не позволяет провести оценку эффективности использования инструментов таможенно-тарифного регулирования, и, как следствие, ставится под сомнение целесообразность усложнения системы мер в целом. Для развития методологии ЕТТ ЕАЭС следует изучать и заимствовать передовой опыт в сфере таможенно-тарифного регулирования. Двигаться в направлении создания в ЕАЭС не только исходного регулирующего документа, отражающего фактический сложный многоколонный тариф, но и его электронного аналога, который может быть важным и системообразующим справочным инструментом, как для работы бизнес-сообществ, так и для органов законодательной и исполнительной власти на всех уровнях администраций ЕАЭС.

Ключевые слова: методология таможенного тарифа, тарифные преференции, система преференций, таможенные пошлины, Евразийский экономический союз, товарная номенклатура

Для цитирования: Терешенкова А. Ю. Проблемы практики и перспективы развития таможенного тарифа ЕАЭС // Управленческое консультирование. 2022. № 4. С. 50–70.

Problems of Practice and Prospects for the Customs Tariff Development in the Eurasian Economic Union

Anna Ju. Tereshenkova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; Atereshenkova@gmail.com

ABSTRACT

The Common customs tariff of the Eurasian Economic Union (CCT EAEU) were formulated, which are subject to study, development and improvement. In particular, the author comes to the conclusion that the Decision of the EEC Council N 54, which introduced the EAEU customs tariff, in fact has the structure of a "simple" customs tariff with basic autonomous rates, i. e. in fact, it does not reflect the actual state of the EAEU legislation with the current complex system of preferences. Customs and tariff regulation of the EAEU is not only "import customs duties, but also tariff benefits, tariff quotas", a system of preferences, but also a methodology for coding goods, ensuring the effectiveness of the measures applied. The analysis of the web resources of the FCS of Russia and the EEC EAEU allows us to conclude that there is insufficient information provided for practical work with the customs tariff and tariff preferences; there are no instructions or clarifications on how to work with the tariff; there are no actual translations of solutions for codes and other reference books available in the arsenal of the World Customs Organization, incl. there is no information about the upcoming changes in the edition of the HS 2022, which does not allow customs administrations and businesses to prepare in advance and rebuild processes. Any systemically important, but not regulated at the legislative level, issues only increase the burden in the subsequent administration of processes. And the lack of transparency and clarity in the measures taken does not allow assessing the effectiveness of using the tools of customs and tariff regulation, and as a result, they question the advisability of complicating the system of measures as a whole. To develop the CCT methodology, the EAEU should study and borrow best practices in the field of customs and tariff regulation. Move towards creating in the EAEU not only an initial regulatory document reflecting the actual complex multicolumn tariff, but also its electronic analogue, which can be an important and backbone reference tool, both for the work of business communities and for legislative and executive authorities at all levels administrations of the EAEU.

Keywords: methodology of customs tariff, tariff preferences, system of preferences, customs duties, Eurasian Economic Union, commodity nomenclature

For citing: Tereshenkova A. Ju. Problems of Practice and Prospects for the Customs Tariff Development in the Eurasian Economic Union // Administrative consulting. 2022. N 4. P. 50–70.

Введение

Важным и общепринятым инструментом таможенно-тарифного регулирования внешнеторговой деятельности является таможенный тариф, представляющий собой свод ввозных таможенных пошлин, систематизированный в соответствии с единой товарной номенклатурой. В Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) — это Единый таможенный тариф (ЕТТ ЕАЭС), построенный на базе Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности ЕАЭС (ТН ВЭД ЕАЭС)¹. Ключевыми элементами этой системы являются: классификация товаров по ТН ВЭД; эскалация таможенного тарифа; система преференций и правила происхождения товаров.

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г.

Качество издаваемых нормативных и регулирующих актов в сфере тарифного регулирования непосредственно влияет на доступность и прозрачность информации как для самих участников ВЭД, так и для контролирующих органов, либо внося ясность в работу всех субъектов процесса, либо создавая излишние вопросы, тем самым увеличивается количество оспариваемых решений, принимаемых таможенными органами и судами, а это все не способствует предпринимательству и развитию внешнеэкономической деятельности в целом. Любые системно важные, но не урегулированные на законодательном уровне вопросы только увеличивают нагрузку при администрировании процессов. А отсутствие прозрачности и четкости в принимаемых мерах не позволяет провести оценку эффективности использования инструментов таможенно-тарифного регулирования и, как следствие, ставит под сомнение целесообразность усложнения системы мер в целом.

Данные о результатах таможенного контроля, правильности классификации товаров и правильности определения происхождения товаров таможенными органами России в 2019 г. подтверждают количество сложных и спорных вопросов в данной теме. Всего за 2019 г. ФТС России принято 42 491 решение о классификации товаров по ТН ВЭД ЕАЭС; возбуждено 1823 дела об АП; откорректированы сведения о происхождении товаров по 9952 декларациям на товары (ДТ); при контроле обоснованности предоставления тарифного преференциального режима таможенными органами было отказано в предоставлении (восстановлении) тарифных преференций по 5737 ДТ, дополнительно начислено таможенных платежей на сумму 966,98 млн руб. [2].

Таким образом, доступность и качество информации, используемой для классификации товаров, а в последующем для определения тарифных и нетарифных мер, применения тарифных преференций, имеет важное значение для всех субъектов правоотношений в таможенной сфере.

Теоретические основы

В Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) вопросы установления и исчисления ввозных таможенных пошлин, а также определения и применения тарифных льгот регулируются Договором о ЕАЭС, которым установлены порядок формирования ЕТТ ЕАЭС, виды ставок, применение тарифных льгот (в виде освобождения или снижения ставки), порядок применения ставок пошлин в зависимости от происхождения товаров. А вопросы применения таможенных платежей, а также специальных, антидемпинговых, компенсационных мер (реализованных в виде взимания пошлин) при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС определены Таможенным кодексом Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС). Применение таможенных пошлин, налогов осуществляется в соответствии с главами 6–11 ТК ЕАЭС. Применение «защитных мер», таких как специальных, антидемпинговых, компенсационных, регламентируется гл. 12 ТК ЕАЭС.

В ЕАЭС применяется единая система тарифных преференций в отношении товаров, происходящих из развивающихся и (или) наименее развитых стран. Применение ставок ввозных таможенных пошлин зависит от происхождения товаров. Положение об условиях и порядке применения единой системы тарифных преференций Евразийского экономического союза утверждено Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 06.04.2016 № 47¹.

¹ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 6.04.2016 № 47 «Об утверждении Положения об условиях и порядке применения единой системы тарифных преференций Евразийского экономического союза» (в ред. решения Совета ЕЭК от 19.12.2019 № 122).

Сводные данные о системе тарифных преференций, льгот, связанных со страной происхождения и условий их предоставления в ЕАЭС, собраны автором и представлены в табл. 1.

При ввозе товаров в государства — члены ЕАЭС применяется базовая ставка таможенного тарифа, в литературе ее называют «генеральной» или «автономной», а сам вид тарифа ЕТТ ЕАЭС можно классифицировать как автономный — одно-колонный [4, с. 56].

При ввозе товаров из развивающихся стран и наименее развитых стран из развивающихся — пользователей единой системы тарифных преференций ЕАЭС при выполнении условий, определенных Комиссией (Решение КТС от 27.11.2009 № 130¹), применяются более низкие ставки ввозных таможенных пошлин, называемые «преференциальные» или «конвенционные», в зависимости от применяемых международных договоров и соглашений [4, с. 57].

Перечень товаров, происходящих из развивающихся стран или из наименее развитых стран, в отношении которых при ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза предоставляются тарифные преференции, утвержден Решением Совета ЕЭК от 13.01.2017 № 8².

В отношении ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС преференциальных товаров, происходящих из развивающихся стран — пользователей единой системы тарифных преференций Союза, применяются ставки ввозных таможенных пошлин в размере 75% от ставок ввозных таможенных пошлин ЕТТ ЕАЭС (см. табл. 1).

В отношении ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС преференциальных товаров, происходящих из наименее развитых стран — пользователей единой системы тарифных преференций ЕАЭС, применяются нулевые ставки ввозных таможенных пошлин ЕТТ ЕАЭС (см. табл. 1).

Описанные выше преференциальные (их еще называют — конвенционные) пошлины представляют отдельный элемент тарифа, и характеризуют тариф уже не как «простой», а «сложный» с широким набором данных о ставках к товарным подсубпозициям.

Помимо этого, тарифные преференции предоставляются в отношении товаров, ввозимых из стран, в торгово-экономических отношениях с которыми государствами-членами ЕАЭС уже применяются или планируются к введению режимы свободной торговли (ЗСТ). В настоящее время в ЕАЭС действует соглашение о ЗСТ с Вьетнамом; заключено временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли от 17.05.2018 с Ираном (действует в период 2019–2021 гг.) и еще не вступило в силу с Сингапуром. Кроме этого у России и государств — членов ЕАЭС также есть соглашение о создании Зоны свободной торговли в рамках стран Содружества Независимых Государств (СНГ) от 18.10.2011 и с Сербией. Таким образом, отдельные пошлины, применяемые в рамках заключенных многосторонних и двусторонних договоров, уже могут характеризоваться как конвенционные и представлять отдельную группу в тарифе.

В табл. 1 в колонке 3 «Условия предоставления тарифной преференции» и колонке 4 «Подтверждающий документ» кратко приведены условия предоставления тарифной преференции. Если условие поставки груза, код товара по ТН ВЭД и его характеристики или предоставленный подтверждающий льготу сертификат проис-

¹ Решение КТС от 27.11.2009 № 130 «О едином таможенно-тарифном регулировании Евразийского экономического союза».

² Решение Совета ЕЭК от 13.01.2017 № 8 «О перечне товаров, происходящих из развивающихся стран или из наименее развитых стран, в отношении которых при ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза предоставляются тарифные преференции»; Решение Высшего совета ЕАЭС от 08.05.2015 № 16 «О перечне чувствительных товаров, в отношении которых решение об изменении ставки ввозной таможенной пошлины принимается Советом Евразийской экономической комиссии».

Сводная система тарифных преференций в ЕТТ ЕАЭС, предоставляемых льгот и условий их предоставления

Table 1. Consolidated system of tariff preferences in the CCT of the EAEU, provided benefits and conditions for their provision)

Страна происхождения	Вид льготы	Условия предоставления тарифной преференции	Подтверждающий документ
Все страны, за исключением стран или товаров с эмбарго	Базовая ставка ЕТТ	Происхождение товара	Декларация происхождения
Развивающиеся страны (Решение КТС от 27.11.2009 № 130)	75% от базовой ставки	Происхождение товара, прямая поставка, закупка, преференциальный товар из Перечня (Решение Совета ЕЭК № 8, Раздел I)	Сертификат о происхождении форма А
Наименее развитые страны из развивающихся (Решение КТС от 27.11.2009 № 130)	0% от базовой ставки	Происхождение товара, прямая поставка, закупка, преференциальный товар из Перечня (Решение Совета ЕЭК № 8, Раздел II)	Сертификат о происхождении форма А
Государства ЗСТ (страны ЕАЭС, а также Молдавия, Таджикистан, Узбекистан)* (Договор от 18.10.2011)	0% от базовой ставки	Происхождение товара, прямая поставка, закупка	Сертификат о происхождении форма СТ-1
Грузия (Соглашение от 03.02.1994)**	0% от базовой ставки	Происхождение товара, прямая поставка, закупка	Сертификат о происхождении форма СТ-1
Туркмения и Азербайджан (Соглашение о создании СНГ от 21.12.1991)	0% от базовой ставки	Происхождение товара, прямая поставка, закупка	Сертификат о происхождении форма СТ-1
Вьетнам (Соглашение 29.05.14; Решение Коллегии ЕЭК от 19.04.2016 № 36)	0%, кроме товаров в Перечне и введенных Триггерных мер, квот	Происхождение товара, прямая поставка, закупка	Сертификат о происхождении форма EAV
Иран*** (Решение Коллегии ЕЭК от 22.01.2019 № 10)	Размеры преференциальных ставок установлены в Перечне	Происхождение товара, прямая поставка, закупка	Сертификат о происхождении товара форма СТ-3

Страна происхождения	Вид льготы	Условия предоставления тарифной преференции	Подтверждающий документ
Сербия (развивающаяся страна) (Приказ ФТС России от 31.10.2011 № 2223)	0%, кроме товаров в Перечне, вывозные пошлины, лицензии и квоты (с 2011 г.)	Происхождение товара, прямая поставка, закупка	Сертификат о происхождении форма СТ-2
Сингапур (Рамочное соглашение от 01.10.2019)	Размеры преференциальных ставок установлены в Перечне с разделением на 10 лет	Происхождение товара, прямая поставка, закупка	Сертификат о происхождении товара, форма Form EAS

Примечания к табл. 1:

* Присоединились к ЗСТ СНГ: Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия (с 1.01.2016 не действует в отношении Украины), Таджикистан, Украина (со 2.01.2016 не действует в отношении России), присоединение в особом порядке (отдельный протокол к договору) — Узбекистан. Товары, в том числе и коньячные дистилляты, происходящие из Республики Азербайджан или Республики Узбекистан, при ввозе на территорию Российской Федерации могут претендовать на преференциальный режим. Условия предоставления тарифных преференций регламентированы Решением Совета глав правительств Содружества Независимых Государств от 24.09.1993 «О правилах определения страны происхождения товаров» (для Республики Узбекистан) и Соглашением Правительства государств — участников Содружества Независимых Государств от 20.11.2009 «О Правилах определения страны происхождения товаров в Содружестве Независимых Государств» (для Республики Азербайджан).

** Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Грузия «О свободной торговле» (Тбилиси, 03.02.1994). Нота МИД России № 1968/4дснг от 16 марта 2010 г. (О применении тарифных преференций).

*** Решение Коллегии ЕЭК от 22.01.2019 № 10 (ред. от 18.02.2020) «О преференциальных ставках ввозных таможенных пошлин в отношении товаров, происходящих из Исламской Республики Иран и ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза». Информация Минской центральной таможни от 21.10.2019 «Товары, происходящие и ввозимые из Исламской Республики Иран».

хождения товара не отвечают требованиям законодательства, то импортер груза не может применить льготу и уплачивает таможенную пошлину по «генеральной» или как еще ее называют «базовой ставке». Однако в течение одного года, при предоставлении подтверждающих документов после выпуска товара, в соответствии с п. 4 ст. 49 ТК ЕАЭС, тарифные преференции могут быть восстановлены в случаях и при соблюдении условий, которые определены Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 22.02.2019 № 64.

Кроме того, в праве ЕАЭС предусмотрено, что в отношении товаров, ввозимых (ввезенных) на таможенную территорию ЕАЭС, могут применяться тарифные льготы в виде освобождения от уплаты ввозной таможенной пошлины или снижения ставки ввозной таможенной пошлины, не носящие индивидуальный характер и применяемые независимо от происхождения товаров.

Исходя из сказанного выше, можно констатировать, что существующему ЕТТ ЕАЭС присущи элементы автономного, договорного и конвенционного тарифов, одновременно. Базовые ставки ЕТТ ЕАЭС, установленные Решениями Совета ЕЭК, харак-

теризует тариф как простой «автономный тариф» [4, с. 56]. А имеющаяся преференциальная система снижения ставок тарифа, установленная дополнительными международными договорами ЕАЭС и отдельными соглашениями о применении режима свободной торговли, позволяют говорить, что по факту ЕТТ ЕАЭС — сложный, с несколькими вариантами ввозных пошлин к товарным кодам, так как содержит элементы «конвенционного» и «договорного тарифа» одновременно, в рамках введенных отдельных списков и перечней. При этом отметим, что основным документом является Решение Совета ЕЭК № 54, который ввел ЕТТ ЕАЭС и в который вносятся изменения в ТН ВЭД и ЕТТ ЕАЭС, имеет структуру «простого» таможенного тарифа с базовыми автономными ставками, т. е. по сути не отражает фактического состояния законодательства.

Все это также не способствует качественному анализу статистики и эффективности принимаемых тарифных мер. В русскоязычных ресурсах практически отсутствуют глубокие обзоры о влиянии таможенно-тарифных мер на внутренний рынок и внешнеторговую деятельность, как, например, это делает Европейский центр международной политической экономии [12].

Рассмотрим далее практику, имеющуюся в зарубежном законодательстве в области организации работы и структурирования информации о таможенно-тарифном регулировании.

Таможенный тариф ЕС. Тариф ЕС по общему принципу состоит из двух основных частей: 1) товарная номенклатура (в основе тарифа положена восьмизначная комбинированная номенклатура (КН) и десятизначные коды общего тарифа ЕС; 2) ставки таможенных пошлин, а также освобождения от пошлин, соответствующие наиболее специфичным товарным группам (подгруппам) в товарной номенклатуре. Тариф ЕС, так же, как и тарифы США, Японии повсеместно используют тарифную эскалацию [26, с. 72]. Электронной web-версией таможенного тарифа является информационная система TARIC — ТАРИК (TARIC — Tarifintegredes Communautés Européennes) [24].

Исходный документ, составляющий основу Таможенного тарифа ЕС, так же, как и ЕТТ ЕАЭС, составлен в форме таблицы. *Первая колонка* содержит коды Комбинированной номенклатуры. Во *второй колонке* содержится описание товаров. *Третья колонка* содержит так называемые автономные ставки таможенных пошлин — ставки, устанавливаемые Сообществом ЕС в одностороннем порядке. В *четвертой колонке* указаны конвенциональные (они же — конвенционные) ставки пошлин, устанавливаемые в соответствии с условиями ГАТТ/ВТО (иногда *четвертая колонка* может в свою очередь подразделяться на несколько колонок, для введения сезонных пошлин). По общему правилу, Сообщество применяет конвенциональные ставки независимо от того, ввозятся ли товары из страны-члена ВТО или из страны, в нее не входящую. Автономные ставки применяются тогда, когда они ниже конвенциональных или когда конвенциональная ставка для данной товарной позиции отсутствует. Однако и автономные, и конвенциональные ставки пошлин могут не применяться в случаях, когда нормы Сообщества предусматривают автономные специальные пошлины для товаров, происходящих из определенных стран, либо в случае применения ставок, установленных международными соглашениями Сообщества. *Пятая колонка* тарифа содержит дополнительные сведения в отношении товаров соответствующей подгруппы, таких как вес, объем, размер и т. п.

Надо отметить, что структура TARIC изначально развивалась не только для введения ввозных пошлин при импорте товаров и статистически; но и содержит дополнительные коды для обозначения особых мер торговой политики (сельскохозяйственные пошлины, антидемпинговые пошлины, меры по контролю за товарами двойного назначения, экспортные возмещения и т. п.). То, что Таможенный тариф ЕС это ввозные пошлины и меры торговли, связанные с тарифом, закреплено в ст. 56–57 Таможенного кодекса ЕС 2014 г.

Кроме комбинированной номенклатуры и ставок таможенных пошлин, TARIC содержит следующие элементы:

- непреференциальные тарифные изъятия и квоты (например, много тарифных квот введено в отношении сельскохозяйственной продукции) [17, с. 61];
- преференциальные (льготные) тарифные меры, предусмотренные соглашениями Сообщества с отдельными третьими странами или их группами (конвенциональные тарифные преференции);
- преференциальные тарифные меры, принятые Сообществом в одностороннем порядке в отношении отдельных стран, групп стран или территорий (автономные тарифные преференции);
- автономные дополнительные меры, снижающие либо устраняющие таможенное обложение для отдельных товаров по причине их природы или конечного назначения (благоприятные тарифные режимы);
- другие тарифные меры, предусмотренные законодательством Сообщества. Например, дополнительные пошлины в отношении продукции отдельных стран и союзов.

В настоящее время электронный тариф TARIC для публичного использования открыт в форме структурированного расширенного каталога данных, где реализована возможности поиска (запроса) по коду, слову и стране (см. рис. 1, 2). Поля таблиц TARIC содержат исчерпывающую дополнительную информацию, введенную в справочник к десятизначному коду товаров: ввозные пошлины, преференциальные и непреференциальные тарифные меры; квоты; дополнительные меры нетарифного регулирования и т. п. (см. рис. 2). Таким образом, развитие товарной номенклатуры на уровне десятого знака согласно ст. 57 Таможенного кодекса ЕС полностью подчинено вводимым мерам торговли, что обеспечивает однозначность в применении мер, а в последующем учет, контроль и анализ эффективности их применения.

В соответствии с Договором об учреждении ЕС Постановлением Совета ЕК 1715/90 была обеспечена система передачи данных от национальных таможенных администраций в Европейскую комиссию. В данном постановлении также отмечено, что участники ВЭД из разных стран ЕС должны иметь возможность на равных условиях получить информацию о правилах от таможенных администраций, а также пояснения к ним об условиях доступа на рынки таможенного союза, тем более что в разных странах эти правила могут отличаться. Развитие единых централизованных сервисов явилось следствием базовых принципов учреждения ЕС, где участникам ВЭД должно быть гарантировано всестороннее информационное обеспечение их деятельности, а таможенным администрациям облегчение работы и единообразие применения правил, так как значительные искажения в практике в зависимости от государства-члена, в котором они работают, несовместимы с надлежащим функционированием таможенного союза.

Другим примером является **Таможенный тариф США — Harmonized Tariff Schedule (2020 Revision 26)** [19]. По мнению Хансена, уже более пятидесяти лет Таможенный тариф США отвечает интересам частной собственности и ответственен перед обществом одновременно [18, с. 527]. Таможенный тариф США по общему подходу также состоит из двух основных частей: товарная номенклатура и ставки таможенных пошлин (см. рис. 3).

Первая колонка содержит коды номенклатуры на уровне до 8 знаков, во второй колонке — дополнительные коды для статистических целей. В третьей и четвертой колонках содержатся соответственно описание и дополнительные единицы измерения товаров. Пятая и шестая колонки, объединенные названия ставки пошлин «1» (базовые «General» и специальные «Special»). В колонке базовые «General» — содержатся ставки РНБ для товаров, в отношении которых не имеется права на специальный тарифный режим, так называемые автономные ставки таможенных

Legal Notice | Contact | Search | English (en)

TAXATION AND CUSTOMS UNION

European Commission

European Commission > Taxation and Customs Union > Databases > TARIC > Measures

User Guides, Information and Downloadable data: [Info]

Help | What's new? | Information | FAQ

TARIC Consultation

Last TARIC update: 12-11-2021
Download latest daily update: 12-11-2021

Measures | Geographical areas | Regulations

Search by goods code and geographical area

Goods code [Browse] | Origin/destination

[Advanced search]

Retrieve Measures

The current reference date for the query is 15-11-2021 [Change the reference date]

Top

Рис. 1. Пример официальной страницы Общего таможенного тарифа ЕС (TARIC)
Fig. 1. Example of the official page of the EU Common Customs Tariff (TARIC)

Источник: TARIC Consultation [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/taxation_customs/dds2/taric/taric_consultation.jsp?Lang=en (дата обращения: 01.11.2020).

European Commission

European Commission > Taxation and Customs Union > Databases > TARIC > TARIC Measures Information

User Guides, Information and Downloadable data: [Info]

Help | What's new? | Information | FAQ

TARIC measure information [Show all information]

The reference date is 15-11-2021
Last TARIC update: 12-11-2021

Area: Russian Federation - RU
Goods nomenclature code: 0101300000
Measure type:
Order number:
Measure publication start date must be after:
Measure publication start date must be before:
Legal base:

SECTION I LIVE ANIMALS; ANIMAL PRODUCTS

CHAPTER 1 LIVE ANIMALS

0101 Live horses, asses, mules and hinnies : (T16701)

0101 30 Asses

ERGA OMNES (ERGA OMNES 1011)

Import control - CITES (14-12-2019 -) (C0370) **B2117/19**
[Show conditions]

Import control of organic products (01-01-2017 -) (C0408) **B0834/07**
Excluding: Switzerland (CH), Iceland (IS), Liechtenstein (LI), Norway (NO)
[Show conditions]

Third country duty (01-01-2012 -) : **7.70 %** **B1006/11**

All third countries (ALLTC 1008)

Veterinary control (21-04-2021 -) (C0625) **B0632/21**
Excluding: Andorra (AD), Switzerland (CH), Liechtenstein (LI), Norway (NO), San Marino (SM)
[Show conditions]

Рис. 2. Пример официальной страницы Общего таможенного тарифа ЕС (TARIC)
Fig. 2. Example of the official page of the EU Common Customs Tariff (TARIC)

Источник: TARIC Consultation.

пошлин — ставки, устанавливаемые США в одностороннем порядке. Базовые ставки РНБ — «General» — это обычные ставки торговых отношений (NTR — «normal trade relations»), которые применимы к товарам из стран, не имеющих права на специальный тарифный режим. При этом актами Конгресса США разделяется ста-

тус торговых отношений на постоянный (PNTR — «permanent normal trade relations»), как, например, для Чехословакии, Словакии, Венгрии, Румынии, Албании, Болгарии, Камбоджи, Эстонии, Латвии и Литвы; и временный (TNTR — «temporarily afforded NTR treatment»), предоставленный, например, для Азербайджана, Казахстана, Таджикистана и Узбекистана.

В *шестой колонке* указаны специальные «Special» преференциальные ставки пошлин (конвенциональные), если к товарному коду применимы одна или несколько программ специального тарифного режима. Например, для развивающихся и наименее развитых стран из развивающихся (значение в колонке «A+»); а также ставки, применяемые согласно двусторонним соглашениям о ЗСТ (договорные ставки), например, это ЗСТ с Канадой (в таблице приведено сокращение — «CA») и Мексикой — «MX».

Полная расшифровка значений и сокращений к «шестой колонке» приведена на рис. 4.

Если к товару применяются несколько пошлин (специальных пошлин) в рамках более чем одной программы, то устанавливается самая низкая ставка пошлины, предусмотренная любой применимой программой. Для товаров, у которых нет специальных пошлин, или если страна, в которой был произведен товар, имеющий право на особый режим, не обозначена в качестве страны-бенефициара, в отношении которой действуют преференции, то в отношении таких товаров применяется ставка пошлины, указанная в колонке «1» базовые ставки — «General».

Седьмая колонка тарифа с заголовком «2» — содержит ставки пошлин на товары, импортированные прямо или косвенно, из стран и регионов в отношении которых введены меры в соответствии с нормами Тарифа США, Закона о классификации 1962 г., Закона о расширении торговли 1962 г., Закона о торговле 1974 г. или указов Президента в соответствии с этим, в частности, это Куба, Северная Корея.

То есть для пользователя информация о разных пошлинах, применяемых к одному и тому же товару представлена исчерпывающая, хотя сам Таможенный тариф США опубликован в форме простого каталога данных без web-базы: главы ТН ВЭД опубликованы в форме листов справочника для печати в формате PDF, однако

Harmonized Tariff Schedule of the United States Basic Revision 8 (2021)
Annotated for Statistical Reporting Purposes

1-2 Heading/ Subheading No.	3 Article Description	4 Unit of Quantity	Rates of Duty	
			General	Special
0101	Live horses, asses, mules and hinnies:			
0101.21.00	Horses:			
10	Purebred breeding animals.....	No.	Free ¹²	Free
20	Males.....	No.		
	Females.....	No.		
0101.29.00	Other.....	No.	Free ¹²	20%
10	Imported for immediate slaughter.....	No.		
30	Other.....	No.		
0101.30.00	Asses.....	No.	8.8% ¹²	Free (A+, AU, BH, CL, CO, D, E, IL, JO, KR, MA, OM, P, PA, PE, S, SG)
0101.90	Other:			
0101.90.30	Imported for immediate slaughter.....	No.	Free ¹²	Free
0101.90.40	Other.....	No.	4.5% ¹²	Free (A+, AU, BH, CL, CO, D, E, IL, JO, KR, MA, OM, P, PA, PE, S, SG)
0102	Live bovine animals:			
0102.21.00	Cattle:			
	Purebred breeding animals.....	No.	Free ¹²	Free
10	Dairy:			
20	Male.....	No.		
	Female.....	No.		
30	Other:			
50	Male.....	No.		
	Female.....	No.		

Рис. 3. Пример официальной страницы таможенного тарифа США — Harmonized Tariff Schedule

Fig. 3. Example of the official US Customs Tariff Page — Harmonized Tariff Schedule

Источник: Harmonized Tariff Schedule (2020 Revision 26) [Электронный ресурс]. URL: <https://hts.usitc.gov/current> (дата обращения: 01.11.2020).

(b) **Rate of Duty Column 2.** Notwithstanding any of the foregoing provisions of this note, the rates of duty shown in column 2 shall apply to products, whether imported directly or indirectly, of the following countries and areas pursuant to section 401 of the Tariff Classification Act of 1962, to section 231 or 257(e)(2) of the Trade Expansion Act of 1962, to section 404(a) of the Trade Act of 1974 or to any other applicable section of law, or to action taken by the President thereunder:

Cuba	North Korea
------	-------------

(c) **Products Eligible for Special Tariff Treatment.**

(i) Programs under which special tariff treatment may be provided, and the corresponding symbols for such programs as they are indicated in the "Special" subcolumn, are as follows:

Generalized System of Preferences.....	A, A* or A+
United States-Australia Free Trade Agreement.....	AU
Automotive Products Trade Act.....	B
United States-Bahrain Free Trade Agreement Implementation Act.....	BH
Agreement on Trade in Civil Aircraft.....	C
North American Free Trade Agreement.....	CA
Goods of Canada, under the terms of general note 12 to this schedule.....	CA
Goods of Mexico, under the terms of general note 12 to this schedule.....	MX
United States-Chile Free Trade Agreement.....	CL
African Growth and Opportunity Act.....	D
Caribbean Basin Economic Recovery Act.....	E or E*
United States-Israel Free Trade Area.....	IL
United States-Jordan Free Trade Area Implementation Act.....	JO
Trade Agreement Between the United States and Japan.....	JP
Agreement on Trade in Pharmaceutical Products.....	K

Рис. 4. Описание сокращений, приведенных в таможенном тарифе США для колонки «Специальные ставки»

Fig. 4. Description of US Customs Tariff, Abbreviations for «Special» Rates Column

Источник: Harmonized Tariff Schedule (2020 Revision 26).

сами таблицы тарифа имеют дополнительные колонки: все виды ставок пошлин с учетом преференциальной системы по стране происхождения.

Полный список преференциальных соглашений и программ, чьи товары подпадают под действие специальных тарифов и которым может предоставляться специальный тарифный режим, а также соответствующие краткие обозначения таких программ, как они указаны в колонке «Особые» («Special» Rates Column) в Таможенном тарифе США, приведены в табл. 2.

Выделение в тарифе отдельных кодов для внутривидовых и сезонных пошлин, а также применение сложного многоколонного тарифа позволяет исследователям и государственным органам более четко собирать и анализировать статистику внешней торговли, оперативно анализировать результат от применения тарифных и нетарифных мер регулирования. Результатом такого структурирования информации в тарифе является появление интересных обзоров о «торговых войнах» и их последствиях для экономики и потребителей, как работа Калвина Ченга, Фирдаоса Росли и др. от сентября 2019 г. «США — Китай. Торговая война...» [13, с. 2].

Сезонные пошлины в Таможенном тарифе США учитываются аналогично практике ЕТТ ЕАЭС, когда внутри товарных позиций есть разделение кода ТН ВЭД в зависимости от периода импорта, а соответственно от кода товара изменяется и ставка. Примеры кодов товаров с сезонными ставками: 0702.00.20 (томаты свежие и охлажденные), 0704.10 (капуста), 0705.11 (кочанный салат).

Особенность Таможенного тарифа США в том, что для учета только импортируемых товаров, освобожденных от ставок ввозной пошлины и НДС, задействованы группы 98–99.

В частности, эти группы активно используются для выделения отдельных кодов для сельскохозяйственной продукции, в отношении которой есть разные соглашения с третьими странами о льготных ставках и введены количественные ограничения (квоты). Описания правил применения ставок приведены в гл. 98, подразд. XXII, прим. 24 и 25 к Таможенному тарифу США; и гл. 99, подразд. XV, прим. 4–14 США Согласованного тарифного плана (HTS)¹.

¹ Quota Bulletins [Заголовок с экрана] / U. S. Customs and Border Protection [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbp.gov/trade/quota/bulletins>; URL: <https://www.cbp.gov/trade/quota/bulletins/qb-21-104-2021-cafta-agriculture> (дата обращения: 01.11.2021).

Сводная система тарифных преференций в таможенном тарифе США
 Table 2. Consolidated system of tariff preferences in the US Customs Tariff Page —
 Harmonized Tariff Schedule)

№ п/п	Соглашения и программы, в соответствии с которыми может предоставляться специальный тарифный режим /Programs under which special tariff treatment may be provided	Краткие обозначения для преференциальных тарифных режимов как они указаны в колонке «Особые» тарифа / Corresponding symbols for such programs as they are indicated in the «Special» subcolumn
1	2	3
1	Generalized System of Preferences	A, A* or A+
2	United States-Australia Free Trade Agreement	AU
3	Automotive Products Trade Act	B
4	United States-Bahrain Free Trade Agreement Implementation Act	BH
5	Agreement on Trade in Civil Aircraft	C
6	North American Free Trade Agreement	
7	Goods of Canada, under the terms of general note 12 to this schedule	CA
8	Goods of Mexico, under the terms of general note 12 to this schedule	MX
9	United States-Chile Free Trade Agreement	CL
10	African Growth and Opportunity Act	D
11	Caribbean Basin Economic Recovery Act	E or E*
12	United States-Israel Free Trade Area	IL
13	United States-Jordan Free Trade Area Implementation Act	JO
14	Trade Agreement Between the United States and Japan	JP
15	Agreement on Trade in Pharmaceutical Products	K
16	Dominican Republic-Central America-United States Free Trade Agreement Implementation Act	P or P+
17	Uruguay Round Concessions on Intermediate Chemicals for Dyes	L
18	United States-Caribbean Basin Trade Partnership Act	R
19	United States-Morocco Free Trade Agreement Implementation Act	MA
20	United States-Singapore Free Trade Agreement	SG
21	United States-Oman Free Trade Agreement Implementation Act	OM

1	2	3
22	United States-Peru Trade Promotion Agreement Implementation Act	PE
23	United States-Korea Free Trade Agreement Implementation Act	KR
24	United States-Colombia Trade Promotion Agreement Implementation Act	CO
25	United States-Panama Trade Promotion Agreement Implementation Act	PA
26	Nepal Preference Program	NP
27	United States-Mexico-Canada Agreement	S or S+

Также товарные субпозиции 9801.00.10 — 9823.53.06 используются для декларирования товаров, ввозимых беспошлинно, при соблюдении условий, описанных в Основных примечаниях к тарифу (General Notes) и примечаниях к гл. 98¹. Это различные группы товаров, ввозимые в льготных процедурах, в том числе временно, также для научных, культурных, образовательных и технических целей правительства, международных и дипломатических организаций, товары частных лиц и сотрудников консульств и т. п. Например, позиция 9801.00.10 применяется для товаров, ввозимых в процедурах реимпорта, в том числе после их вывоза для ремонта за пределами США, переработки, временного вывоза в пределах трех лет. Например, позиция 9801.00.25 применяется для реимпортированных товаров, в отношении которых пошлина была уплачена при предыдущем ввозе, если они были вывезены в течение трех лет после ввоза, и повторно импортированы без увеличения их стоимости, без иных улучшений в неизменном состоянии, а также если причиной ввоза является их несоответствие образцу или спецификациям, и т. д.

Позиция 9803.00.50 применяется для контейнеров и комплектующих для их ремонта, оборудования и материалов, являющихся инструментами для международных перевозок грузов.

Также в гл. 98 даны описания и особенности применения ставок в рамках разных соглашений США о торговле. Например, подразд. XXII дает пояснения о тарифных правилах в рамках соглашений США о зонах свободной торговли со странами: Сингапур, Чили, Доминиканская Республика, Марокко, Бахрейн, Оман, Перу, Корея, Колумбия, Панама, Мексика, Канада (SUBCHAPTER XXII «Provisions established pursuant to free trade agreements»). В частности, преференциальные товары из Сингапура, имеющие преференциальную ставку, декларируются в позиции 9822.01.25 и перечислены в прим. 2 в подразд. XXII к разд. 98. Товарная позиция 9822.03.02 применяется для товаров, ввозимых по внутриквотной ставке (беспошлинно), в отношении изделий из хлопка и волокна из Марокко, а размер квоты для товарной позиции 5201 приведен в прим. 7 в подразд. XXII к разд. 98.

Результаты

Выше представленный материал подтверждает, что система таможенно-тарифного регулирования в ЕАЭС представляет собой не только сам ЕТТ ЕАЭС, но и груп-

¹ Chapter 98 Special classification provisions Notes / Harmonized Tariff Schedule (2021 Basic Revision 8) [Электронный ресурс]. URL: <https://hts.usitc.gov/current> (дата обращения: 01.11.2021).

пировки норм, устанавливающих систему предпочтений в рамках многосторонних и двусторонних соглашений.

Обобщенная схема структурных элементов Таможенного тарифа ЕАЭС представлена на рис. 5.

Структура таможенного тарифа включает элементы Товарной номенклатуры, а именно:

- ОПИ — основные правила интерпретации (правила: 1, 2а, 2б, 3а, 3б, 3в, 4, 5а, 5б, 6);
- непосредственно саму номенклатуру товаров, состоящую из разделов, групп, подгрупп, товарных позиций, субпозиций, подсубпозиций;
- Примечания к ТН ВЭД (общие, к субпозициям, дополнительные);
- Примечания к ТН ВЭД ЕАЭС (документы федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) для подтверждения целевого назначения товара, например, отмеченные ссылкой «1»);

СТРУКТУРА ЕДИНОГО ТАМОЖЕННОГО ТАРИФА ЕАЭС

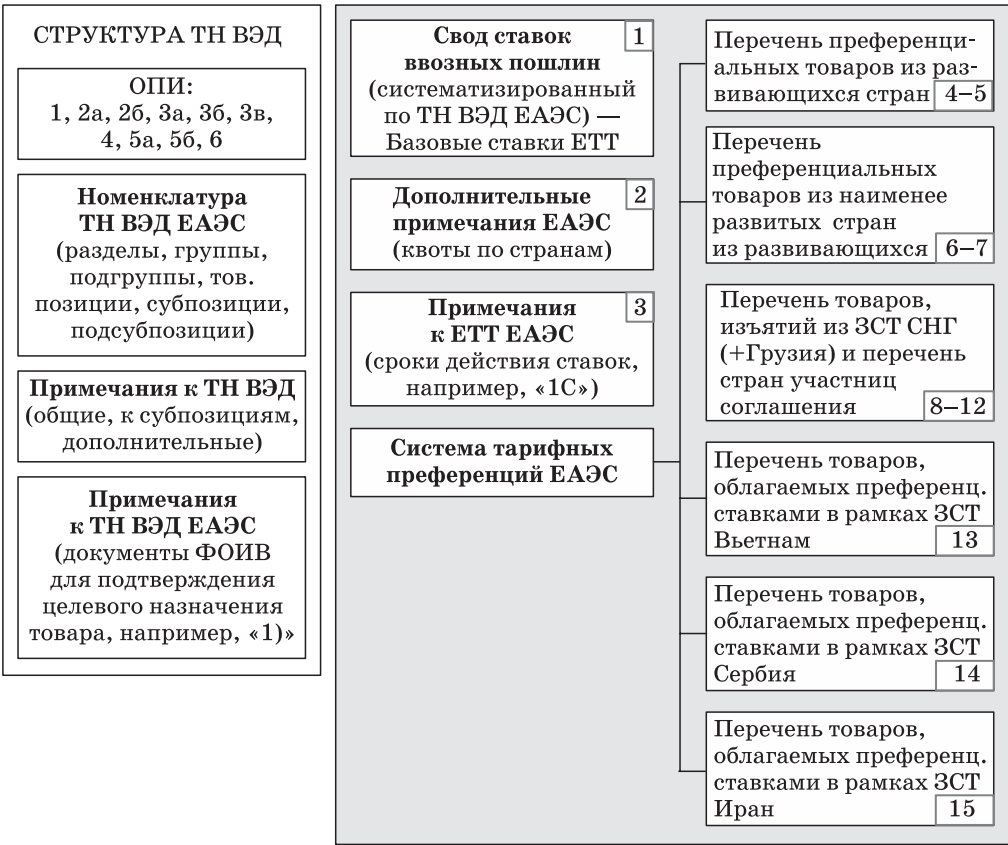

Рис. 5. Обобщенная схема структуры Единого таможенного тарифа ЕАЭС
Fig. 5. Generalized scheme of the structure of the Unified Customs Tariff of the EAEU

Примечание автора: в блоках типа [1] приведено оценочно количественно формализованных перечней данных, связанных с товарной позицией ТН ВЭД (вплоть до 10-ти значного кода), которые необходимо учитывать при определении ставки ввозной пошлины по ЕТТ ЕАЭС.

- а также структурных элементов, составляющих сам тариф и изменения в ставках ввозных пошлин в зависимости от страны происхождения товара (средняя и крайняя правая колонка блоков, рис. 5).

В выделенных блоках схемы на рис. 5 автором оценочно приведено количество формализованных перечней данных, связанных с товарными позициями (от 6 до 10 уровня знаков кода товара по ТН ВЭД ЕАЭС), которые необходимо учитывать для определения размера ставки ввозной таможенной пошлины согласно ЕТТ ЕАЭС, и их не менее пятнадцати. Конечно, разрабатывая и развивая информационную систему тарифа ЕАЭС, необходимо учитывать и системы законодательства стран — участниц таможенного союза. Так, например, Всемирный банк оценил изменения в ЕТТ ЕАЭС от 2012 г. — как негативные для Казахстана [16].

Уже упоминалось, что для правильной идентификации и классификации товаров существует некоторое количество справочных материалов, имеющих обязательное и факультативное значение для классификации, и соответственно, принятия решений о выборе ставки пошлины и тарифной преференции.

Среди таких вспомогательных материалов к ТН ВЭД ЕАЭС и для классификации выделим:

- 1) перечень решений, затрагивающих вопросы классификации нестандартных товаров Всемирной таможенной организации (Classification Decisions Session of the HSCommittee by WCO). Решения ВТамО на русский язык официально не переводятся;
- 2) пронумерованный список мнений Всемирной таможенной организации (ВТамО) — Компендиум классификационных мнений (Compendium of Classification Opinions by WCO). Одно из последних Решений ВТамО было решение 64-й сессии от сентября 2019 г.¹ Компендиум классификационных мнений ВТамО с 2004 г. на русский язык официально не переводится;
- 3) решения по классификации Комиссии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). На декабрь 2020 г. принято 163 Решения Комиссии ТС/ЕЭК²;
- 4) решения по классификации товаров, принимаемые ФТС России. Официально не публикуются;
- 5) предварительные решения по классификации товаров, принимаемые ФТС России. На декабрь 2020 г. — 2833 шт. Сборник действующих предварительных решений Российской Федерации публикуется на официальном сайте ФТС России³;
- 6) алфавитно-предметный указатель к ТН ВЭД (АПУ) или как его называют «Индекс» (на сайте ВТамО этот инструмент называется «Индекс», последнее издание выпущено к ТН ВЭД 2017 г. и называется «The INNTable 2017»). Русскоязычного аналога к ТН ВЭД ЕАЭС редакции 2012 и 2017 гг. не существует. Последний изданный на русском языке АПУ к ТН ВЭД был подготовлен таможенной службой России (ГТК России) к ТН ВЭД 2002 г. и официально издавался до 2004 г.;
- 7) переходные таблицы к товарным кодам, обеспечивающие информирование о внесении изменений в ТН ВЭД, готовятся заранее при введении очередной редакции ТН ВЭД. В 2022 году планируется новая редакция ТН ВЭД 2022. На сайте ВТамО

¹ HS Classification Decisions [Электронный ресурс]. URL: http://www.wcoomd.org/en/topics/nomenclature/instrument-and-tools/tools-to-assist-with-the-classification-in-the-hs/hs_classification-decisions.aspx (дата обращения: 01.11.2020).

² Решения о классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС, принятые Комиссией [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/departament/KlassPoTNVED_TS/Pages/solutions.aspx (дата обращения: 01.12.2020).

³ Сборник предварительных решений за сентябрь 2020 года. Действующие предварительные решения Российской Федерации о классификации товаров [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/folder/158501> (дата обращения: 01.12.2020).

этот инструмент называется «Interconnection Table»¹. На официальных ресурсах ФТС России и ЕЭК ЕАЭС данная информация отсутствует.

В табл. 3 проанализированы на актуальность вспомогательные ресурсы, обеспечивающие эффективную работу с таможенным тарифом и товарной номенклатурой, а также обеспеченность ими государственных и общесоюзных ресурсов.

Таким образом, таможенно-тарифное регулирование — это не только ввозные таможенные пошлины, но и тарифные льготы, тарифные квоты [8, с. 245], система преференций, но и методология кодирования товаров, обеспечивающая эффективность применяемых мер.

Отметим, что при всей многофакторности и сложности существующей в ЕАЭС системы таможенно-тарифного регулирования и тарифных преференций ни на официальном сайте ФТС России (<https://customs.gov.ru/>), ни на официальном ресурсе ЕЭК (<http://www.eurasiancommission.org/>) не представлено даже базовой

Таблица 3

**Анализ состояния вспомогательной и справочной информации
к ТНВЭД ЕАЭС и ЕТТ ЕАЭС**

Table 3. Analysis of the state of auxiliary and reference information
to the EAEU nomenclature of goods subject to foreign trade and the EAEU CCT

№ п/п	Наименование	Наличие структурированного каталога на официальных ресурсах ЕЭК / ФТС РФ	Обновление информации	Перевод инфо на русский язык
1	ТН ВЭД ЕАЭС Изменения в ТН ВЭД ЕАЭС	Нет	Есть	Есть
2	Пояснения к ТНВЭД ЕАЭС (The Explanatory Notes of the Harmonized System Convention)	Нет	Запаздывает перевод изменений	Есть
3	Перечень решений, затрагивающих вопросы классификации нестандартных товаров (Classification Decisions)	Нет	—	Нет официальных переводов
4	Компендиум классификационных мнений (Compendium of Classification Opinions)	Нет	Нет, в 2004 г. было последнее издание на русском языке	С 2009 г. Нет официальных переводов
5	Алфавитно-предметный указатель к ТН ВЭД (АПУ) и Индексы (The INN Table)	Нет	Нет, последнее издание на русском языке АПУ к ТН ВЭД РФ 2002	Нет

¹ Interconnection Table [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wcoomd.org/en/topics/nomenclature/instrument-and-tools/interconnection-table.aspx> (дата обращения: 01.12.2020).

информации для практической работы с таможенным тарифом и тарифными преференциями; отсутствуют инструкции или разъяснения о порядке работы с тарифом; нет информации о грядущих изменениях и перспективах развития, в том числе изменениях в редакции ТН ВЭД 2022, что не позволяет таможенным администрациям и бизнесу заранее подготовиться и перестроить процессы; отсутствуют истории изменений или редакций ТН ВЭД и ЕТТ.

В частности, на официальном сайте ФТС России¹ есть информация об уплате таможенных пошлин и некоторые нормативные акты о тарифных преференциях, а именно приведены тексты соглашений о зонах свободной торговли (ЗСТ)² с Грузией, Сербией, Ираном, Вьетнамом. Однако, исходя из приведенных норм, так до конца и не понятны вопросы: как точно осуществляется применение ввозных пошлин в отношении товаров из Грузии в текущем году; а также какие страны входят в ЗСТ СНГ, в том числе статус Украины в этом соглашении. Также неоднозначно представлена информация о ввозе товаров из Вьетнама, так как наряду с преференциальными перечнями, введены и триггерные меры. И таких вопросов достаточно много.

Исчерпывающая информация, связанная с таможенным тарифом, скрыта от конечных пользователей и исследователей, а ведь именно они являются ее важными потребителями, а не только контролирующие органы и законодательные органы. Как справедливо отмечают американские специалисты, «чтобы добиться добровольного соблюдения закона, таможенные органы, как вся индустрия сервиса, должны предложить высокий уровень обслуживания» [1, с. 82].

Обсуждение

Исследованием проблем доступа к информации при подготовке таможенного тарифа в работе координационных и совещательных комиссий (советов) при органах власти посвящены труды С.П. Удовенко [25] и Н.В. Дзюбы [9]. Так, в работе С.П. Удовенко и М.В. Кривошекова отмечено: «установленный в нашей стране порядок подготовки предложений по мерам таможенно-тарифного регулирования для ЕАЭС с его характерными чертами (отсутствие доступа значительной части научного, предпринимательского сообщества к материалам, служащим основой для выработки решений; решения принимает узкий круг федеральных чиновников) создает возможности для лоббирования и реализации интересов отдельных бизнес-групп, компаний в ущерб интересам более высокого уровня. В связи с этим сформулировано предложение о необходимости размещения информации о всех этапах подготовки предложений в данной сфере в форме открытых данных в сети Интернет на специализированном сайте, разработку и ведение которого целесообразно закрепить за Минэкономразвития России» [3, с.19].

Выводы

Учитывая, что в едином таможенном тарифе ЕАЭС есть одновременно договорные ставки — это ставки по Договору о ЕАЭС, они же автономные, а также конвенционные ставки ввозных таможенных пошлин (различные многосторонние и двусторонние соглашения, как то: СНГ и ЗСТ) — то использовать для ведения существующих

¹ Уплата таможенных пошлин, налогов и иных платежей, взимание которых возложено на таможенные органы, при ввозе товаров на таможенную территорию ЕАЭС. Схема I. Ввоз товаров на таможенную территорию Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФТС России. URL: <https://customs.gov.ru/document/text/12952> (дата обращения: 01.11.2020).

² Зоны свободной торговли. Происхождение товара [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФТС России. URL: <https://customs.gov.ru/folder/6823> (дата обращения: 01.11.2020).

ющую структуру таможенного тарифа, содержащую только автономный тариф, т. е. «базовые ставки» ввозных пошлин, не только не удобно для потребителей информации, но также и для его сопровождения и развития. Считаем, что ЕТТ ЕАЭС следует развивать, а не пользоваться решениями тридцатилетней давности. Необходимо всесторонне изучить практику, имеющуюся в зарубежном законодательстве в области работы и структурирования информации тарифов, методологию их сопровождения и представления для открытого использования.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что для развития методологии ЕТТ ЕАЭС следует изучать и заимствовать передовой опыт в сфере таможенно-тарифного регулирования. В частности, необходимо всесторонне изучить Европейский интегрированный таможенный тариф (TARIC) и двигаться в направлении создания в ЕАЭС не только исходного регулирующего документа, отражающего фактический сложный многоколонный тариф, но и его электронного аналога, который может быть важным и системообразующим справочным инструментом, как для работы бизнес-сообществ, так и для органов законодательной и исполнительной власти на всех уровнях администраций ЕАЭС. Действующая нормативная база морально устарела лет на тридцать. Поэтапное определение ставки ввозной пошлины, при котором надо работать с более чем пятнадцатью источниками информации, даже при современном уровне информатизации не только не создает благоприятные условия для ведения бизнеса, но и делает систему закрытой для открытого обсуждения спорных ситуаций, усложняет администрирование процессов как на уровне Коллегии ЕЭК, так и в таможенных администрациях. Необходимо создавать предпосылки и предпринимать шаги для развития и внедрения многоколонного принципа формирования Единого тарифа ЕАЭС, а также объединения в единый открытый информационный ресурс все тарифные и нетарифные меры ЕАЭС.

Литература

1. Ершов А. Д., Сизова К. А., Юрицин В. М. Взаимодействие бизнеса и таможни: теория, методология, практика : монография / под ред. А. Д. Ершова. СПб. : РИО СПб. филиала РТА, 2012. 402 с.
2. Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2019 году // Официальный сайт ФТС России [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tatax-deyatel-nosti> (дата обращения: 01.12.2020).
3. Кривошекова М. В., Удовенко С. П. О фрагментарности и «белых пятнах» в исследовании проблематики таможенно-тарифного регулирования в условиях Евразийского экономического союза // Проблемы современной экономики. 2018. № 4 (68). С. 17–19.
4. Удовенко С. П. Таможенный тариф современной России (1993–2005 гг.). СПб. : Архей, 2006. 401 с.
5. Удовенко С. П. Имплементация норм международных договоров в национальные правовые системы (на примере соглашения о Едином таможенно-тарифном регулировании таможенного союза ЕвразЭС) / Таможенные чтения — 2010. Правовая система современной России: состояние, тенденции развития // Сб. материалов межвузовской научно-практической конференции. Российская таможенная академия, Санкт-Петербургский им. В. Б. Бобкова филиал РТА. СПб., 2010. С. 132–139.
6. Удовенко С. П. К вопросу об оценке эффективности применения единого таможенного тарифа в Таможенном союзе ЕвразЭС // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2010. № 1 (35). С. 47–53.
7. Удовенко С. П. Механизм подготовки предложений по мерам таможенно-тарифного регулирования для ЕАЭС: проблемы, пути решения (на примере России) // Проблемы современной экономики. 2019. № 4 (72). С. 22–25.
8. Удовенко С. П. О системном подходе к оценке эффективности мер таможенно-тарифного регулирования в рамках таможенного союза ЕВРАЗЭС // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2011. № 3 (40). С. 243–245.

9. Удовенко С. П., Дзюба Н. В. О проблемах доступа к информации о работе координационных и совещательных комиссий (советов) при федеральных органах власти // Право и государство: культурологическое измерение. материалы III Международной научно-практической конференции. 2018. С. 171–173.
10. Удовенко С. П., Кузминых Ю. В. Системы тарифных преференций в международной торговле и особенности их предоставления в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 6. С. 172–176.
11. Федотова Г. Ю. Проблемы применения таможенного тарифа в условиях экономической интеграции // Теория и практика управления государственными функциями и услугами. Тарифное регулирование. Сборник научных трудов по итогам II национальной научно-практической конференции. 2019. С. 198–202.
12. Bauer M. The Compounding Effect of Tariffs on Medicines: Estimating the Real Cost of Emerging Markets' Protectionism. European Centre for International Political Economy, 2017 [Электронный ресурс]. URL: www.jstor.org/stable/resrep23969 (дата обращения: 01.12.2020).
13. Cheng C. et al. The US-China Trade War: Is Malaysia Benefiting from "Diversions" in US Import Demand? Institute of Strategic and International Studies, 2019 [Электронный ресурс]. URL: www.jstor.org/stable/resrep19606 (дата обращения: 01.12.2020).
14. Commission Implementing Regulation (EU) 2020/1739 of 20 November 2020 amending and correcting Implementing Regulation (EU) 2020/761 as regards the quantities available for tariff rate quotas for certain agricultural products included in the WTO schedule of the Union following the withdrawal of the United Kingdom from the Union, a tariff quota for poultrymeat originating in Ukraine and a tariff quota for meat of bovine animals originating in Canada Select: 6 C/2020/7956 (OJ L 392, 23.11.2020, p. 9–19).
15. Council Regulation (EEC). N 2658/87 of 23 July 1987 on the tariff and statistical nomenclature and on the Common Customs Tariff (OJ L 256, 7.9.1987, p. 1–675) [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AL%3A1987%3A256%3ATOC> (дата обращения: 01.12.2020).
16. Tarr D. G., NES. The Eurasian Customs Union among Russia, Belarus and Kazakhstan: Can It Succeed Where Its Predecessor Failed? November 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://freepolicybriefs.org/wp-content/uploads/2012/11/free_policy_brief_tarrnov51.pdf (дата обращения: 01.12.2020).
17. Grethe H. Development and Status of Agricultural Trade Relations between Turkey and the European Union. In Effects of Including Agricultural Products in the Customs Union between Turkey and the EU: A Partial Equilibrium Analysis for Turkey. Frankfurt Am Main : Peter Lang AG, 2004. P. 53–68 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctv9hj7sw.11> (дата обращения: 01.12.2020).
18. Hansen J. M. Taxation and the Political Economy of the Tariff // International Organization. Vol. 44. N 4. 1990. P. 527–551 [Электронный ресурс]. URL: www.jstor.org/stable/2706852 (дата обращения: 01.12.2020).
19. Harmonized Tariff Schedule (2020 Revision 26) [Электронный ресурс]. URL: <https://hts.usitc.gov/current> (дата обращения: 01.12.2020).
20. History of the EU Customs Union [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/taxation_customs/history-eu-customs-union_en (дата обращения: 01.12.2020).
21. HS Classification Decisions [Электронный ресурс]. URL: http://www.wcoomd.org/en/topics/nomenclature/instrument-and-tools/tools-to-assist-with-the-classification-in-the-hs/hs_classification-decisions.aspx (дата обращения: 01.12.2020).
22. Jabbour L., Zhigang Tao, Vanino E., Yan Zhang. The good, the bad and the ugly: Chinese imports, European Union anti-dumping measures and firm performance // Journal of International Economics. Vol. 117. 2019. P. 1–20 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022199618304501> (дата обращения: 01.12.2020).
23. Shepotylo O., Tarr D. Specific Tariffs, Tariff Simplification, and the Structure of Import Tariffs in Russia, 2001–2005 // Eastern European Economics. Vol. 46. N 5. 2008. P. 47–56 [Электронный ресурс]. URL: www.jstor.org/stable/27740084 (дата обращения: 01.12.2020).
24. TARI C Consultation [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/taxation_customs/dds2/taric/taric_consultation.jsp?Lang=en (дата обращения: 01.12.2020).
25. Tax crisis and crisis management in the taxation system of modern Russia / Stroiteleva T. G., Gamidullaev S. N., Kuzminikh J. V., Afonin P. N., Udoenko S. P. // Studies in Systems, Decision and Control. 2019. V. 182. P. 161–167.
26. Wang Yu-Ter. On the optimality of escalated tariff structure: a cournot duopoly analysis // The

Об авторе:

Терешенкова Анна Юрьевна, доцент кафедры таможенного администрирования Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; Atereshenkova@gmail.com

References

1. Ershov A. D., Sizova K. A., Yuritsin V. M. Interaction of business and customs: theory, methodology, practice: monograph / edited by A. D. Ershov. St. Petersburg: St. Petersburg branch of RTA, 2012. 402 p (in Rus).
2. Final report on the results and main activities of the FCS of Russia in 2019 [Electronic resource] // Official website of the FCS of Russia. URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tatax-deyatel-nosti> (accessed date: 01.12.2020) (in Rus).
3. Krivoshchekova M. V., Udovenko S. P. On fragmentation and “white spots” in the study of the problems of customs and tariff regulation in the conditions of the Eurasian Economic Union // Problems of the modern economy [Problemy sovremennoi ekonomiki]. 2018. N 4 (68). P. 17–19 (in Rus).
4. Udovenko S. P. Customs tariff of modern Russia (1993–2005). St. Petersburg: Archaeus, 2006. 401 p. (in Rus).
5. Udovenko S. P. Implementation of the norms of international treaties in national legal systems (using the example of the agreement on the Unified Customs and Tariff Regulation of the EurAsEC Customs Union) / Customs Readings – 2010. Legal system of modern Russia: state, development trends // Collection of materials of the intercollegiate scientific and practical conference. Russian Customs Academy, St. Petersburg named after V. B. Bobkov branch of RTA. St. Petersburg, 2010. P. 132–139 (in Rus).
6. Udovenko S. P. on the issue of assessing the effectiveness of the unified customs tariff in the EurAsEC Customs Union // Scientific notes of the St. Petersburg named after V. B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy. 2010. N 1 (35). P. 47–53 (in Rus).
7. Udovenko S. P. mechanism for preparing proposals on measures of customs and tariff regulation for the EAEU: problems, solutions (on the example of Russia) // Problems of the modern economy [Problemy sovremennoi ekonomiki]. 2019. N 4 (72). P. 22–25 (in Rus).
8. Udovenko S. P. On the systematic approach to assessing the effectiveness of customs and tariff regulation measures within the framework of the Eurasian Economic Union // Scientific notes of the St. Petersburg named after V. B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy [Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo im. V. B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2011. N 3 (40). P. 243–245 (in Rus).
9. Udovenko S. P., Dziuba N. V. On the problems of access to information on the work of coordination and advisory commissions (councils) under federal authorities // Law and the state: cultural dimension. materials of the III International Scientific and Practical Conference. 2018. P. 171–173 (in Rus).
10. Udovenko S. P., Kuzminykh Yu. V. Systems of tariff preferences in international trade and the peculiarities of their provision in modern conditions // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia [Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii]. 2016. N 6. P. 172–176 (in Rus).
11. Fedotova G. Yu. Problems of customs tariff application in conditions of economic integration // Theory and practice of state functions and services management. Tariff regulation. A collection of scientific works based on the results of the II national scientific and practical conference. 2019. P. 198–202 (in Rus).
12. Bauer M. The Compounding Effect of Tariffs on Medicines: Estimating the Real Cost of Emerging Markets' Protectionism. European Centre for International Political Economy, 2017 [Electronic resource]. URL: www.jstor.org/stable/resrep23969 (date of the address: 01.12.2020).
13. Cheng C. et al. The US-China Trade War: Is Malaysia Benefiting from “Diversions” in US Import Demand? Institute of Strategic and International Studies, 2019 [Electronic resource]. URL: www.jstor.org/stable/resrep19606 (date of the address: 01.12.2020).
14. Commission Implementing Regulation (EU) 2020/1739 of 20 November 2020 amending and correcting Implementing Regulation (EU) 2020/761 as regards the quantities available for tar-

- iff rate quotas for certain agricultural products included in the WTO schedule of the Union following the withdrawal of the United Kingdom from the Union, a tariff quota for poultrymeat originating in Ukraine and a tariff quota for meat of bovine animals originating in Canada Select: 6 C/2020/7956 (OJ L 392, 23.11.2020, p. 9–19).
15. Council Regulation (EEC). N 2658/87 of 23 July 1987 on the tariff and statistical nomenclature and on the Common Customs Tariff (OJ L 256, 7.9.1987, p. 1–675) [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AL%3A1987%3A256%3ATOC> (date of the address: 01.12.2020).
 16. Tarr D. G., NES. The Eurasian Customs Union among Russia, Belarus and Kazakhstan: Can It Succeed Where Its Predecessor Failed? November 2012 [Electronic resource]. URL: https://freepolicybriefs.org/wp-content/uploads/2012/11/free_policy_brief_tarnov51.pdf (date of the address: 01.12.2020).
 17. Grethe H. Development and Status of Agricultural Trade Relations between Turkey and the European Union. In Effects of Including Agricultural Products in the Customs Union between Turkey and the EU: A Partial Equilibrium Analysis for Turkey. Frankfurt Am Main : Peter Lang AG, 2004. P. 53–68 [Electronic resource]. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctv9hj7sw.11> (date of the address: 01.12.2020).
 18. Hansen J.M. Taxation and the Political Economy of the Tariff // International Organization. Vol. 44. N 4. 1990. P. 527–551 [Electronic resource]. URL: www.jstor.org/stable/2706852 (date of the address: 01.12.2020).
 19. Harmonized Tariff Schedule (2020 Revision 26) [Electronic resource]. URL: <https://hts.usitc.gov/current> (date of the address: 01.12.2020).
 20. History of the EU Customs Union [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/taxation_customs/history-eu-customs-union_en (date of the address: 01.12.2020).
 21. HS Classification Decisions [Electronic resource]. URL: http://www.wcoomd.org/en/topics/nomenclature/instrument-and-tools/tools-to-assist-with-the-classification-in-the-hs/hs_classification-decisions.aspx (date of the address: 01.12.2020).
 22. Jabbour L., Zhigang Tao, Vanino E., Yan Zhang. The good, the bad and the ugly: Chinese imports, European Union anti-dumping measures and firm performance // Journal of International Economics. Vol. 117. 2019. P. 1–20 [Electronic resource]. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0022199618304501> (date of the address: 01.12.2020).
 23. Shepotylo O., Tarr D. Specific Tariffs, Tariff Simplification, and the Structure of Import Tariffs in Russia, 2001–2005 // Eastern European Economics. Vol. 46. N 5. 2008. P. 47–56 [Электронный ресурс]. URL: www.jstor.org/stable/27740084 (date of the address: 01.12.2020).
 24. TARIC Consultation [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/taxation_customs/dds2/taric/taric_consultation.jsp?Lang=en (date of the address: 01.12.2020).
 25. Tax crisis and crisis management in the taxation system of modern Russia / Stroiteleva T. G., Gamidullaev S. N., Kuzminikh J. V., Afonin P. N., Udovenko S. P. // Studies in Systems, Decision and Control. 2019. V. 182. P. 161–167.
 26. Wang Yu-Ter. On the optimality of escalated tariff structure: a cournot duopoly analysis // The American Economist. Vol. 52. N 2. 2008. P. 72–76. JSTOR [Electronic resource]. URL: www.jstor.org/stable/40657729 (date of the address: 01.12.2020).

About the author:

Anna Ju. Tereshenkova, Associate Professor of the Chair of Customs Administration of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; Atereshenkova@gmail.com

Блоги в творческом труде журналиста

Ким М. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kim-mn@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются основные этапы становления блогосферы и их трансформация из обычных «сетевых дневников» в новые социальные медиа. В доинституциональный период блогами в основном пользовались обычные пользователи, став для них удобным средством налаживания и поддержания межличностной коммуникации. На этапе институционализации блогов в эту среду включаются и профессиональные журналисты, используя их как эффективную площадку для распространения актуальной и социально значимой информации, предназначенной для широкой аудитории. В статье выявляются основные способы и методы использования блогов в профессиональной деятельности журналистов.

Ключевые слова: блог, блогосфера, «сетевой дневник», блогер, СМИ, социальные медиа, новые медиа, пользователь, журналист, аудитория, обратная связь, источник информации, канал распространения информации

Для цитирования: Ким М. Н. Блоги в творческом труде журналиста // Управленческое консультирование. 2022. № 4. С. 71–78.

Blogs in Journalist Creative Work

Maksim N. Kim

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; kim-mn@ranepa.ru

ABSTRACT

In the article the author summarizes main stage of the blogosphere developing and its transformation from ordinary "network diaries" into brand-new social media. In pre-institutional period it was ordinary users, who mainly utilize. For them, blogs became convenient channel for establishing and maintaining interpersonal communication. In institutional period, journalists are beginning to exploited blogs as an efficient platform to spread relevant socially significant information for wider audience. The author identifies the main ways and methods of utilize blogs in journalists' professional activities.

Keywords: blog, blogosphere, network diary, blogger, media, social media, brand-new media, user, journalist, audience, feedback, information source, information distribution channel

For citing: Kim M. N. Blogs in Journalist Creative Work // Administrative consulting. 2022. N 4. P. 71–78.

Введение

Интеграционные процессы, которые происходят сегодня в медийной сфере, связаны с сосуществованием и объединением профессиональной журналистики с гражданской, к которой мы, в частности, относим блоги. В недрах интернета такого рода «сетевые дневники» зародились в начале 2000-х годов, сразу приобретая большую популярность среди обычных пользователей. Ведение блогов стало возможным благодаря технологии Web 0.2, предоставившей широкому кругу людей

очень доступные и понятные инструменты создания и ведения «сетевых дневников». Получив неограниченные возможности в публичном самовыражении, блогеры стали объединяться в различные сообщества по интересам, образовав за последние десятилетия свою блогосферу, которая по охвату аудитории ничем не уступает традиционным медиа. Блогеры — по степени своего общественного влияния — не уступают сегодня профессиональным журналистам, порой даже становясь более влиятельными и авторитетными источниками информации.

Несмотря на то, что данный вид коммуникации изначально развивался в сети Интернет среди определенного сообщества людей, со временем он стал приобретать все черты новых медиа. Эволюции «сетевых дневников» в самостоятельную разновидность новых медиа посвящены ряд теоретических работ [1–5]. Не последнюю роль в данном преобразовании сыграли журналисты, которые активно используют блоги в своей профессиональной деятельности.

Целью настоящего исследования является определение роли и места блога в профессиональной деятельности журналистов.

Материалы и методы

Для достижения необходимых **результатов** в данной работе использован метод углубленного интервью. В ходе нашего исследования нас интересовали следующие вопросы:

- этапы становления блогосферы и эволюция блогов из обычных «сетевых дневников» в новые социальные медиа;
- роль и место блогов в системе журналистского творчества;
- мотивы обращения сотрудников СМИ к блогам;
- основные способы использования блогов в журналистской деятельности.

На сегодня «сетевые дневники» занимают важное место в системе коммуникационных связей. Если в начале своего развития блоги в основном выполняли функцию межличностного общения, то с момента своего широкого распространения как среди обычных пользователей, так и профессионалов, данная сфера стала представлять уникальную массово-коммуникативную среду со своими специфическими законами существования. В этой связи нам интересно было проследить основные этапы становления блогов из обычных «сетевых дневников» в новую разновидность социальных медиа, а также показать роль журналистов в этом эволюционном преобразовании.

Первый этап формирования блога как особой среды межличностного общения между людьми возникает в начале 2000-х годов. Появление такого рода « сетевого дневника» было обусловлено потребностью людей в дружеском общении, в налаживании и укреплении межгрупповых отношений, наконец, как возможность поделиться своими мыслями и чувствами со своими соратниками и единомышленниками.

«Сетевые дневники» данного периода во многом были похожи на классические дневники, которые, как правило, не предназначены для публичного тиражирования. Их обычно люди пишут для себя. Отсюда — особая интимность языка дневника, авторская затаенность, предполагающая полное погружение в свой собственный внутренний мир. В отличие от классического аналога «сетевые дневники» имеют другую функциональную заданность. Сохраняя все признаки авторского стиля, они все же были ориентированы на межличностную коммуникацию. Человек в своем блоге делится своими мыслями и переживаниями не только для себя, а в большей степени для круга своих единомышленников. Но со временем данный тип коммуникации — в большей степени за счет отмены в 2003 г. в интерфейсе блога кода для доступа к «сетевому дневнику» других пользователей — трансформируется из межличностного общения в групповую и межгрупповую.

Так начинается **второй этап** становления блогосферы (с 2004 по 2007 г.). Блоги данного периода стали доступны широкой публике. Обратившись к «сетевым дневникам», люди могли найти альтернативную точку зрения на те или иные события. Открытость, доступность и интерактивность стали наиболее привлекательными характеристиками любого блога.

«Сетевые дневники» интегрируются между собой, образуя уже целые сообщества по тематическим и иным интересам, в которых намечается своя структура, свой язык общения, различные формы и виды авторской самопрезентации.

За счет введения в интерфейс блога журнала учета рейтинга количества посещаемости странички, ссылок и комментариев, стала выстраиваться иерархическая структура «сетевых дневников». Переориентация блогов из личного пространства пользователя в публичную повлияла и на характер подачи информации. Теперь блогеры в большей степени стали делиться с актуальной и общественно значимой информацией, что, по мнению ученых, можно обозначить как «первичную институализацию» блогосферы.

Третий этап в развитии блогосферы начинается в 2007–2011 гг., когда в эту среду активно включаются профессиональные журналисты. Теперь блог, как отмечает А. В. Курьянович, «перестает быть просто средством общения, становясь инструментом эффективного воздействия на широкий круг читателей, побуждения к определенной модели поведения» [6]. Благодаря профессиональным работникам СМИ меняется и авторская интенция «сетевого дневника»: из личностно-ориентированного она переходит в публичную сферу. Если в доинституциональный период в «сетевых дневниках» преобладали такие жанровые формы, как дневниковая запись или житейская история, то теперь блогосфера стала обогащаться чисто журналистскими жанрами: комментарий, корреспонденция, статья, обзор.

В 2011 г. выходит закон¹, исходя из которого любой журналист или блогер мог зарегистрировать свой интернет-ресурс в качестве сетевого издания. С 2014 г. в связи с поправками, внесенными в Федеральный закон «Об информации», блоги, которые имеют более трех тысяч читателей в сутки, стали приравнять к СМИ с обязательной регистрацией в реестре Роскомнадзора. Так, на наш взгляд, в стране возникли новые медиа, функционирующие по своим специфическим законам.

С точки зрения традиционной коммуникационной модели для блогов, как для традиционных СМИ, характерна цепочка: «источник — сообщение — получатель». Но на этом данное сходство и заканчивается. Если в традиционных СМИ в качестве производителя информации выступает определенная организационная структура как, допустим, редакционный коллектив, работающий по определенному плану, то в блогах — отдельная личность, которая в отличие от редакции не имеет никаких обязательств перед своей аудиторией. У традиционных СМИ, допустим, есть подписчики, рекламодатели, распространители, учредители, спонсоры и др. не менее важные субъекты, с каждым из которых редакция СМИ, как правило, находится в экономических, правовых, деловых и иных отношениях. Поэтому в традиционных СМИ производство сообщений имеет институциональный характер, то есть весь контент должен создаваться в определенные временные сроки и отвечать не только принятым в журналистской среде профессиональным стандартам, но и соответствовать информационным потребностям и ожиданиям массовой аудитории.

¹ Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 29 декабря 2011 года № 362 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций государственной услуги по регистрации средств массовой информации // Роскомнадзор. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций [Электронный ресурс]. URL: <https://rkn.gov.ru/mass-communications/smi-registration/> (дата обращения: 20.01.2022).

Блогер же в создании и производстве сообщений может исходить не только из общественных потребностей людей в соответствующей информации, а из личных интересов и предпочтений. При этом выход его материалов не имеет определенной периодичности. Запись или пост на страничке блогера может не обновляться месяцами. К тому же никто не может гарантировать качество материалов и достоверность тех данных, которые блогер публикует. Хотя за распространение ложной и порочащей кого-либо информации он может нести, как и профессиональный журналист, административную и уголовную ответственность. Поэтому точнее было бы ставить вопрос не о принадлежности блогов к традиционным видам СМИ, а об особом виде социальных медиа, ориентированных на удовлетворение определенных общественных потребностей массовой аудитории.

В отличие от традиционной массово-коммуникационной среды, где главенствуют СМИ, данная сфера отличается следующими чертами: интерактивностью, прозрачностью и доступностью для каждого пользователя. Да и характер коммуникативных связей в блогосфере имеет принципиально иной характер. Если в традиционных СМИ коммуникационная модель носит односторонний характер (коммуникатор — создатель информации, а массовый читатель — его пассивный потребитель), то в блогосфере — асимметричный. Здесь позиция между коммуникатором и пользователем имеет творчески-созидательный характер. К тому же, если для традиционных СМИ одной из приоритетных задач является создание и распространение массовой информации, то для блогеров — налаживание обратной связи со своей аудиторией. Здесь, как отмечают ученые, мы «сталкиваемся с явлением синтеза информирования и общения». И далее: «В настоящее время мы являемся свидетелями интеграции массовой информации и массового общения»¹. Поэтому и роль журналиста, ведущего свой блог, кардинальным образом меняется. Здесь он уже выступает не только как создатель определенного текста, а модератор коммуникативного процесса. В этой связи нам интересно было узнать у профессиональных журналистов мотивы их обращения к блогам.

В ходе исследования мы обратились к журналистам разных возрастов.

Условно мы их разделили на следующие группы:

- от 20 до 35 лет — молодое поколение журналистов;
- от 35 до 45 лет — среднее поколение;
- от 45 до 60 лет — старшее.

Сразу отметим, что ответы на вопрос: «По какой причине и почему Вы ведете свой блог?» имел принципиальные отличия в зависимости от принадлежности журналиста к той или иной возрастной группе.

Для молодых журналистов основным мотивом ведения «сетевого дневника» выступило желание заявить о себе своим читателям, приобрести круг новых друзей и подписчиков, попробовать себя в новом амплуа и сложить о себе определенную репутацию, наконец, получить дополнительный источник дохода. Такая мотивация вполне объяснима для журналистов данной возрастной группы. Ведь каждый из них, еще не обладая достаточным профессиональным опытом, хочет сразу достичь известности и популярности, а также хорошего заработка. Чтобы пробиться в профессиональной среде, молодому журналисту необходимо наработать определенный опыт. Вряд ли ему доверят разработку серьезной темы. Поэтому новичкам в большей степени приходится заниматься оперативной редакционной работой: собирать и обрабатывать первичную информацию, вести хроникальные колонки, дежурить по номеру и т.д. Но в наш стремительный век молодым хочется заполучить все и сразу. Поэтому «сетевой дневник» в этом смысле для них средство быстрого

¹ Колезев Д. Е. Журналистика и блоггинг: взаимодействие и взаимовлияние [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ua/view/>.

достижения поставленных целей. Ведь в данном случае человек может публиковать в своем личном блоге все, что ему захочется; ему не нужно согласовывать материал с редакторами, чтобы он увидел свет; у него нет никаких препятствий в продвижении своего блога в социальных сетях. Отсутствие всех этих препятствий на пути своего творческого самопроявления и самовыдвижения, конечно, вдохновляет многих молодых блогеров. Но, как показывает практика, одного желания недостаточно, чтобы не только завоевать внимание массовой аудитории, но и поддерживать интерес к своему блогу за счет интересных и содержательных материалов. Для этого нужно не только многое знать, но и уметь. А еще — тщательно продуманная контент-стратегия и плановая ее реализация. Поэтому, как показывает наш анализ, блоги молодых журналистов, как правило, недолговечны.

Мотивы ведения блогов у журналистов **среднего поколения** имеют более утилитарный характер. В основном они используют их как эффективный инструмент сбора информации и налаживания новых полезных контактов с гражданскими журналистами. Благодаря хорошо отлаженным связям данная группа журналистов всегда в курсе всех событий на местах, а также с помощью добровольных помощников они могут быстро и качественно осветить любой интересующий редакцию вопрос или факт. К своим «сетевым дневникам» журналисты среднего поколения подходят более ответственно и вдумчиво. В чем это проявляется? Во-первых, блог для них — это эффективный способ организации обратной связи со своими читателями. В них они не только интересуются мнением подписчиков по поводу своих опубликованных материалов, но и стараются наладить диалог с ними для выявления различных точек зрения на ту или иную проблему. Во-вторых, благодаря своим блогам они могут расширить круг своих потенциальных подписчиков. Здесь, как говорится, срабатывает закон рынка: чем больше у блога аудитория, тем привлекательней она становится для рекламодателей. Поэтому забота об увеличении своих подписчиков стоит во главе угла у таких блогеров. В-третьих, свой интерес к ведению блогов журналисты среднего поколения связывают и с возможностью публикации материалов, которые по тем или иным причинам не прошли в СМИ. Среди главных из них были названы: желание выразить свою независимую от редакции позицию по тому или иному общественно важному вопросу, разногласия во взглядах с коллегами, наконец, возможностью повлиять своей публикацией на общественное мнение. Как видим, блоги для данной группы журналистов стали дополнительным средством налаживания связей со своими читателями, рекламодателями и инструментом продвижения собственных взглядов.

Журналисты **старшего поколения** оказались более консервативными в вопросах освоения новых методов работы. Впрочем, и для них оказались не чуждыми ведение блогов. По признанию наших респондентов, многие из них и до появления данных технологий предпочитали вести собственные дневники и записные книжки. Только в отличие от «сетевых» они, конечно, не носили публичного характера. Вообще дневники и записные книжки всегда были большим подспорьем в творческой работе журналистов. В них фиксировались не только какие-то летучие мысли по поводу увиденного или услышанного, но и заносились имена будущих героев произведений, их высказывания и даже портретные зарисовки. Подобного рода рабочие тетрадки использовались и в качестве творческой лаборатории журналиста, где он мог поразмышлять о характере своей деятельности, сделать набросок будущего произведения, тщательно разрабатывать замысел или идею материала. Словом, дневники и записные книжки для журналистов старшего поколения выполняли функцию творческой лаборатории. Поэтому, перейдя на ведение блогов, они во многом продолжают классические традиции в ведении своих сетевых записей. В подавляющем большинстве их блоги предназначены для творческого самоанализа и бесед на профессиональные темы с начинающими журналистами.

Здесь они охотно делятся своим накопленным опытом, рассказывают о наиболее сложных моментах своего профессионального становления или о характере выполнения того или иного журналистского задания. Такой опыт имеет быть место и вполне востребован среди определенной группы читателей, интересующихся профессиональными проблемами журналистики.

При разнице мотивов обращения к ведению «сетевых дневников» мы обнаружили и общие моменты, связанные с использованием блогов в профессиональной деятельности журналистов.

В ходе нашего исследования были выявлены основные способы использования блогов в журналистской деятельности.

По признанию наших респондентов, блоги стали для многих из них важными **источниками информации**. С чем это связано? Обращаясь в блогосферу, журналист может найти любую альтернативную информацию по интересующему его вопросу. И не только. Имея прямой выход на того или иного блогера, журналист может задать ему уточняющие вопросы, выяснить новые детали и подробности события, запросить дополнительную информацию, взять, наконец, у автора публикации интервью. В некоторых случаях блогеры даже могут стать соавторами журналистских публикаций, помогая работникам СМИ в сборе информации. И такое сотрудничество, по мнению самих журналистов, вполне закономерно, потому что только в этом случае профессионалы могут оперативно собрать и подготовить информацию для СМИ. Журналисты могут использовать блоги и в качестве барометра в отслеживании каких-то актуальных событий. Благодаря «сетевым дневникам» сотрудники СМИ могут быстро наладить коммуникативные контакты с людьми, обменяться мнениями со своими читателями, оперативно прокомментировать какое-либо событие, наконец, дать свою экспертную оценку и т. д. Все это, безусловно, сказывается на качестве и скорости в решении различных профессиональных задач.

Очень часто журналисты используют блогосферу как **источник новых тем**. Почему? Обратившись к этой среде, любой журналист с легкостью может найти «сетевые дневники» по любой тематике. В чем ценность этих записей? В одних случаях люди делятся там своими непосредственными впечатлениями и эмоциями по поводу каких-либо событий, в других — приводят массу живых примеров из практики, в третьих — охотно публикуют разнородные сведения по выбранной тематике и т. д. Все это, безусловно, представляет для журналистов кладезь новых тем. Плюсом является и то, что в своем большинстве блоги имеют четкую тематическую специализацию. Одни «сетевые дневники» посвящены музыке, другие — литературе, третьи — путешествиям, четвертые — искусству и т. д.

Таким образом, с точки зрения тематического поиска блогосфера стала для журналистов одним из важнейших источников информации. И не только. Распространенным способом использования блогов в журналистской работе является метод апробации будущих публикаций. Данный метод, по признанию наших респондентов, хорош тогда, когда необходимо прозондировать общественную реакцию на изложенные в материале факты. Такой подход позволяет журналисту усилить окончательный материал новыми сведениями и аргументами, занять по спорным вопросам более сбалансированную позицию, устранить ошибочные гипотезы, наконец, улучшить саму стилистику и форму подачи материала. Таким образом, такая отсроченная работа над будущей публикацией позволяет автору улучшить собственный материал.

Но блог может использоваться и как самостоятельный и независимый от внешнего вмешательства канал передачи информации. В редакционной практике, по мнению респондентов, нередки случаи, когда позиция журналиста может расходиться с общей политикой издания. В этом случае журналист может опубликовать

материал в своем блоге, свободно выражая свои мысли и идеи. Дискуссионным остается только вопрос о профессиональной аффилиации имени журналиста с тем изданием, в котором он работает. В подобного рода публикациях автору, на наш взгляд, важно заявлять, что он выступает не от имени своего издания, а выражает собственную точку зрения на ту или иную общественно важную проблему. Тем самым он может подчеркнуть не только свою независимость, но и соблюсти все этические нормы поведения.

Блог как коммуникационный канал позволяет профессионалам более быстро распространять информацию среди своей целевой аудитории. При этом технологические возможности блогов таковы, что журналист может размещать в них не только текст, но и фотографию, и видео, и любой другой цифровой объект, что естественным образом во многом обогащает творческие возможности авторского самовыражения. Но, чтобы умело пользоваться всеми этими техническими новациями, современному журналисту необходимы определенные знания: и в области веб-дизайна, и операторского искусства, и телевизионного монтажа, и т.п., так как без этих специальных знаний невозможно создать мультимедийный продукт.

Благодаря проведенному нами исследованию мы пришли к следующим результатам.

1. Рассмотрев различные этапы становления блогосферы, мы можем заключить, что в доинституциональный период блогами в основном пользовались обычные пользователи, в институциональный — в эту среду включились профессиональные журналисты, благодаря которым блоги приобрели статус СМИ.
2. Выявили основные сходства и различия традиционных СМИ и блогосферы. В этой связи мы не можем отнести блоги к одной из разновидностей СМИ. Они, по нашему мнению, являются новыми социальными медиа, функционирующими по своим законам и коммуникативным правилам.
3. Мотивы обращения журналистов к блогам имеют разные основания в зависимости от тех профессиональных задач и целей, которые они перед собой ставят.
4. В своей профессиональной деятельности журналисты используют блоги как эффективную площадку для сбора и распространения информации, как коммуникативный инструмент в налаживании обратной связи со своей аудиторией, наконец, как метод апробации своих будущих публикаций.

Заключение

Таким образом, в данной статье мы рассмотрели основные этапы становления блогосферы и их трансформацию из обычных «сетевых дневников» в новые социальные медиа. С точки зрения коммуникационной модели, для которой характерна цепочка: «источник — сообщение — получатель», блоги ничем не отличаются от традиционных СМИ. Но на этом данное сходство и заканчивается. Традиционные СМИ представляют развитую организационную структуру, а блогосфера как новые социальные медиа — самоорганизующуюся и постоянно самообновляющуюся среду, функционирующую по своим законам и правилам сетевого общения и межгруппового взаимодействия. В отличие от традиционной массово-коммуникационной среды, где главенствуют СМИ, данная сфера отличается следующими чертами: интерактивностью, прозрачностью и доступностью для каждого пользователя.

В доинституциональный период блоги в основном вели обычные пользователи. Институциональный этап формирования блогосферы связан с активным участием в нем профессиональных журналистов, которые стали использовать «сетевые дневники» как альтернативный канал сбора и распространения информации. Работа журналиста в блогосфере имеет ряд отличий: во-первых, здесь он выступает не

только как создатель текста, но, прежде всего, как организатор коммуникационного процесса, во-вторых, здесь он находится в постоянном диалоге со своим читателем, обсуждая с ним актуальные вопросы современности, в-третьих, блоги гражданских журналистов стали для них неисчерпаемым источником новых тем и идей, в-четвертых, у них появились неограниченные возможности в использовании мультимедийных средств творческого самовыражения.

Литература

1. Алексеева А. О. Новые интерактивные медиа в контексте теорий информационного общества : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 196 с.
2. Верник А. Г. Теория социальных медиа как предмет научных исследований на рубеже XX и XXI веков // В мире научных открытий. 2014. № 11.12 (59). С. 4935–4951.
3. Гермашева Т. М. Блог как новый тип дискурса // Лингвистика в образовательном процессе. Материалы международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава. 31 марта 2009. Ростов-на-Дону, 2009. С. 115–120.
4. Градюшко А. А. Роль и место Интернет-СМИ в системе масс-медиа // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. 2008. № 2. С. 63–66.
5. Кочеткова М. О., Тубалова И. В. Динамика развития блога как жанра дискурса блогосферы: социолингвистический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 1 (27). С. 39–52.
6. Курьянович А. В. К вопросу о жанрово-стилистических особенностях русской эпистолярной публицистики (на материале писем В. П. Астафьева) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 3 (131). С. 182–186.

Об авторе:

Ким Максим Николаевич, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор филологических наук; kim-mn@ranepa.ru

References

1. Alekseeva A. O. New interactive media in the context of theories of the information society: Dissertation of Candidate of Philological Sciences. M., 2006. 196 p. (in Rus).
2. Wernick A. G. The theory of social media as a subject of scientific research at the turn of the 20th and 21st centuries // In the world of scientific discoveries [V mire nauchnykh otkrytii]. 2014. N 11.12 (59). P. 4935–4951 (in Rus).
3. Germasheva T. M. Blog as a new type of discourse // Linguistics in the educational process. Materials of the international scientific and practical conference of faculty. March 31, 2009. Rostov-on-Don, 2009. P. 115–120 (in Rus).
4. Gradyushko A. A. Role and place of Internet media in the mass media system // Bulletin of the Belarusian State University. Ser. 4, Philology. Journalism. Pedagogics [Vesnik Belaruskaga dzyarzhajūnaga ūniversiteta. Seryya 4, Filalogiya. Zhurnalistyka. Pedagogika]. 2008. N 2. P. 63–66 (in Rus).
5. Kochetkova M. O., Tubalova I. V. Dynamics of blog development as a genre of discourse of the blogosphere: sociolinguistic aspect // Bulletin of Tomsk State University. Philology [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya]. 2014. N 1 (27). P. 39–52 (in Rus).
6. Kuryanovich A. V. On the issue of genre-stylistic features of Russian epistolary journalism (based on letters from V. P. Astafiev) // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta]. 2013. N 3 (131). P. 182–186 (in Rus).

About the author:

Maksim N. Kim, Professor of the Chair of Journalism and Media Communications of North-West institute of management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philology), kim-mn@ranepa.ru

Трансформация государственного управления в контексте устойчивого развития на основе исследований в социальных нейронауках (Часть 1)

Сланевская Н. М.

Санкт-Петербург, Российская Федерация; slanevskaya.nina@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье предлагается новый подход к государственному управлению и социальному устройству с привлечением нейронаучного метода социальных нейронаук. Глобальный рост социальных конфликтов, самоубийств, насилия и нервно-психических нарушений подтверждает несостоятельность существующих социальных систем и государственного управления. Результаты исследований в социальных нейронауках показывают ошибочность многих теоретических положений, на основе которых строится практика управления государством. Преимущество нейронаучного метода социальных нейронаук заключается в том, что он дает эмпирическую проверку теоретическим положениям; ориентирован на человека, так как изучает нейробиологическую реакцию человека в разных сферах социальной жизни; показывает истинное отношение человека к ситуации до его сознательного контроля; демонстрирует, как общественное устройство влияет на мозг, нервно-психическое состояние человека, поведение и здоровье в целом. Существует необходимость трансформации государственного управления, и для этого потребуются специальная программа исследований взаимосвязи между закономерностями мышления, нейробиологической реакцией мозга и социальными проблемами, что поможет определить параметры организации общества, при которых головной мозг и мышление человека будут функционировать в оптимальном режиме. Сохранение здорового мозга и развитие умственных способностей людей — это главная задача государственного управления, потому что именно от интеллектуальной способности населения зависит успех государства во всех областях.

Ключевые слова: государственное управление, мозг, моральные эмоции, нейробиологическая реакция, нейронаучный метод, нейропластичность, нейроэкономика, социальные болезни, социальные нейронауки, эмпатическая реакция

Для цитирования: Сланевская Н. М. Трансформация государственного управления в контексте устойчивого развития на основе исследований в социальных нейронауках. (Часть 1) // Управленческое консультирование. 2022. № 4. С. 79–98.

Public Administration Transformation Based on Research in Social Neurosciences in the Context of Sustainable Development (Part 1)

Nina M. Slanevskaya

St. Petersburg, Russian Federation; slanevskaya.nina@gmail.com

ABSTRACT

The article proposes a new approach to public administration and social structure using the neuroscientific method of social neurosciences. The global growth of social conflicts, suicides, violence and neuropsychic disorders confirms the failure of existing social systems and state management. The results of research in social neurosciences show the fallacy of many theoretical propositions on the basis of which the practice of state management is built. The advantage of the neuroscientific method of social neurosciences is that it provides an empirical test of theoretical propositions; is human-oriented, as it studies the neurobiological response of a person in different areas of social life; shows the true attitude of a person to the situation

before his conscious control; demonstrates how the social structure affects the brain, the neuropsychic state of a person, behavior and health in general. There is a need to revise public administration, and this will require a special programme of research on the relationship between the patterns of thinking, the neurobiological response of the brain and social problems, which will help to determine the parameters of the organization of society in which the human brain and mind will function optimally. Maintaining a healthy brain and developing people's mental abilities is the main task of public administration, because it is the intellectual ability of the population that the state's success in all areas depends on.

Keywords: public administration, brain, moral emotions, neurobiological response, neuroscientific method, neuroplasticity, neuroeconomics, social diseases, social neurosciences, empathic response.

For citing: *Slanevskaya N. M.* Public Administration Transformation Based on Research in Social Neurosciences in the Context of Sustainable Development. (Part 1) // Administrative consulting. 2022. N 4. P. 79–98.

Введение

Почти во всех странах существует такая национальная проблема, как плохое государственное управление (законодательное, исполнительное, судебное), способствующее возникновению социальных болезней в обществе. Социальная болезнь — это болезненное состояние человека как следствие страха и тревоги, вызванных социально-экономическими и политическими факторами. Последнее время тревога и страх, к сожалению, становятся основными эмоциями человечества. При длительном воздействии они формируют хронический стресс со всеми вытекающими последствиями для организма. Доктор биологических наук Н. Н. Кудрявцева призывает пересмотреть систему оценки общественного благополучия: «Если мы хотим оценить уровень благополучия общества, то должны учитывать не только сумму потребительской корзины. В качестве суммарного показателя психического и физического здоровья общества должен быть принят уровень тревоги у людей, живущих в этом обществе, который, кстати, можно легко оценить общеизвестными психологическими тестами. Это то, что называется психологическим климатом общества, института, предприятия, школы», и далее: «если предложить идеальное решение проблемы — нужно так обустроить наш мир, чтобы в нем не было поводов для хронической тревоги» [2, с. 15].

Известный нейрофизиолог академик Н. П. Бехтерева также обращает внимание на важность эмоций и психологического климата в обществе: «Если бы люди были здоровы и, скажем так, оказывались бы менее часто подавлены или перевозбуждены домашними, национальными, государственными и глобальными проблемами, творческий потенциал человечества значительно увеличился бы», «кстати, фактором, наиболее часто и существенно влияющим на состояние мозга здорового человека, являются эмоции», так как если эмоции очень интенсивные и длительные, то сверхмедленные физиологические процессы распространяются на большие области мозга, и мозг изменяет свое обычное функционирование [2, с. 183].

Социальные болезни ведут также к снижению производительности труда, интеллектуального творчества, увеличению затрат на больное население. Хронический стресс вызывает точечные изъязвления слизистых желудка и кишечника (язвы, колиты, гастриты); увеличение коры надпочечников и сердечно-сосудистые заболевания (гипертония, астма, инфаркт); и сморщивание лимфатических узлов и вилочковой железы, что ведет к ухудшению работы иммунной системы, отсюда онкологические заболевания, аллергия, увеличение сезонных заболеваний [53]. Помимо всего этого, появляются и психические аномалии, такие как неврозы, психотические реакции (психозы) и психосоматические (соматоформные) расстройства. К этому

всему добавляется изменение поведения, учащение социальных конфликтов и неадекватное социальное поведение людей.

Проводя исследование на мышах на тему о воздействии социальных поражений на мозг, Кудрявцева и Августиневич обнаружили изменение экспрессии генов в структурах мозга побежденных самцов из-за тревоги и страха после социального поражения [3]. Экспрессия генов — это процесс, в котором генетическая наследственная информация преобразуется в функциональный продукт, т. е. результат эксперимента указывает на то, что происходит изменение структуры и функции клетки, что, в свою очередь, оказывает влияние и на функции других генов в целом организме.

Хронический социальный стресс может вызываться беспокойством о потере работы, невозможностью получить медицинскую помощь, приобрести жилище, дать детям полноценное образование, удовлетворить свои культурные запросы, а также из-за диссонанса между врожденными моральными эмоциями и социальной действительностью и из-за резких социально-политических перемен, лишаящих человека естественной психологической адаптации.

Капитализм, сменивший социализм в 90-е годы в России, вызвал обострение беспокойства и депрессионного состояния общей массы населения, как раз из-за этих жизненных ситуаций. Отсюда наблюдалось большое количество самоубийств по стране в 90-е годы. Руководитель отдела эпидемиологических и социальных проблем психического здоровья Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени Сербского Борис Положий сказал, что «начиная с 1990 по 2010 г., самостоятельно из жизни ушли порядка 800 тыс. россиян, т. е. около миллиона — целый город мы потеряли»¹. Таким образом Россия вышла на второе место в мире по частоте самоубийств, причем средний возраст мужчины-самоубийцы в России был 45 лет, а женщины — 52 года. И как следствие семейных неурядиц в эти тяжелые годы пострадала и детская психика. В 2009 г. Россия заняла первое место среди европейских стран по суициду среди подростков 15–19 лет (19–20 случаев на 100 000 человек, превышая средний мировой показатель в этой возрастной группе в 2,7 раза).

Государственное управление в 90-е гг. осуществлялось фактически с целью перераспределения народной собственности в пользу небольшой группы людей с помощью криминальной ваучеризации, проведения притворных залоговых аукционов и т. д.²

Целью данного исследования является политический анализ результатов исследований в социальных нейронауках и возможности использования их в государственном управлении для коррекции социально-экономической и политической структуры государства.

В данной работе использовался *междисциплинарный подход*, состоящий из политического анализа результатов исследований в социальных нейронауках и нейронаучного метода социальных нейронаук.

Социальные нейронауки изучают нейромеханизмы, лежащие в основе социальных когнитивных процессов, и, в зависимости от области применения, подразделяются на нейросоциологию, нейроэкономику, нейрополитологию, нейроюридическую науку, нейротеологию, нейрофилософию и другие социальные нейронауки. При выполнении экспериментального задания в области, например экономики,

¹ Вторые по самоубийствам // Interfax.ru. 2011. 10 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/211471> (дата обращения: 20.06.2020).

² Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие), руководитель рабочей группы — председатель Счетной палаты Российской Федерации С. В. Степашин. М. : Изд-во Оолита, 2004.

у участника эксперимента с помощью сканирования мозга выявляют активирование определенных структур мозга, которые связаны с соответствующей мыслительной деятельностью и эмоциями: когнитивный отклик, нейроморальная реакция, эмпатическая реакция и т. д.

Преимуществом *нейронаучного метода* является то, что он предоставляет эмпирическую проверку теоретическим положениям; ориентирован на человека, так как изучает нейробиологическую реакцию человека в разных сферах социальной жизни; показывает отношение человека к ситуации до его сознательного контроля, что дает большую предсказательную силу, чем социологические опросы, в которых человек иногда скрывает по какой-либо причине свое истинное отношение к проблеме. Нейронаучный метод демонстрирует, как общественное устройство влияет на мозг и нервно-психическое состояние человека. Программа исследований взаимосвязи между закономерностями мышления, нейробиологической реакцией мозга и социальными проблемами смогла бы помочь определить параметры организации общества, при которых головной мозг и мышление человека будут функционировать в оптимальном режиме.

Нейронаучный метод использует следующие инструменты изучения:

- 1) инструменты, регистрирующие метаболическую активность мозга, такие как позитронно-эмиссионная томография (ПЭТ) и функциональная магнитно-резонансная томография (фМРТ);
- 2) инструменты, регистрирующие электрическую активность мозга, такие как электроэнцефалография (ЭЭГ), транскраниальная магнитная стимуляция (ТМС), магнитоэнцефалография (МЭГ), топографическое картирование электрической активности мозга и функциональная ближняя инфракрасная спектроскопия;
- 3) инструменты, которые не регистрируют электрическую или метаболическую активность мозга, но связаны с ним, а именно: лицевое кодирование, ай-трекинг (регистрация движения глаз, размера зрачка), кожно-гальваническая реакция, регистрация параметров работы сердечно-сосудистой системы, а также тест на время ответной реакции на стимул и тест на скрытые ассоциации.

В данном политическом анализе нейролитературы, с точки зрения создания благоприятной социально-экономической системы для населения и качественного государственного управления, предполагается, что социально-экономическая система *как структура*, проникающая во все области жизни, влияет на нейробиологию мозга и состояние организма человека и может вызвать социальные болезни. Такой *структуралистский эпистемологический подход* к рассмотрению социальных проблем *помогает уйти от позитивистской эпистемологии нейронауки*.

В данной статье выдвигается следующая *гипотеза*: если государственное управление при принятии решений будет учитывать результаты нейронаучных исследований о закономерностях мышления и нейробиологической реакции здорового мозга человека на социальные проблемы, и если на этой же основе будет сделана коррекция социально-экономической и политической структуры государства, то, весьма вероятно, что такая трансформация государственного управления и структуры ограничит социальные болезни, повысит творческий потенциал в интеллектуальной сфере, сократит затраты на лечение нервно-психических болезней и на социальные конфликты, и отсюда повысит экономическое благосостояние в государстве.

Важность данного исследования заключается в том, что впервые предлагается привлечь исследования социальных нейронаук для государственного управления и создания социально-экономической системы. Старый подход к государственному управлению оказался неэффективным ввиду роста социальных конфликтов, распространения нервно-психических заболеваний с другими сопутствующими болезнями и растущими тревогой и страхом во всем мире в наши дни.

Как управленец может знать, что он *действительно знает*, что принимает правильные решения для населения? Каков его эпистемологический подход? И каково его целеполагание: здоровье и процветание всего населения или управление ради процветания какой-то группы населения? Как определяется эффективность управления? Очевидно, следует исходить из целеполагания: управление может быть эффективным для части населения и неэффективным для всего населения или для какой-то другой части населения, а также может приносить финансовый доход, но вредить здоровью людей. Можно ли считать его эффективным в последнем случае? До сих пор управленческие решения опирались на цифры в экономике, на политические идеи и предпочтения какой-то группы населения и на доминирующие политические, экономические и социальные теории. Но кто может доказать, что эти теории правильные? И кто может подтвердить, что принимаемые решения не вредят здоровью человека? Нейросоциальные науки на эмпирическом уровне показывают, что многие устоявшиеся представления в области экономики, социологии и политологии не соответствуют закономерностям мышления и реакции здорового мозга на социальные вопросы, отсюда возникают социальные болезни и другие проблемы в государстве. Однако социальные нейрочеловеки не предлагают создать социально-экономическую систему (структуру) на основе своих выводов. Представляется важным развивать новое направление в науке в помощь государственному управлению, которое было бы нацелено на объединение разрозненных знаний социальных нейронаук и на создание новой социально-экономической системы, оптимальной для здорового головного мозга и развития ментального потенциала. Здоровье мозга — это главная экологическая проблема устойчивого развития в наши дни.

1. Базовые теоретические положения, которые используют социальные нейронауки

Социальные нейронауки основываются в своих исследованиях на подтвержденные закономерности работы мозга, выявленные в клинической нейронауке, и исследуют их связь с социальными вопросами, объясняя важность определенных социальных факторов для человека, влияющих на нейробиологию его мозга и здоровья в целом. Основные теоретические положения, к которым прибегают социальные нейронауки, можно разделить условно на две группы. Первая группа объясняет, как социальное окружение человека и его деятельность изменяют работу мозга. Вторая группа связана с произвольной реакцией здорового мозга на социальное окружение.

1.1. Влияние социального окружения и деятельности человека на мозг

Первая группа теоретических положений о работе мозга и закономерностях мышления включает способность человеческого мозга изменяться под влиянием внешних событий и своей деятельности, то есть мы можем говорить о *влиянии социального окружения и деятельности человека на мозг*. К этой группе относятся такие явления, как *нейрогенезис, нейропластичность и запоминание*.

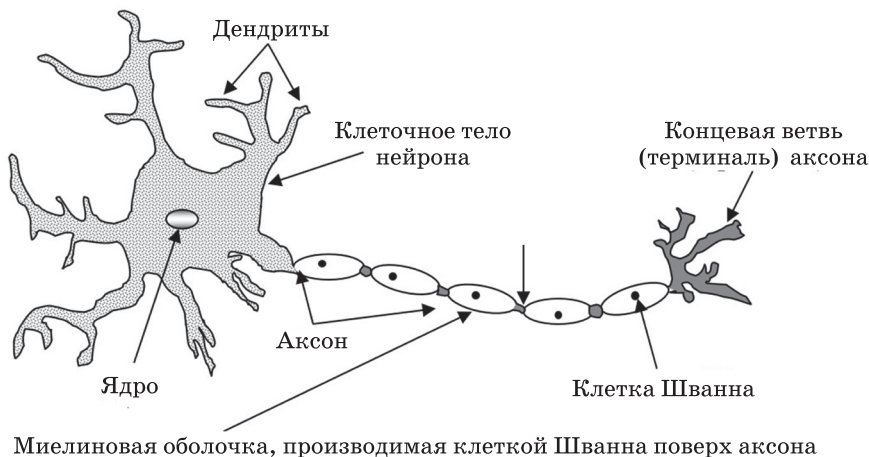
Благодаря *нейрогенезису* происходит постоянное пополнение ряда нейроцитов в течение всей жизни человека, например, обновление в обонятельных луковицах мозга и зубчатой извилине гиппокампа на внутренней поверхности височной доли [25; 28]. Несмотря на распространенное мнение, что нервные клетки не восстанавливаются, они все-таки восстанавливаются за счет нейрогенезиса, и этот процесс стимулируется когнитивной активностью — учебной, социальными контактами, творчеством, а также физическими упражнениями [25; 33; 36; 57]. А с другой стороны, хронический стресс в силу, например непреодолимых социальных проблем, тормозит нейрогенезис в мозге из-за повышенного уровня кортизола, чему

сопутствует повреждение гиппокампа и долговременной памяти [25; 57]. Рабочая память также страдает от хронического стресса [23; 52; 62]. А это означает заниженную работоспособность, понижение производительности труда и творческой активности населения.

Помимо нейрогенезиса, у мозга есть и *нейропластичность*. Наше мышление изменяет физический нейрон либо в положительную сторону, либо в отрицательную. У человека в результате когнитивной активности увеличиваются длина и количество дендритов, т.е. отростков клетки нейрона, разрастается концевая ветвь аксона, ускоряется проведение импульса через синаптическую щель, увеличивается количество рецепторов, способных принять химическое вещество (нейромедиатор), выделяющийся в синаптическую щель при возбуждении нейрона, изменяется количество нейрехимических веществ в мозгу в зависимости от активации какой-то структуры мозга (рис.). Активация нейронов зависит от поступления глюкозы и кислорода из кровяных сосудов. Иначе говоря, если нейрон активен, то он получает дополнительное питание, за счет которого он изменяется и улучшает свою работу, поэтому поддержание умственной активности очень важно для тех, кто хочет избежать деменции в старости [25].

Известно, что игра на музыкальном инструменте улучшает успеваемость детей по математике. Танцы и участие в театральном кружке стимулируют творческую инициативу и дисциплину на других уроках. Такой результат объясняется развитием синаптических связей и развитием ассоциативных областей мозга, что расширяет потенциал мозга. Может быть, эти неосновные дисциплины не понадобятся в будущей специальности, но зато они разовьют мозг для успеха в выбранной специальности. Исследователи заметили, что у тех, кто занимался музыкой в старших классах, результаты математических тестов улучшались в два раза [13].

Процесс *запоминания* можно охарактеризовать как создание новых паттернов нейропутей, где нейропластичность играет важную роль. Робин Вэнс (Robin

На рисунке слева клетка нейрона с ядром и ее отростками-дендритами, а справа длинный аксон с концевой ветвью, по которому обычно идет возбуждение к дендритам другого нейрона с образованием синаптической связи и выделением нейрехимических веществ.

Рис. Структура типичного нейрона
Fig. The structure of a typical neuron

Vance) и Кара Валин (Kara Wahlin) определяют запоминание через виды памяти: «Виды памяти — это группы связанных между собой нейронов, которые выстреливают вместе, чтобы раскрыть информацию»¹ [62, с. 159]. Чтобы сэкономить энергию организма, запоминаются оптимальные модели поведения для использования их в аналогичных ситуациях [12]. Но для того, чтобы запомнить, нужны повторения для изменений на уровне клетки нейрона. Либерман (Lieberman) и коллеги, например, сравнивают политическую когнитивность с ездой на велосипеде: при уже сформированной в течение нескольких лет политической позиции, процесс становится все более автоматическим и легким, как у тех, кто уже умеет ездить на велосипеде. Процессы принятия решения могут быть сознательными и бессознательными [42]. Политически активным людям тяжело объяснить, почему и каким образом они приняли свое политическое решение в конкретном случае, так как им кажется, что их решение само собой разумеющееся. Ментальные привычки блокируют критический анализ и новый подход к проблеме.

1.2. Непроизвольная реакция здорового мозга на социальное окружение

Вторая важная группа знаний о работе мозга, которая используется в социальных нейронауках, — это *непроизвольная реакция здорового мозга на социальное окружение*, а именно: *эмпатическая реакция, зеркальные нейроны и способность создавать Теорию о Мышлении* (догадываться о том, что думает другой).

Зеркальные нейроны отражают в мозге работу нейронов другого человека при наблюдении за ним. Именно они способствуют автоматическому отражению *наблюдаемых* ментальных и эмоциональных состояний у *наблюдающего* [26]. Даже наши зрачки глаз сужаются, если мы видим сужение зрачков другого человека [30]. Наличие зеркальных нейронов лежит в основе обучения навыкам, когда надо понаблюдать за другим и повторить самому движения, чтобы научиться что-то делать, а также в основе поведения толпы, когда люди непроизвольно копируют друг друга, и, как многие считают, на зеркальных нейронах базируются эмпатическая реакция и Теория о Мышлении.

Эмпатическая реакция — это непроизвольный эмоциональный ответ на прямое восприятие состояния другого человека (иногда воображаемого состояния), причем наблюдающий сам чувствует частично, что чувствует наблюдаемый [55]. Когда человек видит, что другому причиняют боль, он сам начинает испытывать как бы болевые ощущения, потому что нейроны его мозга отражают активацию нейронов чужого мозга. Материалистическая нейронаука затрудняется объяснить это явление, так как, согласно материалистической нейронауке, активация может происходить только в силу непосредственного раздражения своей собственной периферийной нервной системы.

Было обнаружено, что эмпатическая реакция может модулироваться следующими факторами: интенсивностью наблюдаемой эмоции в другом человеке, характеристикой страдающего человека (хороший или плохой для наблюдающего), оценкой ситуации, ощущаемой несправедливостью, а также чертами самого наблюдающего человека (возраст, пол, предыдущий личный опыт) [32]. Например, эмпатическая реакция у мужчин была заметнее снижена, чем у женщин, в одном из экспериментов под воздействием фактора несправедливости после игры с нечестными партнерами. Участники играли с честными и нечестными партнерами, и затем наблюдали, как их бывшим партнерам причиняют боль. При наблюдении за причинением боли своим бывшим нечестным партнерам у участников наблюдалась сниженная эмпатическая реакция, которая даже сопровождалась активацией зон, связанных

¹ «Memories are groups of interlinked neurons that fire together to reveal information».

с вознаграждением и удовольствием [54]. Вместо эмпатической реакции на боль, они испытывали удовольствие, что нечестным игрокам причиняли боль.

Исследуя эмпатическую реакцию, нейрочеловеки обнаружили, что эмпатия иногда становится невыносимой для человека, и он может попытаться уйти от эмпатической реакции ради самосохранения [5; 37]. Была также обнаружена связь у некоторых участников эксперимента между нетипичной эмпатической реакцией и агрессивным поведением в возрастной группе с 11 лет до 21 года, возможно, из-за наблюдаемой ослабленной связи между префронтальной корой и амигдалой [21].

Теория о Мышлении (ТоМ) свойственна нормальному здоровому мозгу. Человек догадывается или пытается догадаться о том, что думает или может подумать другой, и начинает вести себя соответствующим образом. Теория о Мышлении требует участие когнитивных, моторных и эмоциональных функций мозга [17; 24].

Умение создавать Теорию о Мышлении другого является врожденным свойством мозга, и это произвольная реакция на социальное окружение. Уже к четырем годам дети начинают создавать свои Теории о Мышлении [24]. Например, ребенок не хочет отдавать игрушку и прячет ее от своего брата или сестры. Иначе говоря, он делает предположение, что они могут взять эту игрушку в его отсутствие, т.е. строит свою Теорию о Мышлении брата или сестры.

Теория о Мышлении связана со своим собственным опытом, что позволяет или, наоборот, ограничивает понимание и предсказание поведения другого человека. Избиратель быстро делает визуальный анализ движений кандидата, его манеры говорить, отличает искреннюю улыбку от фальшивой, и строит свою Теорию о Мышлении этого кандидата, стоит ли ему доверять. Человек способен различать мельчайшие нюансы мимики лица, движений, интонации и приписывать им соответствующие намерения, поэтому так популярны телевизионные дебаты кандидатов, где люди могут наблюдать самого выступающего и создавать свои ТоМ.

Все вышеперечисленные свойства головного мозга (нейрогенезис, нейропластичность, запоминание, зеркальные нейроны, эмпатическая реакция, ТоМ) присущи здоровому мозгу человека и создают базу для социального поведения. Это автоматические и произвольные реакции на окружающую среду и на собственные действия. Такие базовые свойства головного мозга учитывают все социальные нейронауки при изучении отдельных социальных вопросов.

2. Результаты исследования социальной нейролитературы

Исследование социальной нейролитературы выявило: (1) влияние социально-экономической системы на головной мозг и здоровье человека, а также (2) альтернативное объяснение социальных проблем.

2.1. Влияние социально-экономической системы на головной мозг и здоровье человека

Социальная нейронаука предлагает термин «социальная болезнь», что означает *влияние социально-экономической системы на головной мозг и здоровье человека*. Социальные болезни связаны с тревожным социальным фоном, который провоцирует аномальную работу головного мозга, что ведет к широкому спектру нарушений в организме. Эти нарушения включают, помимо основных нервно-психических заболеваний, еще и побочные негативные явления для всего организма [2; 3].

Причем тревожные расстройства составляют самую большую группу нервно-психических расстройств в большинстве западных стран и являются основной причиной инвалидности [18]. Характерными чертами тревожных расстройств явля-

ются чрезмерный и стойкий страх, беспокойство или избегание предполагаемых угроз, а иногда и панические атаки. Причем подавляющее большинство тревожных расстройств остается невыявленным и не лечится системами здравоохранения даже в экономически развитых странах [18].

Густавссон (Gustavsson) и коллеги отмечают высокую распространенность нервно-психических заболеваний с краткосрочными и долгосрочными нарушениями, ведущими к инвалидности [29]. Поле для исследования были европейские страны. Как считают авторы, с точки зрения экономического бремени для здравоохранения, эти болезни, связанные с мозгом, представляют собой и будут представлять экономическую проблему номер один как в наши дни, так и в будущем. Авторы призывают всех, включая политиков, скоординировать усилия по предотвращению и лечению болезней, связанных с головным мозгом и нервной системой. Общая стоимость заболеваний головного мозга в 2010 г., на примере Европы (27 стран Европейского союза, а также Исландия, Норвегия и Швейцария), оценивалась в 798 млрд евро: 37% прямых затрат на здравоохранение, 23% прямых немедицинских затрат, и оставшиеся 40% приходились на косвенные затраты, связанные с производственными потерями. Авторы приводят список расстройств и стоимость их лечения в Европе в 2010 г., начиная с наиболее затратных по их данным: расстройства настроения (аффективные расстройства), деменция, психотические расстройства (психозы, когда отражение реального мира искажено), тревожные расстройства, наркомания, инсульт, головная боль, умственная отсталость, нарушение сна, черепно-мозговая травма, расстройство личности, соматоформные (психосоматические) расстройства, детские/подростковые расстройства, рассеянный склероз, болезнь Паркинсона, эпилепсия, нервно-мышечные расстройства, опухоль головного мозга, расстройства пищевого поведения.

Витчен (Wittchen) и коллеги подсчитали, что 38,2% населения Европейского союза (ЕС) страдает от нервно-психических расстройств ежегодно. Наиболее частыми из них являются тревожные расстройства (14,0%), бессонница (7,0%), серьезная депрессия (6,9%), соматоформное расстройство (6,3%), алкогольная и наркотическая зависимость (> 4%), синдром дефицита внимания и гиперактивности у детей и подростков (5%), деменция (1–30% в зависимости от возраста) [63].

Одна болезнь часто сопровождается другой из этого списка, и иногда обе могут наблюдаться одновременно у человека. Например, некоторые исследователи связывают причину деменции с предшествующей депрессией, считая, что депрессия является фактором риска развития деменции в старости. Если мы хотим снизить заболеваемость деменцией в старости, то нужно бороться с депрессией в молодом или среднем возрасте [64].

Согласно данным Национального исследования здоровья и питания США, в 2015–2018 гг. 13,2% взрослых в возрасте 18 лет и старше принимали антидепрессанты за последние 30 дней. Прием антидепрессантов был выше среди женщин (17,7%), чем среди мужчин (8,4%) и увеличивался с возрастом. У женщин в возрасте 60 лет и старше процент принимающих антидепрессанты достигал 24,3%, т.е. каждая четвертая американка в этой возрастной категории принимала антидепрессанты. Использование антидепрессантов было самым высоким среди белых неиспаноязычных и имеющих высшее образование. В целом за десятилетие с 2009–2010 по 2017–2018 г. потребление антидепрессантов увеличилось с 10,6 до 13,8% [10].

И хотя вышеперечисленные болезни, связанные с головным мозгом, серьезно ухудшают качество жизни самого человека и окружающих людей и ложатся серьезным бременем на систему здравоохранения, наиболее трагичным последствием социального воздействия на головной мозг являются суициды.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в 2019 г. назвала десять стран с самым высоким уровнем самоубийств (количество самоубийств на 100 тыс. чел.)¹:

1. Лесото — 72,4 (среди мужчин — 116,0, среди женщин — 30,1);
2. Гайана — 40,3 (среди мужчин — 63,0, среди женщин — 17,4);
3. Эсватини — 29,4 (среди мужчин — 55,1, среди женщин — 4,7);
4. Южная Корея — 28,6 (среди мужчин — 40,2, среди женщин — 16,9);
5. Кирибати — 28,3 (среди мужчин — 48,6, среди женщин — 8,7);
6. Микронезия — 28,2 (среди мужчин — 43,2, среди женщин — 12,7);
7. Литва — 26,1 (среди мужчин — 45,4, среди женщин — 9,6);
8. Суринам — 25,4 (среди мужчин — 38,8, среди женщин — 11,8);
9. Россия — 25,1 (среди мужчин — 43,6, среди женщин — 9,1);
10. ЮАР — 23,5 (среди мужчин — 37,6, среди женщин — 9,8).

В обзорном анализе населения мира «World Population Review» дается рекомендация, как снизить уровень самоубийств в стране, а именно: необходимо устранять основные провоцирующие социальные факторы, которые в сумме, например с депрессией, повышают желание потенциального самоубийцы умереть². Этими факторами могут быть социальное презрение за академическую неуспеваемость, семейное неблагополучие, тяжелое экономическое положение, финансовые трудности, неудачи на работе, общая неудовлетворенность жизнью. Все эти факторы сказываются на здоровье мозга и вызывают появление психических нарушений, особенно если человек к этому предрасположен.

Например, в Южной Корее и в Японии, как указывает World Population Review, высокий уровень самоубийств (в Японии — 15,3, а в Южной Корее 28,6 на 100 тыс. чел. в 2019 г.) обусловлен в основном социальными причинами.

World Population Review объясняет, что высокий уровень самоубийств в Южной Корее зависит от увеличения числа самоубийств среди пожилых людей, так как традиционная система, когда дети заботились о своих стареющих родителях, исчезла в XXI в. Вторая база для повышения количества самоубийств — это самоубийства среди учащейся молодежи. В Южной Корее традиционно связывают хорошую успеваемость детей с социальным престижем семьи, поэтому уровень самоубийств среди не справляющихся с учебной нагрузкой студентов выше среднего. К этому можно добавить злоупотребление алкоголем, недосыпание, стресс и плохие социальные взаимоотношения.

В Японии же основной причиной самоубийств у мужчин в возрасте от 20 до 44 лет и у женщин в возрасте от 15 до 34 лет является развод и потеря работы. В традиционном японском обществе считается, что мужчина должен обеспечивать семью, поэтому, когда он теряет работу и не может обеспечить семью, он начинает считать себя неудачником, заслуживающим общественное презрение. Японские мужчины в два раза чаще совершают самоубийства, чем женщины, особенно после развода. Кроме того, в Японии традиционно ожидается, что успешный человек работает на одном и том же месте и остается в браке с одним и тем же человеком всю жизнь.

По оценкам ВОЗ помимо реализованных самоубийств были и неудачные попытки совершить самоубийство, поэтому число потенциальных самоубийств превышает статистические данные, т. е. одно статистическое надо умножать примерно на 20 неудачных попыток. По данным ВОЗ 77% самоубийств произошли в странах с низким и средним уровнем доходов в 2019 г.³

¹ Suicide Rate Estimates, Crude Estimates by Country [Электронный ресурс] // World Health Organization. 2021. 9 February. URL: <https://apps.who.int/gho/data/node.main.MHSUICIDE> (дата обращения: 20.06.2021).

² Suicide Rate by Country [Электронный ресурс] // World Population Review. 2021. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/suicide-rate-by-country> (дата обращения: 23.06.2021).

³ Mental Health and Substance Use. Suicide Worldwide in 2019. Global Health Estimates //

Чанг (Chang) и коллеги выдвигают предположение, что рост числа самоубийств среди мужчин в странах Европы и Америки, например в 2009 г., был связан с масштабом увеличения безработицы из-за экономического кризиса 2008 г. Причем число самоубийц было выше в тех странах, где до кризиса был низкий уровень безработицы. Рост самоубийств среди мужчин в Европе был самым высоким в возрастной группе 15–24, тогда как в странах Америки — в возрасте 45–64 [14].

Прослеживается явная корреляция между увеличением числа самоубийств, убийств и смертей от отравления алкоголем в России и неожиданным переходом от социалистической социально-экономической системы к капиталистической в 90-х годах (табл.).

Данные таблицы показывают, что в 1990 г. число самоубийств составляло 26,5 на 100 тыс. чел., количество случаев отравления алкоголем — 10,9 на 100 тыс. чел., а количество насильственных убийств — 14,3 на 100 тыс. чел.¹ В 1994 г. количество самоубийств увеличилось уже в 1,5 раза, количество случаев отравления алкоголем почти в 3,5, а количество насильственных убийств — в 2,3. Такой всплеск одновременно самоубийств, случаев отравления алкоголем и убийств в 1994–1996 гг. произошел на фоне экономической реформы с переходом к рыночной экономике в 1992 г., коррупционной приватизации государственной собственности с начала 1990 г.², невыплаты заработной платы, пенсий и социальных пособий,

Таблица

Число людей, умерших в результате самоубийства, отравления алкоголем и насильственного убийства на 100 000 чел. за год в России

Table. The number of people who died as a result of suicide, alcohol poisoning and violent homicide per 100 000 people per year in Russia

Год	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Самоубийства	26,5	26,5	31,1	38,2	42,1	41,4	39,3	37,5	35,3	39,2
Отравление алкоголем	10,9	11,2	17,6	30,9	37,8	29,5	24,0	19,0	17,8	20,4
Убийства	14,3	15,2	22,8	30,7	32,6	30,8	26,6	23,8	22,9	26,2
Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Самоубийства	39,1	39,5	38,4	36,05	34,27	32,09	29,96	28,94	26,91	26,31
Отравление алкоголем	25,6	28,4	31,0	31,39	29,65	38,48	23,06	17,65	16,78	14,94
Убийства	28,2	29,6	30,7	29,1	27,3	24,9	20,2	17,9	16,72	15,06
Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Самоубийства	23,44	21,8	20,8	20,1	18,5	17,4	15,76	13,81	12,4	11,7
Отравление алкоголем	13,39	11,4	10,6	10,1	10,71	10,41	9,56	8,36	7,5	6,7
Убийства	13,3	11,7	10,8	10,1	8,98	8,19	7,21	6,16	5,4	5,0

World Health Organization. 2021. 16 June [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/teams/mental-health-and-substance-use/suicide-data> (дата обращения: 23.06.2021).

¹ Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти за год // Росстат. Демография. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> или <https://www.fedstat.ru/indicator/31270> (дата обращения: 23.06.2021).

² Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 годы (экспертно-аналитическое мероприятие), руководитель рабочей группы — председатель Счетной палаты Российской Федерации С. В. Степашин. М. : Изд-во Оолита, 2004.

государственного переворота в 1993 г. и денежной реформы конфискационного характера в 1993 г. Все эти события создали тревожный социальный фон и спровоцировали социальные болезни среди населения. В 1999–2003 гг. произошел новый подъем числа самоубийств, случаев отравления алкоголем и убийств на фоне экономического кризиса 1998 г., когда в России объявили дефолт и отказались удерживать стабильный курс рубля к доллару, тем самым обесценив рубль, а вместе с ним зарплаты и сбережения граждан.

2.2. Альтернативное объяснение социальных проблем, предлагаемое социальными нейронауками

Социальные нейронауки предлагают *альтернативное объяснение социальных проблем*. Возьмем некоторые примеры из нейроэкономики и нейросоциологии.

2.2.1. Нейроэкономика

В нейроэкономике обсуждаются вопросы (1) незначительного и постепенного внесения уточнений в общепринятую экономическую теорию, а также (2) радикального изменения этой экономической теории с помощью нейронаучных открытий [11].

(1) *Постепенное изменение* основывается на дополнительном нейронаучном объяснении существующих экономических положений. Например, традиционная экономическая модель продажи товаров учитывает *наличие пристрастия* у некоторых покупателей к определенным товарам. Такие покупатели показывают нетерпеливость в желании приобрести предмет пристрастия. И такое поведение распространяется и на другие предметы, не являющимися предметом пристрастия. Нейроэкономика дает объяснение этому странному явлению: наличие пристрастия к чему-то одному влияет на общий процесс принятия решений из-за измененного нейрохимического процесса в мозге [16].

Исследуя *принятие финансовых решений*, нейроэкономисты выявили роль активации прилежащего ядра вентрального стриатума в мозге в связи с ожидаемой наградой, и роль инсулы, коррелирующей с ожидаемым риском. Обнаружение активации этих структур может предсказать, примет ли человек рискованное финансовое предложение [35]. Было замечено, что перед согласием принять рискованное финансовое предложение активируется прилежащее ядро в мозге человека, а перед отказом принять — активируется инсула [34]. Если преднамеренно спровоцировать активацию прилежащего ядра перед предложением, то человек согласится на риск. Участникам эксперимента (гетеросексуальным мужчинам), например, показывали эротические картинки с женщинами, используя функциональную магнитно-резонансную томографию для обнаружения активированных структур мозга. Рассматривание эротических картинок вызвало активацию прилежащего ядра, как это бывает в предвкушении вознаграждения, что повлияло на их дальнейшее желание рискнуть в области финансов, хотя эротические картинки и не были связаны с финансовым вопросом.

В экономике принято считать, что *полезность денег* опосредована. Для человека представляют ценность или полезность только товары или услуги, купленные за деньги, а не сами деньги. Однако нейроисследования показывают, что в отличие от ребенка человек относится к деньгам, как к прямому полезному продукту. Приобретение товаров и получение денег активируют те же самые допаминергические нейронные пути вознаграждения [6; 9; 11]. Введение оплаты по банковским картам облегчает болезненное расставание с деньгами.

(2) Нейроэкономисты *радикального* направления хотят изменить существующую экономическую теорию, используя нейронаучные данные, потому что считают, что в основе экономического поведения людей лежит абсолютно другой набор факторов, чем предполагает существующая теория. Нейроэкономисты призывают вы-

страивать экономическую жизнь, как и теорию, опираясь на нейронаучные факты. Даже сами экономические категории должны быть заменены, так как они влияют на мышление человека, и человек не может правильно построить свой бизнес, чтобы получать максимальную выгоду. В настоящее время, когда бизнес в основном — это прибыль от интеллектуального творчества сотрудников компании, довольно трудно определить возможности творчества, которые хранятся в их головах. Иногда они зависят просто от атмосферы на работе. Если изменить правила игры и превратить компанию в сообщество с равной возможностью выразить свое мнение и определить путь развития компании, то люди становятся более заинтересованными как в самом творческом процессе, так и в его результатах, что в итоге ведет к прибыли компании. Работников интеллектуального труда продолжают записывать в издержки в бухгалтерских книгах и увольнять как обременительные расходы, хотя их головы — это явные активы для компании, которые надо беречь. Успех современного бизнеса зависит от знания закономерностей мышления и работы мозга таких сотрудников. Именно это и изучает нейроэкономика.

Нейроисследования показывают, что базовой ошибкой доминирующей экономической теории является *неправильная модель человека* в ее основе. Здесь можно выделить два аспекта: автоматическая и бессознательная обработка информации при принятии решения, которая идет до рациональной, что противоречит тезису рационального экономического выбора, используемого современной экономической теорией. Бессознательная автоматическая обработка появилась в ходе эволюционного развития человечества, как считают некоторые нейрочеловековеды, она быстрее рациональной обработки и поэтому обгоняет и влияет на рациональное принятие решений [11].

Вторая важная ошибка доминирующей экономической теории рационального выбора заключается в том, что человек не может делать выбор, будь то экономический, социальный или политический, исключительно на основе рационального выбора, т. е. логического мышления, потому что он не создан природой для этого. В человеческом мозге параллельно логическому мышлению происходит активация сразу эмоциональных структур [11] и структур, вовлеченных в моральное мышление в той или иной степени [43; 45]. Из-за встроенных в наш мозг, или в наше мышление, моральных эмоций с самого рождения (опять же в силу эволюционного развития человечества, как объясняют нейрочеловековеды-материалисты), человек всегда пытается оценивать происходящее с моральной точки зрения [15; 20; 27; 44; 46; 50; 60].

Нейроэкономист Линн Стаут (Lynn Stout) приводит несколько интересных примеров, критикуя существующую экономическую модель человека и отмечает, что поведение людей явно противоречит положениям современной экономической теории, утверждающей, что каждый человек стремится обогатиться, как только представляется такая возможность, и думает только о получении своей собственной экономической выгоды, так как в этом и заключается его рациональный выбор [58]. Но вот вы видите, что на улице сидит нищий, и ему бросают деньги, и никто из прохожих не пытается их отнять. Люди получают деньги в банкомате на улице, но не нанимают себе охрану, потому что никто не стремится обогатиться за их счет. Мускулистый мужчина стоит терпеливо в очереди за старушкой и не пытается применить свою силу, чтобы быть первым или отнять деньги. Магазины полны товаров с минимальным количеством продавцов, и покупатели не пытаются ограбить и избить этих продавцов. Кто-то спасает незнакомого человека, рискуя своей жизнью, или отдает свои деньги в фонд благотворительности и т. д. Мы просто не замечаем морального поведения людей, потому что оно кажется естественным, но замечаем единичные проявления аморального поведения людей. Во всех вышеперечисленных случаях люди поступают явно нерационально, пренебрегая возможностью обогатиться.

Линн Стаут анализирует экономическую модель человека, существующую в наши дни, и сравнивает ее с набором характеристик для определения социопатологии по американскому пособию по диагностике, рекомендованному Американской Психиатрической ассоциацией¹. В пособии говорится, что если человек имеет три черты из семи, указанных в списке социопатологических черт, то такого человека можно признать социопатом. Линн Стаут нашла пять черт из семи в современной экономической модели человека, т.е. экономическая теория была создана для социопатов и была распространена на всех нормальных людей, делая их такими же социопатами. Помимо экономической сферы, такая модель рационального экономического человека, имеющего социопатологию и стремящегося исключительно к наживе, распространяется повсеместно и на проблемы образования, политики, управления корпорациями и даже судебную систему [58]. Например, чтобы улучшить результаты учащихся, зарплату преподавателя привязывают к результатам теста, а не к желанию научить, не к гордости за свою профессию, не к благодарности детей и родителей за хорошее обучение. А чтобы топ-менеджер лучше работал, ему дают акции компании, и с этого момента самым главным для него становится прибыль с акций, а не то, что производит компания, не ее социальная роль в обществе и не атмосфера порядочности в компании. Поощряется обман при рекламе для более масштабных продаж и жесткая конкуренция между сотрудниками. Естественное моральное мышление блокируется, моральные стимулы игнорируются. Неудивительно, что в итоге мы получаем аморальное профессиональное поведение, при котором уже никакое повышение оплаты труда не помогает. Зимбардо (Zimbardo) прекрасно продемонстрировал в своем психологическом эксперименте добровольную интернализацию навязанных обществом социальных ролей: люди начинают делать то, что от них ожидают [65].

Тем временем исследования нейроэкономистов показывают, что и *нематериальные факторы* приносят человеку удовлетворение и желание добросовестно работать, такие как равенство, справедливое решение и справедливое наказание [59]. Причем отмечается, что справедливость и сотрудничество являются взаимозависимыми категориями [31].

В нейронауке часто описывается одинаковая ситуация при проведении «игры в ультиматум», с которой столкнулись нейроэкономисты в разных странах. Игра заключается в следующем: один участник игры, имея, скажем, 10 долл., предлагает другому участнику часть из этой суммы по своему усмотрению. Второй участник либо принимает эту часть от 10 долл., либо отвергает. Если он отказывается принять выделенные деньги, то игра заканчивается, и никто ничего не получает. Экономическая теория рационального выбора утверждает, что тот, кто дает, будет пытаться дать как можно меньше, а тот, кто берет, будет брать любую сумму, чтобы максимизировать свой доход. Но результат многочисленных экспериментов разных нейрочеловеков в разных странах никогда не совпадает с этим постулатом. Первые участники игры дают, как правило, 40–50% от суммы денег, которая у них на руках, а вторые участники, если получают меньше 20%, то отвергают деньги, вообще, и игра прекращается, то есть в этом случае никакой рациональной максимизации доходов не происходит. Иначе говоря, между двумя партнерами прекращается экономическое сотрудничество, если один из них игнорирует справедливое распределение дохода.

Камерер (Camerer) приводит интересный пример, когда один из участников, действительно, вел себя согласно экономической теории, желая максимизировать свой доход любым способом [11]. К его раздражению, другие участники вели себя по-другому. Они вели себя как нормальные люди, вступая в социаль-

¹ American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders (DSM-IV-TR), 2000.

но-моральные отношения при игре, а он вел себя как больной аутизмом, игнорируя их.

Исследователи утверждают, что если участники знают, что играют с компьютером, а не с человеком, то поведение их отличается от предыдущего описания, как и активация структур мозга. Как правило, они принимают любые деньги, понимая, что компьютер лишен морального мышления. Если ввести элемент соревнования (конкуренцию), т. е. поменять правила игры, то предлагаемые суммы будут уменьшаться, а вторые игроки будут реже отказываться от несправедливых сумм. Нейроэкономисты не отрицают существования определенного процента участников, которые будут вести себя согласно доминирующей экономической теории. Они, действительно, будут пытаться максимизировать свой доход, принимая несправедливую сумму, так как могут подавить эмоциональную реакцию на несправедливость и «проглотить гордость» [59]. Увеличение активности передней части инсулы билатерально коррелирует с отказом от несправедливой суммы [16].

2.2.2. Нейросоциология

Нейросоциология, как и нейроэкономика, выдвигает ряд интересных гипотез. Адолфс (Adolphs) считает, что возможно создать атлас *социального мозга*, т. е. структур и областей мозга, которые активируются при решении разных социальных вопросов [4]. Например, при принятии социальных решений активируется вентромедиальная префронтальная кора. При считывании социальной информации по лицу, а также страхе и недоверии, активируется амигдала. Правая соматосенсорная кора, которая активируется для репрезентации в мозге состояния организма при определенном социальном общении, помогает испытывать эмпатию, когда другой человек попадает в аналогичную социальную ситуацию, и к этому еще добавляется активация инсулы. При определении ошибки активируется поясная извилина. Активация зрительных ассоциативных областей в височной коре помогает определить состояние другого человека по выражению его лица. Социальный мозг также включает структуры в гипоталамусе, таламусе и в стволе мозга, отвечающие за эмоциональную реакцию, которую запоминает организм [4].

Выделяются следующие направления изучения в нейросоциологии: понимание других (ТоМ и эмпатическая реакция); понимание себя и саморегулирование; взаимодействие с социальной средой, что подразумевает изучение зеркальных нейронов, автоматических и контролируемых процессов в мозгу с внутренней фокусировкой на внутренние ментальные и эмоциональные характеристики себя и других (активация медиальной фронтальной и теменной нейросетей) и с внешней фокусировкой на физические и визуальные характеристики себя и других (активация латерально-фронтальной и теменно-височной нейросетей) [8; 39; 40; 41; 49; 51]. К другим главным направлениям исследований относятся изучение интерактивности между индивидуальным и общественным пониманием, отношение к предрассудкам, социальная связь и социальное изгнание, принятие социальных решений.

При изучении *саморегулирования* нейросоциологи обнаружили, что существует непреднамеренное саморегулирование с помощью проговаривания. Человек проговаривает все то, что с ним случилось, и негативные эмоции переходят в слова. Таким образом он улучшает свое ментальное и физическое здоровье. Причем нейросканирование показывает, что даже простое приклеивание ярлыков к визуальным образам помогает успокоиться и, соответственно, активность в амигдале, связанная с негативными эмоциями, уменьшается [39]. Человек может непреднамеренно регулировать работу своих нейросетей через плацебо. Эффект плацебо наблюдается, когда кто-то ожидает положительного результата от лечения, хотя его и не лечат, и получает. Лечебное плацебо изменяет восприятие боли [47; 48].

Нейросоциология объясняет *процесс принятия социальных решений*, как и другие социальные явления, через зеркальные нейроны, Теорию о Мышлении (ТоМ), эмпатию, взаимодействие эмоционального и рационального, а также автоматического и контролируемого. Было обнаружено, что повреждение вентромедиальной префронтальной и орбитофронтальной коры негативно влияет на нормальную обработку «соматических сигналов», связанных с запоминанием своих эмоций организмом, хотя и не затрагивает основные когнитивные функции [7; 19]. В этом случае человек теряет способность принимать быстрые и правильные социальные решения, хотя логическое мышление не повреждено.

Исследования в нейронауке показывают, что у человека есть нейрональные механизмы, которые задействованы как для своих ментальных состояний, так и для понимания похожих ментальных состояний у других людей. Эти общие нейрональные механизмы, характерные для головного мозга, *модулируются социальным контекстом*. Наибольшее влияние в этом контексте имеют четыре параметра: доверие, ощущение справедливости, альтруистический поступок и альтруистическое наказание и рамочный эффект. Рамочный эффект подразумевает формулирование какой-то проблемы особым способом для того, чтобы вызвать определенные эмоции и повлиять на принятие решения. Одна и та же проблема, сформулированная по-разному, может привести к разным решениям и эмоциям.

Нейроученые Зингер (Singer) и Стейнбейс (Steinbeis) считают, что мотивационной основой принятия социальных решений являются два самых важных компонента для человека: *справедливость и сочувствие* [56].

Нарушение социальной справедливости ведет к моральному гневу и стремлению наказать нарушителя моральных норм, при этом наблюдается альтруистическое наказание, а сочувствие приводит, наоборот, к желанию простить нарушителя. Зингер и Стейнбейс исследовали нейрореакцию и социальное поведение в игре в «общественные блага» и игре в «дилемму заключенного» для проверки этих двух мотиваций. Было обнаружено, что 30% участников хотели получить блага за счет других, ничего не вкладывая («free-riders»), а 50% участников были готовы вкладывать свой труд в создание общественных благ при условии, если это делают все, и прекращали сотрудничество по созданию общественных благ, когда чувствовали, что другие ничего не делают. Эти 50% считали несправедливым работать ради всех без участия всех. Но если вводится наказание для отлынивающих, то участие или сотрудничество этих 50% усиливается [56].

Что касается второго мотивационного фактора — сочувствия в социальной среде, то результаты исследований показывают, что 80% людей предпочитают работать в высокоэмпатической атмосфере, где они могут получить понимание, сочувствие и прощение за свои ошибки. Было обнаружено, что 45% людей в высокоэмпатической атмосфере продолжают сотрудничать с партнером, не оправдавшим доверие, в то время как в безэмпатической среде таких желающих нет [56]. Была зафиксирована активация вентрально-медиальной префронтальной коры, медиальной префронтальной коры и медиальной теменной коры при сотрудничестве, доверии и ощущении справедливости. С другой стороны, при столкновении с несправедливостью в лице партнера, не оправдавшего доверия, активируются инсула и хвостатое ядро в базальных ганглиях или дорсомедиальная префронтальная кора [56].

Одной из интереснейших областей исследований в нейросоциологии является изучение *социальной связи и ее коллективной и кортикальной репрезентаций*. Человек — социальное существо, и он испытывает потребность в социальных отношениях, что служит мотивацией для его морального поведения, с одной стороны, а с другой — для социального подчинения. Социальные связи не существуют без морального компонента. Социальные отношения находятся как под влиянием из-

менчивых социальных моральных ценностей данного общества в данную эпоху, так и под влиянием неизменной врожденной морали (типичных моральных эмоций в определенных социальных ситуациях, не зависящих ни от данного общества, ни от эпохи). Этот моральный компонент присутствует по умолчанию во всех взаимоотношениях между людьми.

Качество социальных связей отражается на нейробиологии организма, а именно: когда человек встречается с другим человеком, которого любит, то активируются базальные ганглии [39]. При стрессовой ситуации давление крови повышается гораздо меньше у тех, которые имеют социальную поддержку [38]. Если у человека недостаток социальной поддержки в стрессовой ситуации, то это представляет намного больший риск для здоровья, чем курение, ожорство, высокое кровяное давление и прочие нарушения [22]. Социальная поддержка снижает нейробиологическую реактивность на стрессоры.

Социальные связи имеют коллективную репрезентацию в мышлении людей благодаря общей этнической культуре, религии, законам, практике осуществления власти, языку, искусству, образованию и т.д. И эта коллективная репрезентация социальных связей *отражается нейробиологически* в мозгу людей. Иначе говоря, люди имеют помимо коллективной репрезентации социальных связей в своем мышлении еще и кортикальную репрезентацию этих связей в своем мозге [61]. Такая кортикальная репрезентация (нейробиологическое постоянство) основывается на повторяемости коллективного поведения и отборе самого нужного для выживания в ходе эволюционного развития [61].

Помимо исследований в нейросоциологии и нейрозкономике есть и другие исследования в других социальных нейронауках, которые могут принести пользу выработки правильной организации социальной жизни и государственного управления.

Продолжение в следующем номере.

Литература/References

1. Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. М. : Сова, 2008. [Bekhtereva N.P. The Magic of the Brain and the Labyrinths of Life. M. : Sova, 2008. (In Rus)].
2. Кудрявцева Н. Тревога как социальная болезнь // Химия и жизнь — XXI век. 2004. № 11. С. 10–15. [Kudryavtseva N. Anxiety as a Social Disease // Chemistry and Life — XXI century. 2004. N 11. P. 10–15. (In Rus)].
3. Кудрявцева Н.Н., Августинovich Д.Ф. Молекулярные механизмы социального поведения: комментарии к статье Berton et al., Science, 2006 // Нейронауки. 2006. № 4 (6). С. 33–35. [Kudryavtseva N. N., Avgustinovich D. F. Molecular Mechanisms of Social Behavior: Comments on the Article by Burton et al., Science, 2006 // Neurosciences. 2006. N 4 (6). P. 33–35. (In Rus)].
4. Adolphs R. Social Cognition and Human Brain. Review // Trends in Cognitive Sciences. 1999. Vol. 3. N 12. P. 469–479.
5. Akitsuki Y., Decety J. Social Context and Perceived Agency Affects Empathy for Pain: An Event-related fMRI Investigation // NeuroImage. 2009. N 47. P. 722–734.
6. Aharon I., Etcoff N., Ariely D., Chabris C. F. at al. Beautiful Faces Have Variable Reward Value: fMRI and Behavioral Evidence // Neuron. 2001. N 32 (3). P. 537–551.
7. Bechara A. The Role of Emotion in Decision-making: Evidence from Neurological Patients with Orbitofrontal Damage // Brain and Cognition. 2004. N 55. P. 30–40.
8. Berkman E., Lieberman M. Using Neuroscience to Broaden Emotion Regulation: Theoretical and Methodological Considerations // Social and Personality Psychology Compass. 2009. N 3 (4). P. 475–493.
9. Breiter H. C., Aharon I., Kahneman D., Dale A. at al. Functional Imaging of Neural Responses to Expectancy and Experience of Monetary Gains and Losses // Neuron. 2001. N 30 (2). P. 619–39.
10. Brody D.J., Gu Q. Antidepressant Use Among Adults: United States, 2015–2018 // NCHS Data Brief. 2020. Sep (377). P. 1–8.

11. Camerer C., Loewenstein G., Prelec D. Neuroeconomics: How Neuroscience Can Inform Economics // *Journal of Economic Literature*. 2005. Vol. XLIII. P. 9–64.
12. Carr R. Neurotransmitters, Neuromodulators and Hormones: Putting It All Together // eds. N. Hass-Cohen, R. Carr /Art Therapy and Clinical Neuroscience. London and Philadelphia. Jessica Kingsley Publishers. 2008. P. 76–91.
13. Catterall J. S., Chapleau R., Iwanaga J. Involvement in the Arts and Human Development: Extending an Analysis of General Associations and Introducing the Special Cases of Intensive Involvement in Music and Theatre Arts // ed. E. B. Fiske /Champions of Change: The Impact of the Arts on Learning. Washington, DC. Arts Education Partnership and the President's Committee on the Arts and Humanities. 1998. P. 1–18.
14. Chang S.-S., Stuckler D., Yip P., Gunnell D. Impact of 2008 Global Economic Crisis on Suicide: Time Trend Study in 54 Countries // *BMJ*. 2013. Sep 17. P. 1–15.
15. Chayer C., Freeman M. Frontal Lobe Functions // *Current Neurology and Neuroscience Reports*. 2001. N 1. P. 547–552.
16. Chorvat T., McCabe K., Smith V. Law and Neuroeconomics // George Mason University, School of Law, Law and Economics working paper series, Social Science Research Network Electronic Paper Collection. 2004.
17. Christian D. The Cortex: Regulation of Sensory and Emotional Experience // eds. N. Hass-Cohen, R. Carr /Art Therapy and Clinical Neuroscience. London and Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers, 2008. P. 62–75.
18. Craske M., Stein M., Eley T. et al. Anxiety Disorders // *Nature Reviews Disease Primers*. 2017. N 3. No of the article 17024 (2017).
19. Damasio A. Descartes' Error. Emotion, Reason and the Human Brain. London : Vintage Books, 2006.
20. De Vignemont F., Frith U. Autism, Morality and Empathy // (ed.) W. Sinnott-Armstrong /Moral Psychology, the Neuroscience of Morality: Emotion, Brain Disorders, and Development. Massachusetts : MIT Press, 2008. Vol. 3. P. 273–280.
21. Decety J., Michalska K., Akitsuki Y., Lahey B. Atypical Emphatic Reponses in Adolescents with Aggressive Conduct Disorder: A Functional MRI Investigation // *Biological Psychology*. 2009. N 80. P. 203–211.
22. Eisenberger N., Taylor S., Gable S., Hilmert C. at al. Neural Pathways Link Social Support to Attenuated Neuroendocrine Stress Responses // *NeuroImage*. 2007. N 35. P. 1601–1612.
23. Elzinga B. M., Roelofs K. Cortisol-induced Impairments of Working Memory Require Acute Sympathetic Activation // *Behavioral Neuroscience*. 2005. N 119 (1). P. 98–103.
24. Frith C. D., Frith U. Interacting Minds: A Biological Basis // *Science*. 1999. Vol. 286. N 5445. P. 1692–1695.
25. Galbraith A., Subrin R., Ross D. Alzheimer's Disease: Art, Creativity and the Brain // eds. N. Hass-Cohen, R. Carr /Art Therapy and Clinical Neuroscience. London : Jessica Kingsley Publishers, 2008. P. 254–269.
26. Gallese V., Goldman A. Mirror Neurons and the Simulation Theory of Mind-Reading // *Trends in Cognitive Sciences*, 1998. N 2 (12). P. 493–501.
27. Greene J. The Secret Joke of Kant's Soul // (ed.) W. Sinnott-Armstrong /Moral Psychology, the Neuroscience of Morality: Emotion, Brain Disorders, and Development. Massachusetts : MIT Press, 2008. Vol. 3. P. 35–79.
28. Goldberg E. The Wisdom Paradox: How Your Mind Can Grow Stronger as Your Brain Grows Older? New York : Gotham Books, 2005.
29. Gustavsson A., Svensson M., Jacobi F., Allgulander C. at al. Cost of Disorders of the Brain in Europe 2010 // *European Neuropsychopharmacology*. 2011. N 21 (10). P. 718–779.
30. Harrison N., Singer T., Rotshtein P., Dolan R. at al. Pupillary Contagion: Central Mechanisms Engaged in Sadness Processing // *SCAN*. 2006. N 1. P. 5–7.
31. Hegtvædt K. A., Killian C. Fairness and Emotions: Reaction to the Process and Outcomes of Negotiations // *Social Forces*. 1999. N 78. P. 269–303.
32. Hein G., Singer T. I Feel How You Feel But Not Always: the Empathic Brain and Its Modulation // *Current Opinion in Neurobiology*. 2008. N 18. P. 153–158.
33. Horner P. J., Gage F. H. Regeneration in the Adult and Ageing Brain // *Archives of Neurology*. 2002. N 59. P. 1717–1720.
34. Knutson B., Wimmer G. E., Kuhnen C. M., Winkielman P. Nucleus Accumbens Activation Mediates the Influence of Reward Cues on Financial Risk Taking // *NeuroReport*. 2008. N 19. P. 509–513.
35. Knutson B., Bossaerts P. Neural Antecedents of Financial Decisions // *The Journal of Neuroscience*. 2007. N 27 (31). P. 8174–8177.

36. Kozorovitskiy Y., Gould E. Adult Neurogenesis: A Mechanism for Brain Repair? // *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*. 2003. N 25. P. 721–732.
37. Lamm C., Batson C.D., Decety J. The Neural Substrate of Human Empathy: Effects of Perspective-taking and Cognitive Appraisal // *Journal of Cognitive Neuroscience*. 2007. N 19 (1). P. 42–58.
38. Lepore S.J., Allen K.A., Evans G.W. Social Support Lowers Cardiovascular Reactivity to an Acute Stressor // *Psychosomatic Medicine*. 1993. N 55. P. 518–524.
39. Lieberman M. Social Cognitive Neuroscience: A Review of Core Processes // *The Annual Review of Psychology*. 2007. N 58. P. 259–289.
40. Lieberman M.D., Gaunt R., Gilbert D.T., Trope Y. Reflection and Reflexion: a Social Cognitive Neuroscience Approach to Attributional Inference // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2002. N 34. P. 199–249.
41. Lieberman M., Eisenberger N. Conflict and Habit: A Social Cognitive Neuroscience Approach to the Self // eds. A. Tesser, J.V. Wood, D.A. Stapel / *On Building, Defending and regulating the Self: A Psychological Perspective*. New York : Psychology Press, 2004. P. 77–102.
42. Lieberman M.D., Schreiber D., Ochsner K. Is Political Cognition Like Riding a Bicycle? How Cognitive Neuroscience Can Inform Research on Political Thinking // *Political Psychology*. 2003. Vol. 24. N 4. P. 681–704.
43. Moll J., Zahn R., De Oliveira-Souza R., Krueger F. et al. The Neural Basis of Human Moral Cognition // *Nature Reviews Neuroscience*. 2005. Vol. 6. P. 799–809.
44. Moll J., De Oliveira-Souza R., Zahn R., Grafman J. The Cognitive Neuroscience of Moral Emotions // ed. W. Sinnott-Armstrong / *Moral Psychology, the Neuroscience of Morality: Emotion, Brain Disorders, and Development*. Massachusetts. MIT Press. 2008. Vol. 3. P. 1–17.
45. Moll J., de Oliveira-Souza R., Eslinger P.J. Morals and the Human Brain: a Working Model // *Neuroreport*. 2003. N 14. P. 299–305.
46. Nichols S., Folds-Bennett T. Are Children Moral Objectivists? Children's Judgments about Moral and Response-dependent Properties // *Cognition*. 2003. N 90 (2). P. B23–32.
47. Petrovic P., Kalso E., Petersson K.M., Ingvar M. Placebo and Opioid Analgesia — Imaging a Shared Neuronal Network // *Science*. 2002. N 295. P. 1737–1740.
48. Petrovic P., Dietrich T., Fransson P., Andersson J. et al. Placebo in Emotional Processing — induced Expectations of Anxiety Relief Activate a Generalized Modulatory Network // *Neuron*. 2005. N 46. P. 957–969.
49. Petrovic P., Kalisch R., Singer T., Dolan R. Oxytocin Attenuates Affective Evaluations of Conditioned Faces and Amygdala Activity // *The Journal of Neuroscience*. 2008. N 28(26) / P. 6607–6615.
50. Pfaff D. *The Neuroscience of Fair Play. Why We (Usually) Follow the Golden Rule*. New York, Washington : Dana Press, 2007.
51. Sanfey A., Cohen J. Is Knowing Always Feeling? // *PNAS*. 2004. Vol. 101. N 48. P. 16709–16710.
52. Sapolsky R. Stressed-out Memories: A Little Stress Sharpens Memory. But After Prolonged Stress, the Mental Picture Isn't Pretty // (ed.) P. J. Zak / *Moral Markets. The Critical Role of Values in the Economy*. Princeton and Oxford : Princeton University Press, 2008. P. 157–172.
53. Selye H. *The Stress of Life*. McGraw-Hill Education, 1978.
54. Singer T., Seymour B., O'Doherty J., Stephan K. et al. Empathy Neural Responses Are Modulated by the Perceived Fairness of Others // *Nature*. 2006. Vol. 439. P. 466–469.
55. Singer T., Lamm C. The Social Neuroscience of Empathy // *The Year in Cognitive Neuroscience 2009, Annals of the New York Academy of Sciences*. 2009. N 1156. P. 81–96.
56. Singer T., Steinbeis N. Differential Roles of Fairness — and Compassion-Based Motivations for Cooperation, Defection, and Punishment // *Values, Empathy, and Fairness Across Social Barriers, Annals of the New York Academy of Sciences*. 2009. N 1167. P. 41–50.
57. Snowdon D. *Aging with Grace?* New York : Bantam Books, 2001.
58. Stout L.A. Taking Conscience Seriously // (ed.) P. J. Zak / *Moral Markets. The Critical Role of Values in the Economy*. Princeton and Oxford : Princeton University Press, 2008. P. 157–172.
59. Tabibnia G., Lieberman M. Fairness and Cooperation are Rewarding. Evidence from Social Cognitive Neuroscience // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2007. N 1118. P. 90–101.
60. Tancredi L. *Hardwired Behavior: What Neuroscience Reveals about Morality*. Cambridge University Press, 2005.
61. Turner R., Whitehead C. How Collective Representations Can Change the Structure of the Brain // *Journal of Consciousness Studies*. 2008. N 15 (10–11). P. 43–57.
62. Vance R., Wahlin K. *Memory and Art* // eds. N. Hass-Cohen and R. Carr / *Art Therapy and Clinical Neuroscience* // London : Jessica Kingsley Publishers, 2008. P. 159–173.

63. Wittchen HU., Jacobi F., Rehm J., Gustavsson A. et al. The Size and Burden of Mental Disorders and Other Disorders of the Brain in Europe 2010 // European Neuropsychopharmacology. 2011. Sep. 21 (9). P. 655–79.
64. Yu O.-C., Jung B., Go H., Park M. et al. Association Between Dementia and Depression: a Retrospective Study Using the Korean National Health Insurance Service-National Sample Cohort Database // BMJ Open. 2020. 5 October.
65. Zimbardo P., Maslach C., Haney C. Reflections on the Stanford Prison Experiment: Genesis, Transformation, Consequences // ed. T. Blass / Obedience to Authority: Current Perspectives on the Milgram Paradigm. 2000. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates. P. 193–237.

Об авторе:

Сланевская Нина Михайловна, кандидат политических наук, в 2009–2018 гг. директор ООО «Центр междисциплинарной нейронауки» (Санкт-Петербург, Российская Федерация); slanevskaya.nina@gmail.com

About the author:

Nina M. Slanevskaya, PhD in Political Science, Director of the Center for Interdisciplinary Neuroscience from 2009–2018 (St. Petersburg, Russian Federation); slanevskaya.nina@gmail.com

К вопросу о научно-техническом сотрудничестве СССР с западными странами в области энергетики

Авданин В. В.

Комитет по градостроительству и архитектуре Администрации Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Российская Федерация; avdanin@mail.ru

РЕФЕРАТ

Сталинская промышленная модернизация СССР, начатая в 1930-х гг., проводилась с опорой на импортные технологические ресурсы. Переход от использования зарубежного оборудования к массовому производству отечественных аналогов оборудования происходил постепенно, преодолевая трудности послевоенного времени. В результате проведенной модернизации энергетической отрасли Ленинграда на рубеже 1940-х — 1950-х гг. была создана база импортозамещающего производства общесоюзного значения. В статье анализируются основные проблемы и особенности государственной энергетической политики в СССР в период 1940–1980 гг., дана оценка влиянию реформы управления промышленностью на развитие энергетической отрасли в конце 1950-х годов, автор отмечает специфическую роль руководящих партийных органов в этом процессе.

Ключевые слова: научно-техническое сотрудничество, репарации, государственное управление, энергетическая политика, экономические санкции

Для цитирования: Авданин В. В. К вопросу о научно-техническом сотрудничестве СССР с западными странами в области энергетики // Управленческое консультирование. 2022. № 4. С. 99–110.

On a Question of a Scientific and Technical Cooperation between the USSR and Western Countries in the Field of Energy

Vladimir V. Avdanin

Administration of Saint Petersburg, Russian Federation; avdanin@mail.ru

ABSTRACT

The Stalinist industrial modernization of the USSR, which began in the 1930s, was carried out on the basis of imported technological resources. The transition from the use of foreign equipment to the mass production of domestic analogs of equipment took place gradually, overcoming the difficulties of the post-war period. As a result of the modernization of the energy industry of Leningrad at the turn of the 1940s-1950s a base of import-substituting production of all-Union significance was created. The article analyzes the main problems and features of the state energy policy in the period 1940–1980s, assesses the impact of industrial management reform on the development of the energy industry in the late 1950s, the author notes the specific role of leading party bodies in this process.

Keywords: scientific and technical cooperation, reparations, public administration, state energy policy, economic sanctions

For citing: Avdanin V. V. On a Question of a Scientific and Technical Cooperation between the USSR and Western Countries in the Field of Energy // Administrative consulting. 2022. N 4. P. 99–110.

В Генеральном плане электрификации СССР, утвержденном в 1931 г., идеи энергоснабжения промышленности страны, заложенные в плане ГОЭЛРО, получили дальнейшее развитие. Два плана электрификации и планы первых трех пятилеток

были синхронизированы между собой в части показателей развития энергетической отрасли страны.

Один из создателей плана ГОЭЛРО Г. М. Кржижановский считал, что для обеспечения высоких темпов электрификации на первом этапе советского энергетического строительства возможны поставки импортного оборудования, а затем должен произойти переход к использованию отечественного оборудования.

С целью сопровождения контрактов СССР с иностранными компаниями, выполнения строительно-монтажных и наладочных работ на новых электростанциях в 1927 г. швейцарская фирма Brown-Boveri открыла свой офис в Москве [13, с. 199]. В 1929–1930 гг. советское правительство заключило ряд договоров с международной фирмой General Electric на поставки в СССР электротехнического и энергетического оборудования на сумму 26 млн долл. при условии 6-летнего погашения полученного кредита [13, с. 198].

По воспоминаниям П. С. Непорожного¹, главного инженера на строительстве ГЭС в Ленинградской области в послевоенный период, зарубежное оборудование на строительстве ленинградских электростанций использовалось только до 1934 г., а затем, после погашения кредита, был установлен запрет на импорт генерирующего электрооборудования в СССР [8, с. 76]. Так, на Ленинградском металлическом заводе были смонтированы турбины английской фирмы Metropolitan-Vickers [14, с. 164], на городской Ленинградской электростанции № 1 были установлены пять немецких и одна английская турбина (каждая мощностью по 15 МВт), на электростанции № 5 «Красный Октябрь» — оборудование фирмы Metropolitan-Vickers, на строительстве Нижне-Свирской ГЭС были использованы четыре шведские турбины фирмы Kaplan, а Волховская ГЭС имела в своем составе 4 шведских электрогенератора и 8 турбин фирмы Francis [14, с. 175]. На остальные городские ленинградские электростанции поступали материалы и аппаратура по контракту с американской фирмой Electric Welding Equipment [14, с. 164].

Начиная с 1934 г. электростанции в СССР стали комплектоваться энергетическим оборудованием, собранным на советских заводах по зарубежным проектам при технической помощи иностранных специалистов. В конце 1930-х годов процесс производственной сборки осуществлялся советскими специалистами практически самостоятельно. СССР имел права на патенты (в течение 10 лет) и рабочие чертежи иностранных производителей [14, с. 163–164].

До принятия плана первой пятилетки инвестиции в энергетическую отрасль СССР было довольно рискованным видом бизнеса для зарубежных фирм. Имелись случаи невыплат заработной платы иностранным консультантам, экспроприация патентов, чертежей и оборудования без оплаты, изменение налогообложения, применение физической силы и уголовное преследование². Однако в дальнейшем, по свидетельству американской прессы, несмотря на отдельные недоразумения³ «отношения американских экспортеров с Россией в течение трех пятилетних планов были чрезвычайно удовлетворительными. Москва выполнила все свои обязательства очень пунктуально» [10, с. 139].

¹ Непорожный Петр Степанович — министр энергетики и электрификации СССР в период 1962–1985 гг.

² В 1927 г. срыв контракта на выполнение проектных и строительных работ на объекте Свирьстроя на сумму около миллиона долларов по вине советской стороны привел к потере фирмой White Corporation \$ 400 тыс.

³ 12 апреля 1933 г. в Москве начался судебный процесс против пяти инженеров фирмы Metropolitan-Vickers по обвинению в шпионской деятельности на территории СССР. Иностранные специалисты, как оправданные, так и получившие различные сроки заключения по приговору Верховного суда СССР от 18 апреля 1933 г., вскоре были депортированы в Великобританию. Проходившие по делу подсудимые граждане СССР получили до 10 лет тюремного заключения.

В предвоенный период научно-техническая база для модернизации устаревшего импортного и разработки нового отечественного оборудования в СССР отсутствовала, поэтому разработка советского оборудования на основе зарубежных аналогов велась медленно. Это стало одной из причин достаточно длительного периода технологического отставания СССР в энергетической области.

С началом Великой Отечественной войны по инициативе советского правительства поставки импортного оборудования увеличились. По программе ленд-лиза в СССР были направлены значительные объемы продукции, предназначенной для энергетического сектора экономики. Так, например, в 1943 г. из США было отправлено станционное оборудование, демонтированное на электростанциях в Калифорнии [15, с. 330], а к концу 1945 г. СССР получил новые паровые и дизельные комплектные теплоэлектростанции, железнодорожные локомотивные и мобильные электростанции из США, Великобритании и Канады на сумму 167 млн долларов США. Общая энергетическая мощность этого оборудования составила около 1457 МВт [19]. Их применение обеспечило около 20% прироста мощности советских энергетических систем в военное время [15, с. 330]. В состав комплектных электростанций дополнительно входили вспомогательная аппаратура и коммуникации, в том числе электроштыты и электропроводка для устройства заводского электроосвещения [Там же]. Это немаловажное обстоятельство позволяло в самые короткие сроки запускать станции в эксплуатацию в ранее оккупированных населенных пунктах страны.

В соответствии с постановлениями ГКО в 1945 г. на промышленные предприятия Ленинграда в рамках репараций из Германии было вывезено заводское станочное оборудование с ряда крупнейших машиностроительных предприятий¹. Кроме этого, в 1945 г. из Германии в СССР был вывезен большой объем станционного оборудования, в том числе: демонтированные на электростанциях в Дрездене и Шеттине 44 турбогенератора и 78 станционных котлов общей мощностью 1032 МВт, 36 турбогенераторов и 35 котлов мощностью 801 МВт из Берлина и 3 турбогенератора общей мощностью 60 МВт из Ростка и Финова². Демонтаж оборудования, изготовленного по европейским техническим стандартам, был выполнен особыми монтажными управлениями (ОМУ НКВД), имевшими в своем составе специалистов высокой квалификации³. Демонтированное оборудование было произведено в 1930-х годах и ранее, поэтому зачастую требовало капитального ремонта, при этом часть его была повреждена или не имела технической документации.

Общая энергетическая мощность трофейного оборудования, поступившего из Германии в СССР, составляла около 1900 МВт, что сравнимо с мощностью двух энергоблоков современной атомной электростанции. Мощность трофейного оборудования, установленного на ленинградских электростанциях, составила не более 60 МВт, т. е. около 3% общей мощности трофейного специмпорта. Суммарная генераторная мощность электростанций СССР достигла довоенного значения (11 200 МВт) [4, с. 98] в конце 1945 г., а предвоенный уровень мощности и выработки электроэнергии в ленинградской энергосистеме был преодолен только в конце 1949 г.⁴

¹ Оборудование, поступившее в Ленинград, было демонтировано на заводах «Остермана», «Зейферд и Компания» и «Братья Дауст» в Германии; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 419, Д. 421, Д. 426.

² На электростанциях в Дрездене и Шеттине были демонтированы 44 турбогенератора и 78 станционных котлов общей мощностью 1032 МВт, в Берлине — 36 турбогенераторов и 35 котлов мощностью 801 МВт, в Ростке и Финове — 3 турбогенератора общей мощностью 60 МВт (РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 417, Д. 418, Д. 419).

³ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8811. Оп. 3. Д. 227.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 542. Л. 32–38.

Необходимо отметить, что использование трофейного оборудования обеспечило только временное решение острой проблемы нехватки электроэнергии в условиях отсутствия ремонтных ресурсов. Германское станционное оборудование было рассчитано на использование газа, угля и мазута. В период блокады все ленинградские электростанции были переведены на использование торфа, поэтому установка трофейного оборудования в послевоенном Ленинграде явилась фактором модернизации городского энергетического комплекса, ускоряющим процесс газификации и обратный переход ленинградских электростанций с торфа на уголь. Для решения задач, связанных с модернизацией ленинградских энергопредприятий, привлекались новаторские бригады производственников и коллективы научно-технических организаций города.

Признавая значимую роль ЛГК ВКП(б) в процессе координации восстановления энергетического комплекса, необходимо отметить, что партийные функционеры, имевшие полномочия по контролю за деятельностью предприятий энергетической отрасли города, к своей работе часто относились формально, имели низкий уровень инженерной и экономической подготовки и оценивали своих подопечных, в первую очередь, с точки зрения качества проведенной ими агитационной работы и личной преданности.

Новаторское сотрудничество, фактически возникшее на ленинградских предприятиях еще в период блокады, получило вынужденное официальное признание ЛГК ВКП(б) только в 1949 г. [6, с. 139] после того, как в марте 1948 г. в США был принят лицензионный порядок экспорта энергетического и другого промышленного оборудования в СССР и Китай [7]. В марте 1949 г. по инициативе руководства города было принято обращение 140 научно-исследовательских институтов Ленинграда ко всем ученым и научным работникам высших учебных заведений о создании формата «творческого содружества» с производственными предприятиями. Коллективное обращение было подписано ведущими ленинградскими научными коллективами, в том числе Политехнического института им. М.И. Калинина, Технологического института им. Ленсовета и Инженерно-экономического института [6, с. 139]. Благодаря введенным экономическим санкциям партийные органы стали уделять повышенное внимание работе ленинградских энергетиков, связанной с разработкой и внедрением новых образцов советской техники. На электростанциях города было введено обязательное изучение английского языка для инженерно-технического персонала, работавшего с технической документацией¹.

Вместе с тем санкционный фактор оказал негативное влияние на восстановление других энергосистем, расположенных на ранее оккупированных территориях и разрушенных во время войны. Снижение темпов роста производства в этих энергосистемах в период 1948–1949 гг. составило около 15%². При этом экономические санкции в меньшей степени отразились на работе энергосистем, расположенных в восточных районах страны. Необходимость использования импортного оборудования там, как правило, была значительно ниже. Однако, учитывая, что доля затрат на машиностроение в общей сумме капитальных вложений в первой половине 1950-х годов в СССР была в три раза ниже, чем в США, эти предприятия без проведения реконструкции быстро «становились своеобразными музеями промышленного антиквариата» [2].

В июне 1951 г. США дополнительно ограничили поставки в СССР около 1700 групп товаров. В этих условиях Минвнешнеторг заключал сделки с европейскими компаниями, на которые американские санкции не распространялись. В справках о при-

¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 1139. Оп. 2. Д. 28. Л. 7, 8.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 542. Л. 32–38.

обретенных товарах в 1952 г. были указаны трубопроводы для гидроэлектростанций, турбогенераторы, электролампы, высоковольтные выключатели, энергетические паровые котлы большой мощности и многое другое [11, с. 528–531].

После испытания на Семипалатинском полигоне первой в мире водородной бомбы в 1953 г. США свернули все программы технической помощи СССР. После прекращения прямых поставок крупного оборудования из США в 1954 г. были заключены последние контракты с европейскими компаниями с целью обеспечения электрификации сельскохозяйственных предприятий¹. По этой причине рост генераторной мощности советских электростанций за счет импорта практически прекратился. Тем не менее, наращивание отечественного производства, в первую очередь — на ленинградских заводах, позволило советским энергетикам сокращать разрыв с США по установленной мощности энергетических объектов. Если в 1953 г. производство энергоресурсов в США превышало выработку в СССР в четыре раза², то в 1958 г. мощность американских станций только в три раза превысила суммарную мощность советских электростанций, которая составляла 53,4 тыс. МВт³.

В результате проведенной в послевоенные годы модернизации ленинградской энергетической отрасли уже в первой половине 1950-х гг. в городе была создана база импортозамещающего производства для обеспечения потребностей энергосистем всей страны. Это позволило существенно снизить технологическую зависимость СССР от промышленно развитых стран. Разработка более совершенных отечественных аналогов импортного оборудования на ленинградских заводах стала одним из немногих примеров положительного реагирования на введение экономических санкций. В этих целях в течение только одного 1953 г. коллектив Ленинградского политехнического института установил сотрудничество с 96 предприятиями, при этом более 400 научных сотрудников института принимали непосредственное участие в разработке и улучшении оборудования и технологии производства⁴.

Успехи ленинградских энергетиков были достигнуты вопреки снижению эффективности управления энергетической отраслью после смены руководства страны в 1953 г. Ряд архивных документов свидетельствует о систематическом недостаточном финансировании ленинградских энергетических предприятий⁵. Кроме этого, межведомственная разобщенность на уровне союзных ведомств и отсутствие согласованности действий энергетических и строительных организаций, подчиненных, с одной стороны, Министерству электростанций СССР, с другой стороны, созданному по инициативе Н. С. Хрущева Министерству строительства электростанций СССР, явились причиной нарушения плановых сроков ввода в эксплуатацию ряда энергетических объектов. Так, руководство Ленэнерго в 1956 г. планировало построить 1700 км линий электропередачи, а планы Ленэлектросетьстроя предусматривали строительство всего 1000 км линий, что составляло 59% от объемов строительства, необходимого для обеспечения надежной работы энер-

¹ В 1954 г. были заключены два больших контракта с фирмами R.A.Lister & Company Ltd. и Brush Group из Великобритании на поставку 90 дизельных электростанций мощностью по 410 кВт на сумму 4 млн долл., комплектующие для дизельных станций, турбины и трансформаторы на общую сумму 12 млн долл.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1188. Л. 18.

³ Народное хозяйство СССР в 1968 г. Статистический ежегодник. М. : 1969 г. Издательство «Статистика». 832 с.

⁴ Правда. 1953, 30 марта.

⁵ В 1954 г. для выполнения работ по строительству новых электросетей Ленэнерго направило заявку в Главсевзапэнерго на 30 млн руб., было выделено 20,4 млн руб.; в 1955 г. требовалось 36 млн руб., получено — 26 млн руб.; в 1956 г. подана заявка на 28,9 млн руб., было выделено 22,5 млн руб.

госистемы. Неоднократные обращения руководства Ленэнерго в вышестоящие ведомства результатов не принесли¹.

В первой половине 1950-х годов на Ленинградском металлическом заводе и «Электросиле» были выпущены турбины и генераторы для гидроузлов «Большой Волги», в том числе для Цимлянской [3, с. 60], Куйбышевской и Сталинградской ГЭС [1, с. 206]. Для развития крупнейшей в Европе Днепровской ГЭС, на которой в ходе ее восстановления в конце войны использовалось американское оборудование, были установлены новые турбины из Ленинграда². Ленинградская энергосистема обеспечивалась материальными ресурсами по остаточному принципу. Дубровская ГРЭС, входящая в состав ленинградской энергосистемы и полностью разрушенная в первые месяцы войны, строилась с использованием исключительно отечественного оборудования. После своего частичного восстановления в декабре 1945 г.³ станция смогла достичь довоенной мощности только в 1959 г., т. е. через десять лет после того, как в 1949 г. ленинградская энергосистема достигла довоенных показателей по производству электроэнергии.

Необходимо отметить еще один существенный аспект технологического отставания в развитии советской энергетики и смежных с ней отраслей. Условия мобилизационной экономики и директивного метода управления позволили достигнуть выдающихся результатов в военной промышленности. Несмотря на значительные сокращения производства в этой отрасли в середине 1950-х годов, технические изобретения и новшества, как правило, имели секретный характер и не использовались в народном хозяйстве. Последнее обстоятельство в дальнейшем стало причиной вынужденного приобретения лицензий на использование многих «ноу-хау», созданных в СССР, но уже запатентованных и успешно внедренных в широкое производство за рубежом. Возникла парадоксальная ситуация, когда советские, а затем и российские производители высокотехнологичной продукции в различных отраслях экономики не имели возможности или формального права воспользоваться плодами интеллектуальной деятельности, созданных еще в советское время советскими инженерами и учеными. Не стала исключением атомная энергетика. Несмотря на выдающиеся научные открытия и технические достижения в области создания атомного оружия, в конце 1950-х годов в СССР был введен в строй всего один блок Сибирской АЭС мощностью 100 МВт, в США к этому времени действовали более десяти АЭС общей мощностью около 1000 МВт. До конца шестидесятых годов в СССР было построено всего четыре атомных станции, а в США в 1970 г. были введены в строй более 70 АЭС [15, с. 334].

Признавая значительные успехи как в оборонной, так и в энергетической отрасли в период четвертой и пятой пятилеток, нельзя забывать, что эти результаты были достигнуты в условиях централизованного управления, наличия неограниченных людских ресурсов ГУЛАГа и приоритетного материального снабжения, в том числе за счет поставок ленд-лиза. С использованием труда заключенных и военнопленных в период 1940–1950-х годов на северо-западе страны были восстановлены и построены около двух десятков мощных энергетических объектов, связанных с ленинградской энергетической системой, в том числе: Верхне-Свирская ГЭС, Нижне-Свирская ГЭС, Энсо ГЭС, Ивановская ГЭС, Свирь-3 ГЭС, Дубровская ГРЭС, ленинградские ТЭЦ и другие [5, с. 18, 62, 91, 100].

¹ ЦГАИПД СПб. Ф.475. Оп. 7. Д. 2. Л. 71.

² Генераторы для Днепровской ГЭС в 1944 г. были изготовлены фирмой General Electric, а три водяные турбины — фирмой Newport New Shipbuilding and Dry Dock Co, мощность каждой из них составляла 67 МВт. Заказ на создание аналогичных шести турбин был передан Ленинградскому металлическому заводу. Новые турбины имели такие же габариты, как и турбины из США, однако их мощность составляла 75 МВт.

³ Ленинградская правда. 1945, 31 декабря.

Фактическая ликвидация ГУЛАГа во второй половине 1950-х гг. стала причиной остановки многих крупных объектов энергетического строительства. Через год после принятия шестого пятилетнего плана правительство пришло к выводу, что поставленные задачи по энергоснабжению западных промышленных районов и развитию энергосистем в восточных районах страны являются невыполнимыми. Необходимость реформы управления народным хозяйством стала очевидной¹.

По мнению ряда исследователей, XX съезд КПСС не определил исход борьбы в партийной верхушке и конечную конфигурацию управления государством: партийное управление страной через собственный аппарат или через государственные органы при помощи партии [12, с. 208]. Проблемы экономического развития становились удобным поводом для устранения политических оппонентов. Так, например, в июне 1957 г. был снят с должности министр электростанций СССР Г. М. Маленков — давний оппонент Н. С. Хрущева.

В рамках новой программы полной электрификации транспорта и сельского хозяйства, принятой в новом семилетнем плане, вопросы функционирования и развития государственных энергетических систем должны были остаться в ведении союзного министерства, а региональную и местную энергетику планировалось постепенно перевести в ведение совнархозов. По инициативе Н. С. Хрущева вопросы развития энергетической отрасли единовременно были переданы на региональный уровень, что явилось самым коротким путем к провалу энергетической программы.

На наш взгляд, основное внутреннее противоречие проводимой Н. С. Хрущевым реформы промышленности заключалось в несовместимости территориальной системы управления народным хозяйством и структуры централизованной политической власти КПСС. Партаппарат использовал реформу в качестве инструмента для захвата и удержания власти, что не позволило выстроить эффективную территориальную модель управления и в полной мере реализовать ее потенциал. Были образованы промышленные обкомы партии, в составе которых отсутствовали отделы энергетики², вопросы развития энергосистем были отданы на откуп партийным функционерам, курирующим другие отрасли народного хозяйства. Границы экономических районов не были приведены в соответствие с административными границами регионов. Границы ответственности диспетчерских управлений энергетических систем не соответствовали ни тем, ни другим. Половинчатость реформы во многом предопределила ее неудачное завершение.

Вместе с тем существующая структура управления энергетическим комплексом не была способна обеспечить высокие темпы энергетического строительства. Низкая степень стандартизации процесса проектирования энергетических объектов не соответствовала требованиям времени. Так, на совещании в Министерстве строительства электростанций СССР в мае 1959 г. руководитель Теплоэлектропроекта В. Г. Жилин сообщил следующее: «Сравнение объемов проектных работ США и СССР не в нашу пользу. У нас объем листов рабочего проекта в два раза больше, чем в США; стоимость проектных работ у нас до 2% стоимости ГРЭС, а в США — 1%; сейчас на проект ГРЭС выпускается от 3000 до 4500 листов. Необходимо проектные организации оснастить счетно-вычислительной техникой» [9, с. 56]. Так в работе министерства находила выражение политическая установка: «догнать и перегнать Америку».

Западные страны проявляли значительный интерес к происходящим политическим изменениям и научно-техническим достижениям в СССР. Делегация Сената США по

¹ Реализация реформы началась в соответствии с Законом СССР от 10.05.1957 «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством».

² Ленинградский промышленный обком КПСС был образован 18 января 1963 г., в его составе отдел энергетики отсутствовал; ЦГАИПД СПб. Ф. 8437.

энергетической промышленности после визита в СССР в мае 1960 г. сделала отчет о «выдающихся советских достижениях» [15, с. 331–332]. Отчет содержал прогноз о том, что в случае успеха реформ в обозримом будущем Советский Союз превзойдет США по производству электроэнергии. Сенатская комиссия, которая заслушала отчет делегации, рекомендовала правительству США принять масштабную федеральную программу по использованию советского метода планирования экономики «на национальной основе». В США уже имелся успешный опыт государственного регулирования и планового развития энергетического сектора экономики [16]. В результате реализации двух пятилетних планов развития электроэнергетики в период 1902–1907 гг. и 1907–1912 гг. под контролем американского федерального правительства уровень производства электроэнергии в США в 1913 г. превысил данный показатель для России в 22,5 раза.

Отчеты двух других делегаций, посетивших СССР в этом же году, были реалистичными и содержали более сдержанные оценки. Так, делегация американской организации Edison Electric Institute¹ сделала вывод о том, что «несмотря на выполненную в стране электрификацию, экономические проблемы, с которыми столкнулся СССР, являются глубокими и масштабными» [17]. Канадская делегация представителей электроэнергетической промышленности отметила «высокий уровень организации производства на машиностроительных предприятиях, выдающиеся успехи в области передачи электроэнергии и гидрогенерации», однако по итогам посещения атомных станций, ТЭЦ и ГРЭС в отчете было указано, что в СССР «достижения в тепловой генерации и атомной энергетике практически отсутствуют» [18].

Комментируя отзывы иностранных делегаций, министр энергетики СССР П. С. Непорожний заявил: «Госплан СССР подорвал долгосрочную программу развития электроэнергетики на 1960-е гг., предусмотренную министерством в соответствии с указаниями Н. С. Хрущева» [9, с. 174]. По нашему мнению, критика в адрес Госплана, во главе которого стояли известные экономисты и организаторы производственной деятельности, была совершенно необоснованной. Финансирование и материальное обеспечение региональных объектов энергетики было распределено между совнархозами, при этом Н. К. Байбаков, председатель Госплана, неоднократно рекомендовал руководству страны сохранить централизованное управление ключевыми объектами энергетики, как минимум, до окончания реформы промышленности, начатой в мае 1957 г. [12, с. 209].

В этот период в США ключевые электростанции находились в ведении государства, кроме этого, одна из составляющих успеха американской энергетики в начале 1960-х годов заключалась в строительстве гидроаккумулирующих электростанций рядом с существующими крупными электростанциями. Эта мера, как и создание единой сетевой инфраструктуры в США, позволяла не только экономить значительный объем энергоресурсов, но и сглаживать пиковую нагрузку энергетических систем и таким образом избегать возникновения аварийных ситуаций, свойственных для американских энергосистем в послевоенный период [9, с. 4–5]. В СССР гидроаккумулирующие электростанции не строились до 1968 г.²

После посещения советской делегацией США в июне 1962 г. и ознакомления с наиболее крупными объектами и системой управления американскими энергосистемами министр энергетики П. С. Непорожний доложил Н. С. Хрущеву о результатах поездки. После основного доклада он сообщил о том, что на советских

¹ Edison Electric institute (Эдисоновский электротехнический институт) — профессиональная организация, объединяющая несколько сотен компаний, работающих в области электроэнергетики.

² Планируемая в 2011 г. Ленинградская ГАЭС для обеспечения экономичной работы двух ленинградских атомных электростанций построена не будет из-за отказа ПАО «РусГидро» и соответствующего решения Минэнерго России.

энергетических объектах, переданных в ведение совнархозов, происходят серьезные аварии, в том числе на турбинах и котлах электростанций. Выводы министра были категоричными: «энергосистемы должны быть переданы из совнархозов, требуется создать единое министерство энергетики и электрификации для завершения сплошной электрификации страны». Последовал уклончивый ответ Н. С. Хрущева: «Пройдет время, и мы эту задачу решим положительно» [9, с. 180]. Как известно, 26 сентября 1962 г. было образовано Министерство энергетики и электрификации СССР, но через полгода оно было упразднено и преобразовано в Государственный производственный комитет по энергетике и электрификации СССР, имеющий ограниченные полномочия. Комитет существовал до 1965 г., когда по решению Совета министров СССР данное министерство было создано вновь.

На основе восстановленного ведомства с опозданием почти на 10 лет планировалось начать реализацию широкой программы развития энергетической системы СССР с использованием научно-технических достижений советских ученых, как это произошло ранее на рубеже 1940–1950-х гг. в энергетической отрасли Ленинграда. На новом этапе развития внедрялись системы автоматизации и диспетчеризации, значительная часть объектов сетевой инфраструктуры стала функционировать без обслуживающего персонала. В ходе реализации программы было завершено начатое в 1950-х годах строительство крупных гидроэлектростанций и магистральных линий электропередачи на Урале и востоке страны. Вместе с тем основы успехов «золотой» восьмой пятилетки были заложены в конце 1950-х годов, когда было начато строительство Братской, Красноярской и Саратовской ГЭС, Приднепровской ГРЭС. Еще в 1956–1960 гг. ленинградским институтом «Ленгидроэнергопроект» была разработана схема гидроэнергетического использования Енисея, а в 1963 г. начался подготовительный этап строительства Саяно-Шушенской ГЭС. Если в 1953 г. США превосходили СССР по выработке электроэнергии в четыре раза¹, то в 1964 г. — только в два раза (695 и 348 млн МВтч соответственно) [9, с. 243].

Одновременно с возведением объектов энергетики на территории СССР в 1960-х годах началось строительство многочисленных ГЭС и АЭС в виде братской (безвозмездной) помощи дружественным странам со стороны СССР². Суммарная энергетическая мощность всех объектов, построенных после 1964 г. советскими энергостроителями как в СССР, так и за его границами была сравнима с мощностью электростанций, сооруженных в США. Однако разница объемов производства электроэнергии на территории СССР и в США продолжала расти по причине широкого строительства объектов энергетики по советским проектам и силами советских специалистов за границей.

За период 1985–1990 гг. объем выработки электроэнергии в СССР увеличился на 290 млн МВтч, в США за тот же период увеличение выработки составило 583 млн МВтч, т. е. в два раза больше. Как мы видим, двойное превышение производственных показателей в энергетических отраслях США и СССР, имевшее место в 1964 г., сохранялось до 1990 г. в течение 25 лет. Таким образом, советское правительство на протяжении четверти века не смогло обеспечить тех успехов в экономическом соревновании с США, которые были достигнуты за 10 лет правления Н. С. Хруще-

¹ РГАЭ. Ф.1562. Оп. 33. Д. 1188. Л. 18.

² В перечень основных объектов и работ, выполненных СССР в период 1960–1980-х годов, например, в Афганистане, входили 36 крупных энергетических объектов, в том числе: ГЭС Наглу с установленной мощностью 100 мегаватт, ГЭС Дарунта (45 МВт), ГЭС Суроби (22 МВт), ГЭС Махипар (15 МВт), а также более двух десятков ирригационных гидроэлектростанций небольшой мощности. При техническом содействии США в Афганистане была построена одна электростанция ГЭС Каджаки мощностью 33 МВт в Кандагаре (1967 г.).

ва¹. На наш взгляд, одной из причин торможения являлось несоответствие мобилизационной модели экономики вызовам мирного времени и усилению интенсивных факторов развития в условиях отсутствия неограниченных дешевых трудовых ресурсов, имевшихся в стране до 1960 г.

В 1970–1980-е годы кризис социалистической плановой экономики в условиях холодной войны существенно сократил планы модернизации советской энергетики. Создавались топливно-энергетические базы в Сибири и других регионах для обеспечения территориально-промышленных комплексов и увеличения добычи нефти. Государственная энергетическая политика была ориентирована на экстенсивное развитие и обеспечение сырьевого сектора экономики. Сдача объектов в эксплуатацию, в том числе энергоблоков атомных станций, привязывалась к праздничным или другим значимым датам, например, к завершению пятилеток или к открытиям партийных съездов. В результате страдало качество выполненных работ², что приводило к аварийным ситуациям.

Обмен делегациями СССР и США по вопросам энергетики продолжался до конца 1970-х годов, однако после ввода советских войск в Афганистан официально прекратился³.

Признавая, что перестройка управления экономикой в 1957–1964 гг. явилась «первой попыткой реформирования советской системы в условиях преодоления негативного наследия сталинизма» [12, с. 206], нельзя сбрасывать со счетов огромный опыт активного научно-технического сотрудничества с западными странами и успехи советских ученых и энергетиков в период сталинской модернизации страны.

После смены руководства СССР в 1953 г., а затем в 1964 г., в ходе борьбы за власть и утверждения своего статуса «ядра политической системы»⁴, КПСС дважды отказалась от реформирования системы управления экономикой на основе технологического обновления промышленности и упустила исторический шанс развить успехи, достигнутые ценой огромных материальных и людских потерь и самоотверженного труда всей страны в период войны и годы послевоенных пятилеток.

Литература

1. *Арсенал электрификации*: Краткий очерк истории ленинградского завода «Электросила» им. С. М. Кирова. Л., 1960. 268 с.
2. *Ваксер А. З.* Малоизвестные страницы периода послевоенного возрождения. Бумеранг репараций [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.aif.ru/archive/1642503> (дата обращения: 22.01.2022).

¹ Среднее годовое значение темпов роста советской энергетики за годы хрущевских реформ составляло около 10%, в период 1965–1990 гг. данный показатель находился на уровне 1,5%.

² В ноябре 1979 г. на коллегии Минэнерго директор Чернобыльской АЭС В. П. Брюханов сообщил о плохой работе системы защиты и отсутствии запасных частей, но выводы сделаны не были. В дальнейшем, 9 сентября 1982 г. после выполненного планового ремонта на 1-м энергоблоке произошла авария с деформацией графитовой кладки активной зоны. Энергоблок был выведен из эксплуатации, последствия аварии были ликвидированы.

³ Делегации представителей энергетической и электротехнической промышленности США посетили крупнейшие электростанции и научно-исследовательские институты СССР в октябре 1970 г., апреле 1974 г., декабре 1975 г. и декабре 1977 г.; советские делегации во главе с министром энергетики СССР Непорожним П. С. посещали США в июне 1964 г., апреле 1969 г., сентябре 1974 г. и июне 1979 г.

⁴ Согласно ст. 6 Конституции СССР «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза...».

3. Губанов П. П. Строители турбин. Л., 1959. 122 с.
4. Жимерин Д. Г. Советская энергетика в Великую Отечественную войну и в первые послевоенные годы // Вопросы истории. 1986. № 12. С. 91–99.
5. *Заключенные на стройках коммунизма*. ГУЛАГ и объекты энергетики в СССР. Собрание документов и фотографий / отв. ред. и сост. О. В. Хлевнюк. М., 2008. 448 с.
6. Лавриков Ю. А., Мазалов Е. В., Кузнецов А. П. Очерк экономического развития ленинградской индустрии за 1917–1967 гг. Л., 1968. 392 с.
7. Лазарева Л. Н. Послевоенные санкции против СССР: взгляд запада // Родина. 2015. № 8. С. 120–128.
8. Непорожний П. С. Электрификация и энергетическое строительство. М.-Л. : Госэнергоиздат, 1961. 190 с.
9. Непорожний П. С. Энергетика страны глазами министра. М., 2019. 1198 с.
10. Рычкова О. В. Американская пресса о промышленном потенциале СССР, 1944–1945 гг. // Вестник ТПГУ. Серия Гуманитарные науки (История. Археология. Этнология). 2007. № 3 (66). С. 136–140.
11. *Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии 1947–1953 гг. Документы и материалы*. М., 2017. 648 с.
12. Щербакова Т. И. Анализ предпосылок реформы управления промышленностью 1957–1964 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. История. 2011. № 4. С. 206–211.
13. Sutton A. Western technology and Soviet economic development. 1917 to 1930. Stanford : Hoover Institution Press Stanford University, 1970. 381 p.
14. Sutton A. Western technology and Soviet economic development. 1930 to 1945. Stanford : Hoover Institution Press Stanford University, 1971. 401 p.
15. Sutton A. Western technology and Soviet economic development. 1945 to 1965. Stanford : Hoover Institution Press Stanford University, 1973. 482 p.
16. *The Report of the Department of Commerce Bureau of the Census of the USA «Central electric light and power stations and street and electric railways, 1912»*. Washington Government Printing Office. 1915. 440 p.
17. *The Report on U. S. S. R. Electric Developments. 1958–1959*. New York : Edison Electric Institute, 1960.
18. *The Report of Visit to U. S. S. R. by Delegation from Canadian Electric Utilities. May 14 to June 2, 1960*. Toronto : September 9, 1960.
19. U. S. State Department. Report on War Aid Furnished by the United States to the U. S. S. R. Washington : Office of Foreign Liquidation, 1945.

Об авторе:

Авданин Владимир Владимирович, главный специалист Комитета по градостроительству и архитектуре Правительства Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат исторических наук; avdanin@mail.ru

References

1. Electrification Arsenal: A brief sketch of the history of the Leningrad plant “Electrosila” named after S. M. Kirov. L., 1960. 268 p. (in Rus).
2. Waxer A. Z. Little-known pages from the post-war revival period. Boomerang reparations [Electronic resource]. URL: <https://archive.aif.ru/archive/1642503> (in Rus).
3. Gubanov P. P. Turbine builders. L., 1959. 122 p. (in Rus).
4. Zhimerin D. G. Soviet energy in the Great Patriotic War and in the first post-war years // Questions of history [Voprosy istorii]. 1986. N 12. P. 91–99 (in Rus).
5. Prisoners at the construction sites of communism. Gulag and energy facilities in the USSR. Document and Photo Collection / Ex. Ed. O. V. Khlevnyuk. M., 2008. 448 p. (in Rus).
6. Lavrikov Yu. A., Mazalov E. V., Kuznetsov A. P. Essay on the economic development of the Leningrad industry for 1917–1967. L., 1968. 392 p. (in Rus).
7. Lazareva L. N. Post-war sanctions against the USSR: a look of the West // Homeland [Rodina]. 2015. N 8. P. 120–128 (in Rus).
8. Neporozhny P. S. Electrification and Energy Construction. M.-L.: Gosenergoizdat, 1961. 190 p. (in Rus).

9. Neporozhny P.S. Energy of the country through the eyes of the minister. M., 2019. 1198 p. (in Rus).
10. Rychkova O.V. American press on the industrial potential of the USSR, 1944–1945 // Bulletin of TPSU. Humanities series (History. Archaeology. Ethnology) [Vestnik TPGU. Seriya Gumanitarnye nauki (Istoriya. Arkheologiya. Etnologiya)]. 2007. N 3 (66). P. 136–140 (in Rus).
11. Stalinist economic inheritance: Plans and discussions 1947–1953 Documents and materials. M., 2017. 648 p. (in Rus).
12. Shcherbakova T.I. Analysis of the prerequisites for industrial management reform 1957–1964 // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. History [Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Istoriya]. 2011. N 4. P. 206–211 (in Rus).
13. Sutton A. Western technology and Soviet economic development. 1917 to 1930. Stanford : Hoover Institution Press Stanford University, 1970. 381 p.
14. Sutton A. Western technology and Soviet economic development. 1930 to 1945. Stanford : Hoover Institution Press Stanford University, 1971. 401 p.
15. Sutton A. Western technology and Soviet economic development. 1945 to 1965. Stanford : Hoover Institution Press Stanford University, 1973. 482 p.
16. The Report of the Department of Commerce Bureau of the Census of the USA «Central electric light and power stations and street and electric railways, 1912». Washington Government Printing Office. 1915. 440 p.
17. The Report on U. S. S. R. Electric Developments. 1958–1959. New York : Edison Electric Institute, 1960.
18. The Report of Visit to U. S. S. R. by Delegation from Canadian Electric Utilities. May 14 to June 2, 1960. Toronto : September 9, 1960.
19. U.S. State Department. Report on War Aid Furnished by the United States to the U.S.S.R. Washington : Office of Foreign Liquidation, 1945.

About the authors:

Vladimir V. Avdanin, Chief Specialist of the Urban Planning and Architecture Committee of the Government of St. Petersburg (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of historical sciences; avdanin@mail.ru

Феномен недоверия в церковно-государственных отношениях Российской империи в 1860–1870-х годах

Конфликты между Консульством и Русской духовной миссией в Иерусалиме*

Алексеев А. И.

Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Российская Федерация; a.alexeev@nlr.ru

РЕФЕРАТ

История российского присутствия в Палестине получила достойное освещение в литературе. В последние годы наблюдается активный всплеск интереса к этой теме. При этом некоторые аспекты взаимоотношений между Русской духовной миссией и Консульством в Иерусалиме остаются недостаточно исследованными. В статье анализируются три наиболее острые конфликтные ситуации, имевшие место в истории Второй, Третьей и Четвертой миссий в Иерусалиме: при епископе Кирилле (Наумове) в 1857–1862 гг., архимандрите Леониде (Кавелине) в 1864–1865 гг. и при архимандрите Антонине (Капустине) в 1879–1881 гг. Корпус опубликованных документов из фондов Архива внешней политики и других архивов позволяет выявить позиции конфликтующих сторон и проследить основные процессы развития кризисных ситуаций. Впервые в научный оборот вводятся документы из фондов Отдела рукописей РНБ. Изучение переписки консулов и стоявших за их спинами членов Палестинского комитета, а также начальников русских духовных миссий позволило выявить скрытые причины конфликтов. Светский по своему характеру Палестинский комитет сделался единственным распорядителем в строительстве и управлении всеми русскими религиозными зданиями в Палестине. При этом Духовная миссия лишилась всех средств воздействия на многочисленных паломников из России. Иерусалимское консульство, по форме являясь официальным представительством МИДа, на деле действовало как агентство Российского общества пароходства и торговли. Во всех конфликтных ситуациях Консульство пользовалось поддержкой МИДа, а Св. Синод практически не принимал мер к защите миссии. Два начальника миссии епископ Кирилл (Наумов) и архимандрит Леонид (Кавелин) были удалены со своих постов из-за интриг консулов. Архимандрит Антонин (Капустин) сохранил свой пост только случайно по причине заступничества влиятельных вельмож. В основе всех конфликтных ситуаций лежало глубокое недоверие светских институций к духовным властям. Особенно рельефно эти проявления недоверия проявлялись на Святой земле.

Ключевые слова: Русская духовная миссия, Консульство в Иерусалиме, епископ Кирилл (Наумов), архимандрит Леонид (Кавелин), архимандрит Антонин (Капустин)

Для цитирования: Алексеев А. И. Феномен недоверия в церковно-государственных отношениях Российской империи в 1860–1870-х годах. Конфликты между Консульством и Русской духовной миссией в Иерусалиме // Управленческое консультирование. 2022. № 4. С. 111–120.

The Phenomenon of Mistrust in Church-State Relations of the Russian Empire in the 1860–1870s. Conflicts between the Consulate and the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem

Alexey I. Alekseev

Russian National Library, St. Petersburg, Russian Federation; a.alexeev@nlr.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-09-41009.

ABSTRACT

The history of the Russian presence in Palestine has received a worthy coverage in the literature. In recent years, there has been an active surge of interest in this topic. At the same time, some aspects of the relationship between the Russian Ecclesiastical Mission and the Consulate in Jerusalem remain insufficiently studied. The article analyzes the three most acute conflict situations that took place in the history of the Second, Third and Fourth Missions in Jerusalem: under Bishop Kirill (Naumov) in 1857–1862, Archimandrite Leonid (Kavelin) in 1864–1865 and under Archimandrite Antonin (Kapustin) in 1879–1881. The corpus of published documents from the funds of the Foreign Policy Archive and other archives makes it possible to identify the positions of the conflicting parties and trace the main processes of the development of crisis situations. For the first time, documents from the funds of the Department of Manuscripts of the Russian National Library are being introduced into scientific circulation. The study of the correspondence between the consuls and the members of the Palestinian Committee who stood behind them, as well as the heads of the Russian ecclesiastical missions, revealed the hidden causes of the conflicts. Secular in nature, the Palestinian Committee became the sole steward in the construction and management of all Russian religious buildings in Palestine. At the same time, the Spiritual Mission lost all means of influencing the numerous pilgrims from Russia. The Jerusalem consulate, being the official representation of the Foreign Ministry, in fact acted as an agency of the Russian Society of Shipping and Trade. In all conflict situations, the Consulate enjoyed the support of the Ministry of Foreign Affairs, and the Holy Synod practically did not take measures to protect the mission. Two chiefs of the mission, Bishop Kirill (Naumov) and Archimandrite Leonid (Kavelin), were removed from their posts due to the intrigues of the consuls. Archimandrite Antonin (Kapustin) retained his post only by accident due to the intercession of influential nobles. All conflict situations were based on the deep distrust of secular institutions in the spiritual authorities. These manifestations of mistrust were especially vividly manifested in the Holy Land.

Keywords: Russian Ecclesiastical Mission, Consulate in Jerusalem, Bishop Kirill (Naumov), Archimandrite Leonid (Kavelin), Archimandrite Antonin (Kapustin)

For citing: Alekseev A. I. The Phenomenon of Mistrust in Church-State Relations of the Russian Empire in the 1860–1870s. Conflicts between the Consulate and the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem // Administrative consulting. 2022. N 4. P. 111–120.

Введение

Три последовательных события оформили конфигурацию русского присутствия в Святой Земле после окончания Крымской войны: в 1856 г. организовано Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ), создавшее для паломников возможность пользоваться регулярными рейсами из Одессы в Яффу, в 1857 г. возобновилась деятельность Русской духовной миссии, а в 1858 г. открылось Консульство в Иерусалиме. Отношения между двумя последними институциями с самого начала сложились далеко не дружественными. Изучение истории русского присутствия в Палестине позволяет прийти к выводу, что в основе всех конфликтов между Консульством и Духовной миссией России в Иерусалиме лежало отсутствие доверия светской власти к представителям духовенства. Корпус опубликованных документов, а также документы из фондов РНБ позволяют детально проследить историю возникновения и протекания острых конфликтов между светскими и церковными институтами.

Материалы и методы

История Русской духовной миссии получила освещение в прекрасных трудах А. А. Дмитриевского, В. Н. Хитрово, Н. Н. Лисового и других исследователей [16; 17; 21; 28]. В последнее время многие неизученные аспекты истории Русской Палестины в XIX — начале XX вв. нашли отражение в исследовательских статьях [6; 7; 9; 14]. Появляются

публикации очень важных документов, позволяющие уточнить или заново описать многие эпизоды сложной и противоречивой истории русского присутствия в Святой Земле в этот период [2, с. 261–316; 3; 4; 10, с. 221–239; 12, с. 111–256; 23; 24]. Одной из дискуссионных тем являются конфликты в Иерусалиме между Русской духовной миссией и консульством. В центре нашего внимания будут находиться три самых резонансных конфликта, произошедших в период Второй, Третьей и Четвертой миссий в Иерусалиме: при епископе Кирилле (Наумове) в 1857–1862 гг., архимандрите Леониде (Кавелине) в 1864–1865 гг. и при архимандрите Антонине (Капустине) в 1879–1881 гг. Исследователи предлагают разные причины возникновения этих конфликтов.

А. Г. Грушевой считает, что «в основе осложнения отношений между всеми российскими представителями на Ближнем Востоке был прежде всего чисто человеческий фактор — отсутствие четкого разграничения между сферами полномочий этих институтов» [15, с. 265]. Нечеткость разграничения полномочий, разумеется, является общим местом ситуаций конкурентной борьбы между представительствами разных ведомств. Неустранимым противоречием, однако, являлось то обстоятельство, что строительство всех русских сооружений для религиозных целей было возложено на светский по характеру Палестинский комитет, а осуществление государственной и церковной политики доверено дельцам РОПИТ. Митрополит Филарет (Дроздов) справедливо задавался вопросом: «Что делает или хочет делать Пароходное Общество? Не видно. Оно хочет строить церковь, помещения и больницу для поклонников. Но это не больше ли принадлежит Духовной Миссии, нежели Обществу пароходства и торговли? А между тем деньги, собираемые на богоугодные заведения в Иерусалиме, Общество пароходства и торговли имеет в своих руках и заботится, как бы и впредь в большом количестве получать их в свои руки» [27, с. 378]. Главным распорядителем палестинских дел стал Б. П. Мансуров — человек незаурядного дарования с авантюрными наклонностями, не склонный идти на компромисс с начальниками русской Духовной миссии [11, с. 368–373]. В глазах деятелей «Иерусалимского проекта» Русской духовной миссии отводилась второстепенная и несамостоятельная роль.

Результаты и обсуждение

Период начального благожелательного сотрудничества первого русского консула в Иерусалиме В. И. Доргобужинова и стоящего за его спиной Б. П. Мансурова с епископом Кириллом (Наумовым) продлился не более двух месяцев. Негативная оценка преосвященного Кирилла появляется под пером Мансурова в письме Д. А. Оболенскому от 15 (27) ноября 1858 г.: «он, решительно, чиновник и больше ничего; говорит красно, но мелкодушен, страшно неопытен, увлекается всем, что льстит ему на словах, и лежковерен до невероятия при совершенном отсутствии характера» [12, с. 169]. Причиной перемены послужили неумелые, на взгляд Б. П. Мансурова, действия Кирилла в деле приобретения земли для русских построек в Иерусалиме. В письме А. В. Головнину от 13 (25) октября 1859 г. Б. П. Мансуров выражается вполне однозначно: «с таким епископом никакое дело не пойдет нигде и не может идти, потому что он везде видит и ценит только себя и себя» [12, с. 222]. В своей записке от октября 1859 г., в которой описывается начальный период «Иерусалимского проекта», Б. П. Мансуров инкриминирует главе духовной миссии целый набор системных ошибок: в полном незнании реалий Иерусалима и в неумении вести дела; в расходовании лишних денежных сумм; в предвзятом и враждебном отношении к Б. П. Мансурову и консулу В. И. Доргобужинову; в стремлении буквально придерживаться инструкций [12, с. 239]. В период 1858–1859 гг. практически все заведывание русскими постройками, включая госпиталь для паломников, перешло

в руки консульства. Само же Иерусалимское консульство, по форме являясь официальным представительством МИДа, на деле действовало как агентство Российского общества пароходства и торговли. Это хорошо понимал и епископ Кирилл, когда в письме посланнику в Константинополе князю А. Б. Лобанову-Ростовскому от 13 января 1859 г. писал: «но я не поступлюсь убеждением, что здесь всю роль играет Компания, спорящая с Министерством, и, не шутя, буду просить Министерство разделить Агентство <РОПИТ> с консульством» [26, т. 2, с. 155].

Донесение консула А. Н. Карцова подвело черту под деятельностью епископа Кирилла (Наумова) на посту главы Русской духовной миссии. Высочайшая резолюция на донесении А. Н. Карцова гласила: «Крайне грустно, если все это правда. Но и слухов сих было бы достаточно, чтобы не оставить его на месте» [16, с. 215]. Митрополит Филарет и обер-прокурор А. П. Ахматов относились к епископу Кириллу неблагосклонно. Спустя месяц появился Указ Св. Синода об увольнении епископа Кирилла от должности и отправлении его в Казанскую епархию для управления Спасо-Преображенским монастырем. Решение Св. Синода было принято по докладу обер-прокурора «касательно образа жизни начальника Иерусалимской Духовной миссии». Попытки епископа Кирилла оправдаться в письме на имя обер-прокурора Св. Синода А. П. Ахматова остались безрезультатными [26, т. 2, с. 187–189].

Описывая начальную стадию конфликта между главой Третьей Русской духовной миссии и консульством, А. Г. Грушевой констатирует, что «у архимандрита Леонида с первых месяцев пребывания в Иерусалиме не сложились деловые отношения и с русским консулом в Иерусалиме, и с членами самой Миссии, постоянно жаловавшимся консулу на неподобающее поведение архимандрита Леонида» [15, с. 273]. Далее, по мнению исследователя, в конфликт «оказался втянут глава Иерусалимской патриархии патриарх Кирилл». Выражения «не сложились деловые отношения», «оказался втянут» лишают нас возможности разобраться в обстоятельствах дела: какая из сторон выступила инициатором конфликта, каковы были мотивы конфликтующих сторон, на ком, в конце концов, лежит вина в грандиозной неудаче Третьей Духовной миссии в Святой земле. Стоит также заметить, что говорить о том, что отношения между главой миссии и консулом не сложились за несколько месяцев, значит серьезно искажать факты, поскольку в этом случае предполагается, что у обеих сторон было время на выстраивание отношений и желание их наладить. Между тем, как видно, именно у консула А. Н. Карцова не было ни времени, ни желания налаживать с главой Русской духовной миссии «деловые отношения» [1, с. 69–90].

Архимандрит Леонид возглавил Русскую духовную миссию в мае 1864 г. и вплоть до декабря того же года не общался с консулом, который находился в отпуске. Лишь 7 декабря консул прибыл в Иерусалим, а уже 12 декабря имел беседу с архимандритом Леонидом, которая стала началом конфликта между консульством и главой миссии. Консул прибыл в Иерусалим, уже готовый открыть враждебные действия против главы духовной миссии по плану Б. П. Мансурова, следовательно, нельзя говорить, что отношения не сложились за несколько месяцев. Отношения не сложились с самого начала, поскольку в планы распорядителя дел Палестинской комиссии Б. П. Мансурова не входило функционирование духовной миссии в качестве авторитетного и самостоятельного учреждения.

Вообще поведение консула А. Н. Карцова, как и многих делателей «Иерусалимского проекта» во главе с Б. П. Мансуровым, заставляет поставить вопрос о религиозности русской элиты середины XIX в. [5, с. 59–88; 8, с. 7–14; 17, с. 11–12]. Для правильного понимания ситуации необходимо принимать во внимание и нравственный облик главных участников конфликта. Архимандрит Леонид в письме обер-прокурору Св. Синода от 25 марта 1865 г. писал о консуле А. Н. Карцове: «При-

знаюсь откровенно, что с человеком таких убеждений я не желал бы встретиться не только в Святом Граде Иерусалиме, но и на большой дороге» [16, с. 293–294]. В письме А. С. Норову от 2 ноября 1865 г. характеристика консула подтверждается: «а теперь, прося простить мою, может быть, и не всегда разборчивую в выборе выражений откровенность (разумею относительно „добрейшего и благороднейшего“ А. И. Карцова, которого я не считаю врагом своим, но врагом нравственности христианской, человеком, как лично убедился, „без всяких правил и веры“; человеком, лучше которого выбрать для окончательного унижения нашего влияния духовного в Иерусалиме трудно найти между нашей современной молодежью)» [2, с. 293]. А. А. Дмитриевский писал: «иерусалимский консул Карцов, любивший широко и даже «бурно» пожить не только на парижских бульварах, но даже в самом Иерусалиме, имея точные инструкции из Петербурга и упоенный легкостью своей первой победы в борьбе с епископом милитопольским Кириллом при его удалении из Иерусалима, тотчас по возвращении из отпуска, осведомившись от своих единомышленников о положении дел на русских постройках, вступил с новым начальником миссии в крайне неприятные и резкие переговоры и сразу стал к нему в крайне натянутые отношения»¹.

Успех интриги А. Н. Карцова и полностью поддерживавшего его посла Н. П. Игнатьева был бы полным, если бы не Московский митрополит Филарет. Митрополит Филарет дал надлежащую оценку посланиям Иерусалимского патриарха, определив попытку апеллировать к светской власти как «нецерковное дело». Составленный Филаретом проект ответа на «неприятное послание патриарха» опирался на твердо установленные факты и был преисполнен достоинства. В ответе говорилось: «Святейший Синод не сомневается, что Ваше Блаженство, если бы имели в виду сии сведения, на несомненных документах основанные, то, с свойственным вам великодушием и предусмотрительностью, удержались бы от решительного осуждения архимандрита Леонида до приведения дела в законную ясность» [26, т. 2, с. 232]. Ответ Иерусалимскому патриарху был отправлен от имени первенствующего члена митрополита Новгородского Исидора. В Константинополе это послание по телеграмме от начальника Азиатского департамента Н. П. Стремоухова было перехвачено послом Н. П. Игнатьевым [16, с. 313; 26, т. 2, с. 238].

Посол Н. П. Игнатьев, деятельно поддерживавший интригу против архимандрита Леонида, из-за позиции Св. Синода оказался в сложном положении. Стремясь любым путем удалить Леонида из Иерусалима, он предложил комбинацию с перемещением настоятеля посольской церкви в Константинополе Антонина (Капустина) в Иерусалим, а Леонида — в Константинополь. Это решение устроило и МИД, и Св. Синод: уже 16 июня 1865 г. Антонину был послан указ о принятии дел Русской духовной миссии в Иерусалиме [16, с. 316]. В силу ряда причин архимандрит Антонин прибыл в Иерусалим только 11 сентября и приступил к приему дел, которое закончилось к 21 сентября с выездом архимандрита Леонида из Иерусалима. Антонин проявил себя как прирожденный дипломат, проведя расследование о беспорядках, он отправил в Синод свой отчет, в котором постарался никого не обидеть [26, т. 2, с. 241–253]. Сам Антонин прекрасно осознавал деликатный характер своей миссии и написал в письме Н. П. Игнатьеву: «о. Леониду я брат, Андрею Николаевичу — друг, Синоду — слуга, а Патриарху — послушный сын» [23, с. 46]. Можно сказать, что отчет Антонина, сгладив все острые углы былых конфликтов,

¹ Российская национальная библиотека (РНБ). Ф. 253, Дмитриевский А. А. Ед. хр. 176. Л. 8 (Дмитриевский А. А. Очерк жизни и деятельности архимандрита Леонида Кавелина, третьего начальника русской духовной миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению Православного Востока).

представил их следствием отсутствия «решительной черты, определяющей круг действий консульства и миссии» [26, т. 2, с. 329]. Без большого риска ошибиться, следует сказать, что этот вывод Антонина лег в основу последующей историографии «Иерусалимского проекта». Что же касается конфликта с Иерусалимским патриархом, то он, по мысли Антонина, был неизбежным следствием ревности греческого духовенства к представителям русской церкви и желанием быть единственными хозяевами Святой земли [23, с. 46].

В истории Третьей Русской духовной миссии в Иерусалиме более всего поражает позиция представителей Министерства иностранных дел: неизменно благожелательная по отношению к греческому духовенству, она равнодушна и даже враждебна по отношению к духовенству русскому, что особенно показательно в деле архимандрита Леонида. Встретив моральное осуждение своего поведения от главы Русской духовной миссии, А. Н. Карцов организует против него мятеж внутри самой миссии, а когда это не дает желаемых результатов, прибегает к вмешательству Иерусалимского патриарха, которого втягивает в конфликт, обещая полную поддержку своего ведомства. Столкнувшись с позицией Св. Синода, выступившего в защиту доброго имени главы духовной миссии, посол Н. П. Игнатьев и начальник Азиатского департамента Н. П. Стремоухов действуют исключительно в интересах греческого духовенства и поддерживают все голословные обвинения в адрес архимандрита Леонида. Перед этим сплоченным фронтом предпочитает капитулировать обер-прокурор граф Д. А. Толстой и только энергичные протесты митрополита Филарета спасают само существование духовной миссии.

В истории Четвертой Духовной миссии наиболее острая ситуация, угрожавшая ее существованию, имела место в 1879 г., когда русский консул в Иерусалиме Н. А. Илларионов составил проект преобразования Духовной миссии. Согласно этому проекту миссия фактически упразднялась, а вместо нее вводилась должность настоятеля Русской церкви в Иерусалиме [26, т. 2, с. 433–438]. Проект Илларионова получил одобрение в Палестинской комиссии, рассмотревшей его в январе 1879 г. [там же, с. 439–441]. Св. Синод в лице обер-прокурора графа Д. А. Толстого не готов был отстаивать существование Русской Духовной миссии [там же, с. 443–444]. С энергичными протестами против ликвидации миссии выступил ее глава архимандрит Антонин (Капустин) [там же, с. 450–456, 458–464]. Важный вклад в дело сохранения миссии внесли В. Н. Хитрово [13, с. 511–522] и К. П. Победоносцев [26, т. 2, с. 448–450]. Исключительную роль в борьбе за сохранение Русской Духовной миссии сыграл находившийся в отставке адмирал, член Государственного совета граф Е. В. Путятин.

Граф Евфимий Васильевич Путятин составил себе репутацию блестяще образованного морского офицера, сделавшего успешную карьеру на флоте и добившегося выдающихся успехов на дипломатическом поприще [19, с. 162–164]. Именно ему Россия была обязана заключением Симодского трактата с Японией, положившему начало русско-японским отношениям [20, с. 7–11]. Опыт административной деятельности графа Е. В. Путятина оказался не столь удачным — после пяти месяцев пребывания во главе Министерства народного просвещения он был вынужден оставить свой пост под влиянием студенческих волнений. С июня 1861 г. граф Е. В. Путятин был назначен членом Государственного совета, но фактически находился в почетной отставке.

Графа Е. В. Путятина отличала глубокая и искренняя религиозность. По свидетельству писателя И. А. Гончарова, Е. В. Путятин, будучи приверженцем английской аристократической культуры, одновременно отличался глубокой религиозностью и любовью к православной духовной литературе [22]. Во время пребывания в Японии Е. В. Путятин основывал главные надежды на укрепление и рост российского

влияния в этой стране с успехом духовной миссии: «Первым делом нашего высшего духовенства должно быть образование миссионерских училищ, в которых с малолетства следует вселять и обращать в первую потребность эту высшую степень христианской любви» [24, с. 198–199]. Он указывал на пример действий католиков и протестантов, активно занимающихся прозелетической деятельностью, и сетовал на пассивность русских светских и духовных властей, а также отмечал общее равнодушие образованного общества к религиозным делам. В бытность министром он даже предполагал передать начальную школу в ведение духовенства. Е. В. Путятин примыкал к кругу людей, которые горячо проповедовали православие и объединялись вокруг великого князя Сергея Александровича и обер-прокурора К. П. Победоносцева.

В фонде А. В. Головина в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится документ, который предельно кратко и емко выражает видение графом Е. В. Путятиным религиозной ситуации в Палестине в начале последней четверти XIX столетия¹. Письмо адресовано великому князю Константину Николаевичу, под патронатом которого действовал Палестинский комитет.

Как следует из письма, граф Е. В. Путятин сопровождал свою старшую дочь Ольгу, страдающую от грудной болезни, в Италию, но резкое похолодание заставило их перебраться в Каир. Проведя зиму в Каире, граф Е. В. Путятин решил посетить Иерусалим на Пасху и осуществил свое намерение в марте 1879 г. Осмотрев город и ознакомившись с положением Русской духовной миссии, граф Е. В. Путятин убедился в успехах католических и протестантских миссий, которые развернули масштабную работу по обращению местного населения. Познакомившись с архимандритом Антонином (Капустиным) узнал и о планах по ликвидации Русской духовной миссии с передачей ее функций генеральному консульству. Давнее убеждение Е. В. Путятина в необходимости активной прозелетической деятельности со стороны Православной церкви, высказанное им в период пребывания в Японии, получило новое подтверждение на Святой земле.

Предупредительное и уважительное поведение архимандрита Антонина в отношении старого адмирала, которого он лично сопровождал при посещении святых мест, предопределило симпатии графа Е. В. Путятина в отношении главы РДМ. Напротив, консул Н. А. Илларионов, введенный в заблуждение обликом старого паломника, прибывшего в Иерусалим без мундира и орденов, продемонстрировал графу Е. В. Путятину крайнюю степень неуважения [26, т. 2, с. 475]. Старый дипломат, обладавший немалыми связями при дворе и в правительственных кругах, сделался ревностным защитником Русской Духовной миссии и лично архимандрита Антонина.

В. Н. Хитрово в письме архимандриту Леониду (Кавелину) писал о роли графа Е. В. Путятина в борьбе за сохранение Русской Духовной миссии в Иерусалиме: «Дело в том, что в Иерусалиме был он в самый разгар пререканий между консулом и начальником нашей духовной миссии, видел его безотрадное положение и приехал в Питер отстаивать и миссию, и еще более архимандрита Антонина, и оказался больше роялистом, чем сам король» [18, с. 138]. Убедившись, что великий князь Константин Николаевич не сочувствует идее сохранения Духовной миссии в Иерусалиме, граф Е. В. Путятин заручился содействием императрицы Марии Александровны [26, т. 2, с. 446–448], а затем наследника престола цесаревича Александра Александровича. В конечном итоге его усилия завершились организацией Палестинского общества под руководством великого князя Сергея Александровича [18, с. 140–141, 183]. Как видим, конфликт консульства с Русской Духовной миссией получил благополучный для последней исход, исключи-

¹ РНБ. Ф. 208. Головин А. В. Оп. 1, ед. хр. 321.

тельно из-за вмешательства в дело влиятельных сановников и, по сути, Четвертая миссия России в Святой земле сохранила свое существование благодаря воле случая.

Заключение

В историографической традиции считалось, что причиной всех разногласий и конфликтов между представителями российской светской и духовной властей в Палестине является нечеткое разграничение прав и обязанностей каждой из сторон. Обращение к документам, касающимся истории Русских Духовных миссий, позволило обнаружить глубинные причины конфликтов, в основе которых лежало неизменное пренебрежительное отношение членов Палестинского комитета, консулов в Иерусалиме и представителей МИДа к представителям российского духовенства. Глубокий разлом между религиозностью светской элиты и религиозностью лучших представителей российской православной церкви.

На наш взгляд, глубоко прав был Н. Н. Лисовой, когда рассуждал о несчастьях русского духовенства: «Мы имеем в виду — как именно самодержавная по форме правления, дворянская по классовой природе, европейская по культуре и менталитету — православная Российская Империя относится непосредственно к Церкви и к духовенству. И беда состояла в том, что относилась *плохо*: без подобающего уважения, без обеспечения должного социального и политического статуса этим самым представителям духовенства. Хуже того: без *доверия* к ним» [26, т. 1, с. 23]. История русской духовной миссии в Иерусалиме служит наглядным подтверждением этого вывода.

Литература

1. Алексеев А. И. О конфликтах в Русской Духовной миссии в Иерусалиме при епископе Кирилле (Наумове) и архимандрите Леониде (Кавелине) // Православный Палестинский сборник. Вып. 118. М., 2020. С. 69–90.
2. Алексеев А. И., Вах К. А. Переписка архимандрита Леонида (Кавелина) с А. С. Норовым // Православный Палестинский сборник. Вып. 116. М., 2019. С. 261–316.
3. Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891 / изд. подг. Р. Б. Бутова. М. : Индрик, 2010.
4. Антонин (Капустин), архимандрит. Донесения из Константинополя (1860–1865) / изд. подг. Л. А. Герд. М. : Индрик, 2014.
5. Букреева Е. М. Карцовы на дипломатической службе. Материалы к биографии // Великий Князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М. : Индрик, 2012. С. 59–88.
6. Вах К. А. Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю. К 150-летию основания Русской Палестины. М. : Индрик, 2011.
7. Вах К. А. Из предыстории ИППО: кризис Палестинского Комитета, рождение Палестинской Комиссии // Православный Палестинский сборник. Вып. 107. М., 2011. С. 115–134.
8. Вах К. А. Об изучении первого периода создания Русской Палестины // Великий Князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М. : Индрик, 2012. С. 7–14.
9. Вах К. А. «Иерусалимский проект» России: Б. П. Мансуров и русские постройки // Великий Князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М. : Индрик, 2012. С. 21–36.
10. Вах К. А. Письма архимандрита Антонина (Капустина) к Аврааму Сергеевичу Норову: 1866–1867 гг. // Иерусалимский православный семинар. 2013. Вып. 4. С. 221–239.
11. Вах К. А., Лисовой Н. Н. Мансуров Борис Павлович // Православная энциклопедия. Т. XLIII. М. : Православная энциклопедия, 2016. С. 368–373.
12. Вах К. А. Как начиналась Русская Палестина: Иерусалим в письмах Б. П. Мансурова и В. И. Дорогобужина 1856–1860 гг. // Иерусалимский Православный семинар. 2017. Вып. 7. С. 111–256.

13. Вах К. А. Борьба за Русскую Духовную миссию в Иерусалиме: эпоха архимандрита Антонина (Капустина) 1865 — 1894 гг. // К. П. Победоносцев и Русская Духовная миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III: К 170-летию основания. М. : Индрик, 2017. С. 511–522.
14. Воронин В. Е. Роль великого князя Константина Николаевича в обеспечении деятельности Русской духовной миссии в Палестине: по архивным документам // Великий Князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М. : Индрик, 2012. С. 15–20.
15. Грушевой А. Г. Россия на Ближнем Востоке при Александре II и Александре III — создание Русской Палестины (1860–1882) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXXVIII. СПб. : Дмитрий Буланин, 2019. С. 265–285.
16. Дмитриевский А. А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме / сост. Н. Н. Лисовой. М. : Императорское Православное Палестинское Общество, Паломнический центр Московского Патриархата; СПб. : Издательство Олега Абышко, 2009.
17. Дмитриевский А. А. Деятели Русской Палестины / сост. и автор предисл. Н. Н. Лисовой. М. : Императорское Православное Палестинское Общество, Паломнический центр Московского Патриархата; СПб. : Издательство Олега Абышко, 2010.
18. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907). Историческая записка, составленная проф. А. А. Дмитриевским. СПб., 1907.
19. Кувшинский Н. Путятин, граф Евфимий Васильевич // Русский биографический словарь. Т. 25. СПб.; М., 1910. С. 162–164.
20. Лещенко Н. Ф. Посол с погонями адмирала. Необычная судьба Е. В. Путятина (1804—1883) // Восточный архив. 2015. № 2. С. 7–11.
21. Лисовой Н. Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М. : Индрик, 2006.
22. Мельник В. И. Е. В. Путятин как религиозная личность // Россия и Христианский Восток. Тематический портал о связях России с Христианским Востоком [Электронный ресурс]. URL: <https://ros-vos.net/sr/osn/pochet/ar/putyatin/1/> (дата обращения: 18.05.2021).
23. Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н. П. Игнатьевым. 1865–1893 / изд. подг. К. Вах, О. Анисимов. М. : Индрик, 2014.
24. Письмо Е. В. Путятина к А. С. Норову 20 сентября/2 октября 1853 г. // Русский архив. 1899. Кн. 1. С. 198–199.
25. Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 2-х т. М. : Индрик, 2000.
26. Россия в Святой Земле. Документы и материалы: в 3-х т. М. : Индрик, 2015–2017.
27. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по делам Православной Церкви на Востоке. СПб., 1886.
28. Хитрово В. Н. Собрание сочинений и писем: в 3-х т. Т. 1–3. / сост., подг. текста, вступит. статья Н. Н. Лисового. СПб. : Издательство Олега Абышко, 2011–2012.

Об авторе:

Алексеев Алексей Иванович, заведующий отделом рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук; a.alexeev@nlr.ru.

References

1. Alekseev A. I. About the conflicts in the Russian Spiritual mission in Jerusalem at the bishop Kirill (Naumov) and the archimandrite Leonid (Kavelin) // Orthodox Christian the Palestinian collection. Issue 118. M., 2020. P. 69–90 (in Rus).
2. Alekseev A. I., Vakh K. A. Correspondence of the archimandrite Leonid (Kavelin) with A. S. Norov // Orthodox Christian the Palestinian collection. Issue 116. M, 2019. P. 261–316 (in Rus).
3. Antonin (Kapustin), archimandrite. From Jerusalem. Articles, essays, correspondence. 1866–1891 / Prod. preparation R. B. Butov. M.: Indrik, 2010 (in Rus).
4. Antonin (Kapustin), archimandrite. Reports from Constantinople (1860–1865) / Prod. preparation L. A. Gerd. M.: Indrik, 2014 (in Rus).
5. Bukreeva E. M. Kartsovs on diplomatic service. Materials to the biography // Grand Duke Konstantin Nikolaevich and the Russian Jerusalem: to the 150 anniversary of the basis. M.: Indrik, 2012. P. 59–88 (in Rus).

6. Vakh K. A. The Grand Duke Konstantin Nikolaevich and the Russian pilgrimage to the Holy Land. To the 150 anniversary of the basis of the Russian Palestine. M.: Indrik, 2011 (in Rus).
7. Vakh K. A. From background of IPPO: crisis of the Palestinian Committee, birth of the Palestinian Commission // Orthodox Palestinian collection. Issue 107. M., 2011. P. 115–134 (in Rus).
8. Vakh K. A. About studying the first period of creation of the Russian Palestine // Grand Duke Konstantin Nikolaevich and the Russian Jerusalem: to the 150 anniversary of the basis. M.: Indrik, 2012. P. 7–14 (in Rus).
9. Vakh K. A. "Jerusalem project" of Russia: B. P. Mansurov and Russian constructions // Grand Duke Konstantin Nikolaevich and the Russian Jerusalem: to the 150 anniversary of the basis. M.: Indrik, 2012. P. 21–36 (in Rus).
10. Vakh K. A. Letters of the archimandrite Antonin (Kapustin) to Abraham Sergeyevich Norov: 1866–1867 // Jerusalem orthodox seminar. 2013. Issue 4. P. 221–239 (in Rus).
11. Vakh K. A., Lisovoy N. N. Boris Pavlovich Mansurov // Orthodox encyclopedia. Vol. XLIII. M.: Orthodox encyclopedia, 2016. P. 368–373 (in Rus).
12. Vakh K. A. As the Russian Palestine began: Jerusalem in B. P. Mansurov and V. I. Dorogobuzhinov's letters of 1856–1860 // Jerusalem Orthodox seminar. 2017. Iss. 7. P. 111–256 (in Rus).
13. Vakh K. A. Fight for the Russian Spiritual mission in Jerusalem: an era of the archimandrite Antonin (Kapustin) of 1865–1894 // K. P. Pobedonostsev and the Russian Spiritual mission in Jerusalem in reign of the emperor Alexander III: To the 170 anniversary of the basis. M.: Indrik, 2017. P. 511–522 (in Rus).
14. Voronin V. E. A role of the Grand Duke Konstantin Nikolaevich in ensuring activity of the Russian spiritual mission in Palestine: according to archival documents // Grand Duke Konstantin Nikolaevich and the Russian Jerusalem: to the 150 anniversary of the basis. M.: Indrik, 2012. P. 15–20 (in Rus).
15. Grushevoy A. G. Russia in the Middle East at Alexander II and Alexander III — creation of the Russian Palestine (1860–1882) // Auxiliary historical disciplines. Vol. XXXVIII. SPb.: Dmitry Bulanin, 2019. P. 265–285 (in Rus).
16. Dmitriyevsky A. A. Russian Spiritual Mission in Jerusalem /collection of N. N. Lisova. M.: Imperial Orthodox Palestinian Society, Pilgrim center of the Moscow Patriarchy; SPb.: Oleg Abyshko's publishing house, 2009 (in Rus).
17. Dmitriyevsky A. A. Figures of the Russian Palestine /Collection and author introduction N. N. Lisovoy. M.: Imperial Orthodox Palestinian Society, Pilgrim center of the Moscow Patriarchy; SPb.: Oleg Abyshko's publishing house, 2010 (in Rus).
18. Imperial Orthodox Palestinian Society and its activity for the expired quarter of the century (1882–1907). The historical note made by the prof. A. A. Dmitriyevsky. SPb., 1907 (in Rus).
19. Kuvshinsky N. Putyatin, count Evfimiy Vasilyevich // Russian biographic dictionary. V. 25. SPb.; M, 1910. P. 162–164 (in Rus).
20. Leshchenko N. F. An ambassador with the admiral's shoulder straps. Unusual fate of E. V. Putyatin (1804–1883) // East archive [Vostochnyi arkhiv]. 2015. N 2. P. 7–11 (in Rus).
21. Lisovoy N. N. The Russian spiritual and political presence in the Holy Land and in the Middle East in XIX — the beginning of the XX century M.: Indrik, 2006 (in Rus).
22. Miller V. I. E. V. Putyatin as religious personality [Electronic resource] // Russia and Christian East. The thematic portal about communications of Russia with the Christian East. URL: <https://ros-vos.net/sr/osn/pochet/ar/putyatin/1/> (date of the address: 18.05.2021) (in Rus).
23. Correspondence of the archimandrite Antonin (Kapustin) with the count N. P. Ignatyev. 1865–1893 / Prod. preparation K. Vakh, O. Anisimov. M.: Indrik, 2014 (in Rus).
24. E. V. Putyatin's letter to A. S. Norov on September 2 / on October 2, 1853 // the Russian archive. 1899. Book 1. P. 198–199 (in Rus).
25. Russia in the Holy Land. Documents and materials: in 2 volumes. M.: Indrik, 2000 (in Rus).
26. Russia in the Holy Land. Documents and materials: in 3 volumes. M.: Indrik, 2015–2017 (in Rus).
27. Meeting of opinions and responses of Filaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna, for Orthodox Church in the east. SPb., 1886 (in Rus).
28. Khitrovo V. N. Collection of works and letters. In 3 volumes. Vol. 1–3 / Collection, introduction N. N. Lisovoy . SPb.: Oleg Abyshko's publishing house, 2011–2012 (in Rus).

About the author:

Alexey I. Alekseev, Head of the Department of Manuscripts of Russian National Library (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History); a.alekseev@nlr.ru

Екатерина Великая в истории России

Гриднев В. П.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, valerijgridnev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Цель статьи: оценка управленческой деятельности императрицы Екатерины II в период царствования с 1762 по 1796 гг.

Задача: проанализировать организаторскую деятельность Екатерины Великой, направленную на реформирование всей системы государственного и местного управления России.

Вывод: опыт, активная жизненная позиция и результаты государственного строительства Екатерины II свидетельствуют о том, что женщины могут быть не только хранительницами семейного очага, но и успешными руководителями, о чем свидетельствуют многочисленные позитивные оценки, данные ей известными и уважаемыми российскими историками и зарубежными государственными деятелями.

Ключевые слова: императрица, государственные деятели, губернатор, государственное строительство, департамент, реформы, принципы, грамоты, лихоимство

Для цитирования: Гриднев В. П. Екатерина Великая в истории России // Управленческое консультирование. 2022. № 4. С. 121–129.

Catherine the Great in the History of Russia

Valery P. Gridnev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, RANEPA), St. Petersburg, Russian Federation, valerijgridnev@yandex.ru

ABSTRACT

The purpose of the article is to evaluate the management activities of Empress Catherine II during the reign from 1762 to 1796.

Objective: to analyze the organizational activities of Catherine the Great, aimed at reforming the entire system of state and local government of Russia.

Conclusion: experience, an active life position and the results of the state building of Catherine II indicate that women can be not only guardians of the family hearth, but also successful leaders, as evidenced by the numerous positive assessments given to her by well-known and respected Russian historians and foreign statesmen.

Keywords: empress, statesmen, governor, state building, department, reforms, principles, letters, extortion

For citing: Gridnev V. P. Catherine the Great in the History of Russia // Administrative consulting. 2022. N 4. P. 121–129.

Много правителей было в России. Одной из наиболее ярких личностей, проявивших свой ум, энергичный характер, способности во всех областях человеческой деятельности, любовь к России и ее народу, безусловно, явилась Екатерина II.

Вступив в сентябре 1762 г. на престол, императрица так характеризовала состояние России: «...русская армия в Пруссии восьмой месяц не получала денежного содержания. На штатс-конторе¹ числилось 17 млн долгу, не исполненных казной

¹ Штатс-контор-коллегия — орган центрального управления, созданный Петром I в 1717 г., для выполнения функций ведения государственных расходов. Петр I копировал шведскую

уплат, на один миллион больше годовой суммы государственных доходов, какую знал Сенат. Ежегодный дефицит в Семилетнюю войну (23.08.1757 — 15.02.1763. — Авт.) дошел до 7 млн. Флот был в упущении, армия в расстройке, крепости развалились» [4]. Несколько позднее она произвела смотр Балтийского флота. «Корабли наезжали друг на друга, ломали снасти, линейные никак не могли выстроиться в линию, при стрельбе не попадали в цели. По оценке Екатерины, эти суда словно предназначены для ловли сельдей, а не военно-морской флот, отсюда вывод — в России без меры много кораблей и на них людей, но нет ни флота, ни моряков» [4].

Следовательно, с воцарением Екатерины II возникла объективная необходимость «...возвеличить государство извне, учредить порядок управления внутреннего, образовать подданных»¹.

Екатерина II начала реформы с Сената². Чем это было вызвано? Сенат как высший блюститель законного порядка превратился в совершенно не результативное и эффективное учреждение со своим руководителем — генерал-прокурором А. И. Глебовым, человеком очень способным, но без твердых принципов: он позволял себе принимать участие в весьма неблагоприятных финансовых операциях, был «плутом и мошенником», как называла его Екатерина II [4, кн. 3, с. 252].

Апелляционные дела сенаторами рассматривались очень долго. Сенат назначал воевод во все города, но не имел списка городских поселений и не знал их фактическое количество. Сенат с момента его основания не имел карты страны. Однажды Екатерина II, присутствуя в Сенате, достала 5 руб. и велела купить печатный атлас и подарила его Сенату [4]. Высший контрольный государственный орган — Сенат — не мог установить точной бюджетной росписи. При вступлении императрицы в должность Сенат представил ей реестр доходов в сумме 16 млн руб. Екатерина II потребовала пересчитать доходы, и счетная комиссия насчитала их 28 млн руб. Кроме того, Сенат показал неэффективность в использовании государственного имущества. Так, все таможни России были отданы на откуп³ за 2 млн руб., а когда они были взяты Екатериной в государственное управление, то только одна петербургская таможня давала более 3 млн дохода.

Государственные (казенные) заводы в конце царствования Елизаветы Петровны (1709–1741–1761) самовольно были переданы Сенатом в частное владение Шуваловым, Воронцовым, Чернышевым и др., кроме того, им на ведение дела было выделено до 3 млн руб. Ссуду хозяева заводов промотали в столице, рабочим — заводским крестьянам за работу платили плохо или совсем не платили [7]. Вскоре заводы были возвращены за долги государству.

модель, где функционировали одноименные финансовые учреждения (камер — прибыль, штатсконтор — убытки, ревизион — контроль). Еще при жизни Петра I штатс-контор-коллегия перешла под начало Сената. Произошло это в 1723 г. Самостоятельность органу возвращена Анной Иоанновной в 1730 г. В таком виде коллегия существовала до 1780 года, когда Екатерина II ее ликвидировала [Электронный ресурс] <https://istoriarusi.ru/car/kollegii-petra-1.html> (дата обращения: 06.02.2020).

¹ Устряков Н. Г. (Известный отечественный историк (1805–1870 гг. — Авт.)). Об императрице Екатерине II // История государственного управления и государственной службы в России: хрестоматия. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2009. С. 191.

² Сенат был учрежден Петром I 22 февраля 1711 г. См.: Реформы Петра I : сб. док. М. : Государственное социально-экономическое изд-во, 1937 г. С. 101 [Электронный ресурс]. URL: <https://eknigi.org/istorija/102230-reformy-petra-i-sbornik-dokumentov.html> (дата обращения: 06.02.2020).

³ Передача государством частным лицам на срок за определенную плату права сборов налогов и других государственных доходов, а также права продажи или производства определенных видов товаров, на которые распространялась казенная монополия // Всемирная история: энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://w.histrf.ru> (дата обращения: 07.02.2020).

Чтобы исправить это положение, Екатерина II разделила Сенат на шесть департаментов (четыре в Санкт-Петербурге, два — в Москве), каждый из которых был наделен конкретными компетенциями на основании географического принципа: одни губернии были подведомственны петербургским департаментам, другие — московским.

Во главе первого департамента, в ведении которого были важнейшие вопросы управления (государственные внутренние и политические дела), стоял генерал-прокурор. В остальных департаментах руководителями были обер-прокуроры. В компетенции второго департамента были апелляционные дела, вопросы генерального межевания, суда и др. Третий департамент ведал вопросами по делам Малороссийским, Лифляндским, Эстляндским, а также по Выборгской губернии, по Нарве, по медицинским делам и др. К ведению четвертого департамента относились вопросы Военной и Адмиралтейской коллегий и т. д. Московские департаменты соответствовали петербургским: пятый (московский) департамент соответствовал первому петербургскому, а шестой — второму¹.

Сенат в ходе реформы лишился своей законодательной функции, но сохранил функции контроля и высшего судебного органа.

Особенностью деятельности Сената являлось то, что все решения, которые он принимал, требовали обязательного утверждения императрицы.

Руководство деятельностью Сената осуществлял генерал-прокурор князь А. А. Вяземский² [1, с. 504], который был человеком неподкупной честности, удивительной работоспособности и отлично знающим всю административную систему государства. При назначении князя на должность Екатерина II дала ему особое «Секретнейшее наставление» [2], согласно которому требовала от него правды и только правды, обещая ему за это свою поддержку, просила обратить внимание на актуальные вопросы финансового управления [1, с. 505–506].

Проведенная реформа позволила Сенату повысить результативность его деятельности.

Одновременно в этот же период (1760-е годы. — Авт.) Екатерина II разрабатывает свои правила управления, в частности [2]:

- 1) необходимо просвещать нацию, которой нужно управлять;
- 2) надо ввести добрый порядок в государстве, поддержать общество и заставить его соблюдать законы;
- 3) нужно учредить в стране хорошую и точную полицию;
- 4) следует способствовать расцвету государства и сделать его стабильным;
- 5) требуется сделать государство грозным в самом себе и внушающим уважение соседям;
- 6) каждый гражданин должен быть воспитан в сознании долга своего перед Высшим Существом, перед собой, обществом и необходимо ему преподавать некоторые искусства, без которых он почти не может обойтись в повседневной жизни.

Кроме того, Екатериной II были разработаны принципы кадровой политики: в частности, первый — в стране есть нужные люди, только надо их найти и заставить делать, что необходимо. В этом случае они будут служить хорошо (пример Петра I и мой личный опыт. — Екатерина. — Авт.); второй — обновление кадров, причем

¹ История государственного управления в России: хрестоматия. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2009. С. 202–205.

² До Вяземского генерал-прокурором был А. И. Глебов, человек очень способный, но без твердых принципов — он позволял себе принимать участие в весьма неблагоприятных финансовых операциях и в начале 1764 г., когда это раскрылось, был смещен с госдолжности. См. об этом: Секретнейшее наставление Екатерины II генерал-прокурору Сената князю А. А. Вяземскому // История государственного управления в России (X–XXI вв.): хрестоматия. М. : Изд-во РАГС, 2003. С. 153–154.

новые люди должны работать (служить) «...вместе и рядом с прежними. Это все равно, как когда в пьесе кстати и во время вводят новое лицо для оживления действия: благодаря им машина не ржавеет...» [2, с. 166–167].

В 1767 г. императрица издала «Наказ, данный Комиссии о сочинении Нового уложения» — руководство для депутатов Комиссии об уложении [2, с. 155–156]. Данный наказ содержал обоснование необходимости «самодержавного правления» в России, так как «...государь есть источник всякие государственные и гражданские власти...», государственного управления, сущность которого «...состоит в том, чтоб точно знать, какую часть власти, малую или великую употребить должно в разных обстоятельствах...» [2, с. 156].

Одной из актуальных проблем для России являлось противодействие коррупции. В манифесте «О наполнении судебных мест достойными и честными людьми, о мерах по прекращению лихоимства и взяток» [2, с. 152] от 15 декабря 1763 г. устанавливалось, чтобы публичные должности замещались лицами «...достойными в знании и честными людьми; а чтобы прямо таковых иметь, то необходимо нужно дать им к безбедному пропитанию по мере каждого довольное жалованье...», поэтому «не только коллегиям и канцеляриям, но губерниям, провинциям и городам по состоянию каждого места и входящих в оныя дел постановили и утвердили штаты в потребном числе...» должностных лиц, определяя каждому довольное жалованье [2, с. 152]. По новым штатам заметно выросло денежное содержание чиновников. Так, например, регистраторы в Санкт-Петербурге и Москве до 1763 г. получали соответственно 210 руб. и 80 руб., то в 1763 г.: 225 руб. и 200 руб., бухгалтеры 200–250 руб. и 80 руб., до 1763 г., в 1763 г.: 300 руб. в Санкт-Петербурге и 225 руб. в Москве [8, с. 688].

Данный манифест предусматривал, что если бы «кто ...отважился коснуться лихоимству, взяткам и подаркам к отягощению наших подданных, или просителей по делам стал утешать, таковой нечистивый и неблагодарный, и яко заразительный член обществу, не только из числа честных, но из всего рода человеческого истреблен будет...» [2, с. 152].

Императрица для демонстрации противодействия коррупции поставила экс обер-секретаря Сената М. Ф. Брянчанинова на площади перед Сенатом и Коллегиеми на четверть часа с надписью на груди : «Преступник указов и мздоимец», велела «...потом заключить в тюрьму на полгода и впредь ни к каким государственным делам и службе не допускать¹. Узнав, что владимирский наместник берет взятки, императрица послала ему в подарок в день Нового года кошелек длиною в аршин. По словам Сегюра², этот кошелек наместник развернул на глазах всех гостей за обеденным столом у себя» [9, с. 187].

В 1775–1782 гг. самым крупным делом о злоупотреблении служебным положением было дело Главной соляной конторы. Оно расследовалось специальной сенатской комиссией, которой было установлено, что был нанесен ущерб для казны почти на 3,5 млн руб., что составляло 10% годового бюджета. Все виновные понесли заслуженное наказание.

В 1777–1789 гг. раскрылись крупные злоупотребления чиновников в Рязанской, Олонецкой, Костромской, Саратовской, Иркутской, Астраханской и Тамбовской губерниях. Виновные предавались суду: губернаторы суду Сената, прочие — уголовных палат [8, с. 473].

Следующим шагом Екатерины стало завершение начатой еще Петром I мер по приведению церкви в полную зависимость от государства. 8 марта 1764 г. согласно

¹ Указ императрицы Екатерины II от 6 ноября 1763 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/laz/arc/huk/3.htm> (дата обращения: 07.02.2020).

² Граф Людовик-Филипп де Сегюр — посол Франции в России.

Манифесту была проведена секуляризация церковных земель (2 млн монастырских крестьян и около 9 млн га церковных земель перешли в собственность государства, закрыты 567 из 954 монастырей), которая сразу подорвала основу благополучия духовенства: произошло ослабление церковного влияния, увеличение налогооблагаемой базы, повышение эффективности их использования¹.

Очередным преобразованием Екатерины II стала денежная реформа. Около 252 лет назад 29 декабря 1768 г. Екатерина II своим манифестом № 13220 создала банки в Петербурге и Москве для выпуска ассигнаций и их обмена на эквивалент медных денег. Непосредственно в оборот бумажные деньги начали активно вводиться с 1769 года. Для погашения расходов бюджета к 1786 г. было выпущено в обращение ассигнаций на сумму свыше 46 млн руб., из которых медными деньгами могла бы быть покрыта половина. На основе слияния прежних двух банков учреждается Государственный ассигнационный банк уже с кредитными функциями в 1786 г.

Каковы причины проведения денежной реформы? Во-первых, необходимо было финансово стимулировать развитие отечественной экономики, а также содержать Армию и Флот, на которые уходило 72% расходов казны. Во-вторых, соответствовать европейским стандартам. В-третьих, тяжестью и неудобством транспортировки медных денег (как правило, подводами возили деньги суммой тысяча рублей, которая весила шестьдесят два с лишним пуда и для перевозки нужны были две телеги).

Тем временем поток обесценившихся ассигнаций в 1790-е годы все возрастал, попытка изъять их из обращения в 1797 г. не удалась. Только к середине XIX в. финансовая система России стабилизировалась².

В 1775 г. Екатериной II была проведена губернская реформа. Каковы причины, мотив этой реформы? По мнению императрицы, недостатками прежнего губернского управления были следующие:

- во-первых, слишком большой размер губерний;
- во-вторых, недостаточное количество в губерниях госорганов и личного состава гражданских служащих;
- в-третьих, смешение ведомств в системе губернского управления³.

Губернская реформа исходила из того, что «целое тогда может быть хорошо, когда части его находятся в устроении» [6].

7 ноября 1775 г. вышел закон «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» [2, с. 157–161] в целях укрепления органов власти по всей территории России, создания стройной системы органов государственного управления.

В целях оперативного управления территориями в России было введено двухстепенное деление страны на 50 губерний вместо прежних 23, каждая от 300 до 400 тыс. человек, и уезды или округа численностью от 20 до 30 тыс. человек.

Главным органом власти в губернии являлось губернское правление с губернатором или наместником во главе. Это учреждение должно было строго и точно следить за неукоснительным соблюдением законов органами власти губернии и жителями. Меры наказания для нарушителей определял суд. Губернатор как государев наместник должен был демонстрировать своим поведением, деятельностью «...доброхотство, любовь и соболезнование к народу...» [2, с. 159].

Уездным органом губернского правления был нижний земский суд под руководством земского исправника или капитана.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://екатерина2.рф/реформы/секуляризация-церкви/> (дата обращения: 06.02.2020).

² [Электронный ресурс]. URL: pobedy-k-248-lietiu-assignatsionnogho-rubliahistrf.ru/biblioteka/b/skolko-stoiat (дата обращения: 06.02.2020).

³ Блинов И. Губернаторы: историко-юридический аспект. СПб., 1905. С. 148 [Электронный ресурс]. URL: <http://library6.com/books/314990.pdf> (дата обращения: 06.02.2020).

Финансовое управление осуществлялось Казенной палатой, которая ведала казенными сборами, подрядами, постройками и др. В ведении Казенной палаты находились губернские и уездные казначейства, которые хранили государственные (казенные) доходы.

Высшими губернскими судебными органами были две палаты: первая — уголовных дел, вторая — гражданских дел. Кроме того, были сословные суды: верхний земский суд для дворян; губернский магистрат для купечества и мещанства и верхняя расправа для свободных сельских обывателей. В уезде было полицейское управление [4, кн. 3, с. 298–299].

Через некоторое время устройство областного управления завершается принятием 21 апреля 1785 г. грамот — дворянству и городам. Согласно этих актов возникли губернские дворянские собрания с губернскими предводителями во главе, общая городская дума под председательством городского головы, имевшая распорядительное значение, дума шестигласная, состоящая из шести членов под председательством того же городского головы и ставшая исполнительным учреждением, магистраты как судебные выборные учреждения в городах, определены права дворянства и др.¹

В 1766–1796 гг. была проведена таможенная реформа². Она была обусловлена необходимостью стимулирования отечественной экономики, регулирования внешних экономических отношений и борьбой с контрабандой.

Отменялся ряд торговых монополий и запрет на экспорт зерна, снижались покровительственные пошлины для большинства товаров до 30% согласно таможенному тарифу 1766 г. и до 10% по тарифу 1782 г.

Согласно тарифу 1796 г. в большинстве случаев размер таможенного тарифа повышался, пошлины должны были взиматься ефимками, как с иностранных, так и с русских купцов. Но таможенный тариф не вступил в силу, так как император Павел I (1754–1796–1801 гг.) приостановил его.

Несмотря на либерализацию таможенной политики, проблема контрабандного ввоза обострялась, так как российская граница практически была открыта для контрабандистов. Форпосты находились друг от друга на значительном расстоянии, их охрана, состоящая из престарелых военнослужащих и казаков, не справлялась с возложенными на них задачами. Офицеры и надзиратели нередко находились в сговоре с контрабандистами и помогали им в тайном провозе товаров. Контрабанда шла через западные рубежи государства широким потоком.

В связи с этим Екатерина II пришла к выводу о необходимости реформирования системы таможенной охраны государственной границы. Императрица дала поручение Сенату подготовить закон по созданию специальной таможенной стражи, главная цель которой состояла в закрытии границ и задержании контрабанды. Так родился указ Екатерины II «Об учреждении особой таможенной пограничной цепи и стражи для отвращения потаенного провоза товаров» от 27 сентября 1782 г.

Согласно указу, в Казенной палате вводились должности пограничных надзирателей и таможенных объездчиков. Надзиратель объезжал границу в 50 верст, на которой через каждые 10 верст должно было присутствовать два объездчика.

В качестве поощрения пограничников им передавалась часть конфискованных товаров. Кроме основных функций, объездчики должны были отлавливать беглых солдат и крестьян, получая за каждого пойманного до трех рублей награды.

Существовали учреждаемые генерал-губернатором специальные места для провоза таможенных товаров, однако объездчики обязаны были также патрулировать известные дороги и тропы, по которым осуществлялась контрабанда. В случае

¹ Там же. С. 303.

² [Электронный ресурс]. URL: <https://екатерина2.рф/реформы/таможенная-политика/>; <http://www.library.fa.ru/files/Kislovsky.pdf> (дата обращения : 06.02.2020).

невозможности пресечения действий контрабандистов пограничник должен был проследовать в ближайший населенный пункт для получения помощи.

Принятие таких мер, к сожалению, оказалось недостаточно. 26 июня 1789 г. был подписан указ о запрещении с 10 сентября экспорта и импорта любых бумажных, шерстяных, шелковых и прочей иностранной продукции «сухим путем через таможи, в наместничествах Екатеринославском, Могилевском, Киевском и Полоцком» (на западной границе). Таким образом, вся западная граница была закрыта.

В целом же таможенные доходы в результате реформы выросли в четыре раза и составили 55 406 000 руб. [10, с. 492].

Результаты царствования Екатерины Великой были очень внушительны. За 19 лет руководства Россией (1762–1781 гг. — Авт.) было «...устроено губерний по новому образцу 29, городов построено 144, конвенций и трактатов заключено 30, побед одержано 78, замечательных указов издано 88, указов для облегчения народа — 123, итого 492 дела! К этому можно прибавить, что Екатерина отвоевала у Польши и Турции¹ земли, в том числе и Крыма, с населением до 7 млн душ обоего пола, так что число жителей ее империи с 19 млн в 1762 г. возросло к 1796 г. до 36 млн, армия со 162 тыс. человек усилена до 312 тыс., флот, в 1757 г. состоявший из 21 линейного корабля и 6 фрегатов, в 1790 г. насчитывал в своем составе 67 линейных кораблей и 40 фрегатов, сумма государственных доходов с 16 млн руб. поднялась до 69 млн, т.е. увеличилась более чем вчетверо, успехи промышленности выразились в умножении числа фабрик с 500 до 2 тыс., успехи внешней торговли балтийской — в увеличении ввоза и вывоза с 9 млн до 44 млн руб., черноморской, Екатериною и созданной, — с 390 тыс. в 1776 г. до 1900 тыс. руб. в 1796 г., рост внутреннего оборота обозначился выпуском монеты в 34 года царствования на 148 млн руб., тогда как в 62 предшествовавших года ее выпущено было только на 97 млн. Значение финансовых успехов России ослаблялось тем, что видное участие в них имел питейный доход, который в продолжение царствования увеличен был почти вшестеро и к концу его составлял почти третью часть всего бюджета доходов» [3; 5, с. 288–289].

Также 18 мая 1780 г. императрица Екатерина II утвердила герб Санкт-Петербурга, издав специальный рескрипт с описанием: «В красном поле 2 серебряных якоря, положенные крестом, и на них золотой скипетр». Фактически без изменений (в XIX в. к изображению добавили лазоревую ленту, корону и два скипетра позади поля) герб прослужил до революции 1917 г.²

Добавим к этому, что канцлер А.А. Безбородко (1747–1799)³, обращаясь к молодым дипломатам, сказал: «Не знаю как при вас, а при нас ни одна пушка в Европе выстрелить не смела»⁴.

¹ См.: Манифест Великой Императрицы Екатерины II «О присоединении Крымского полуострова, острова Тамани с всея Кубанской стороны к России», 1783 год, 8 апреля [Электронный ресурс]. URL: http://www.qrim.ru/about/docs/Manifest_Krim_Rossia (дата обращения: 06.02.2020). В результате заключения Кючук-Кайнарджийского мира между Россией и Турцией 10 июля 1774 г. стало возможным окончательное покорение Крыма. К России отходили причерноморские города Керчь, Еникали, Кинбурн. Российской признавалась Кабарда на Северном Кавказе. Россия получила право иметь военный и торговый флот на Черном море. Торговые суда могли беспрепятственно проходить в Средиземное море через турецкие проливы Босфор и Дарданеллы // Присоединение к России Крыма [Электронный ресурс]. URL: <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/prisoiedinienie-k-rossii-kryma> (дата обращения: 07.02.2020).

² [Электронный ресурс]. URL: https://www.dp.ru/a/2020/02/27/Gerb_SanktPeterburga (дата обращения: 07.02.2020).

³ Государственный деятель и дипломат, канцлер (1797), князь (1797). Канцлер — высший гражданский чин в России. Присваивался президенту коллегии иностранных дел. Одновременно звание канцлер — почетный титул президента коллегии (впоследствии министра иностранных дел). См.: Государственность России: словарь-справочник. М.: Наука, 2005. Кн. 5. Часть первая. С. 419.

⁴ [Электронный ресурс]. URL: https://dom-knig.com/read_219524-19 (дата обращения: 07.02.2020).

Кроме того, посол Франции в России граф Людовик-Филипп де Сегюр в свое время писал: «Деятельность Екатерины была беспредельна. Она основала академию и общественные банки в Петербурге и даже в Сибири. Россия обязана ей введением фабрик стальных изделий, кожевенных заводов, многочисленных мануфактур, литеен и разведением шелковичных червей в Украине. Показывая своим подданным пример благоразумия и неустрашимости, она, при введении в России оспопрививания, сама первая подверглась ему. По ее повелению министры ее заключили торговые договоры почти со всеми европейскими державами. В ее царствование Кяхта, в отдаленной Сибири, стала рынком русско-китайской торговли. В Петербурге учреждены были училища военного и морского ведомства для приготовления специально образованных офицеров. Государыня снаряжала морские экспедиции в Тихий океан, в Ледовитое море, к берегам Азии и Америки.

Екатерина в продолжение своего царствования превратила до 300 селений в города и установила судебный и правительственный порядок во всех областях империи. Двор ее был местом свидания всех государей и всех знаменитых лиц ее века. До нее Петербург, построенный в пределах стужи и льдов, оставался почти незамеченным и, казалось, находился в Азии. В ее царствование Россия стала державою европейскою. Петербург занял видное место между столицами образованного мира, и царский престол возвысился на чреду престолов самых могущественных и значительных. Такова была славная монархия, при которой я находился в качестве посла. После этого короткого очерка нетрудно представить себе, с каким тревожным чувством я ожидал дня, когда должен был предстать перед этой необыкновенной государыней и знаменитой женщиной»¹.

История России свидетельствует, что Екатерина II при вступлении в должность руководствовалась правилом, о котором она ранее писала: «Да посрамит небо всех тех, кто берется управлять народами, не имея в виду истинного блага государства» [5, с. 338] и, следовательно, заслуженно была удостоена Уложенной комиссией² звания Великая Екатерина.

12 августа 1767 г. она ответила на предложение следующим образом: «Ответствую: на Великая — о моих делах оставляю времени и потомству беспристрастно судить, Премудрая — никак себя таковой назвать не могу, ибо один Бог премудр, и Матерь Отечества — любить Богом врученных мне подданных я за долг звания моего почитаю, быть любимой от них есть мое желание»³.

Таким образом, в период блестящего царствования Екатерины Россия превратилась в великую и могучую державу, а сама императрица по оценке российского историка Н. М. Карамзина стала «...бессмертна своими победами, мудрыми законами и благотворительными учреждениями...»⁴.

¹ Де Сегюр Людовик-Филипп. Записки графа Сегюра (о пребывании его в России в царствование Екатерины II. (1785–1789). С. 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=549037&p=1> (дата обращения: 07.02.2020).

² Уложенная комиссия — временно существующее собрание избираемых представителей всех сословий (дворянства, купечества, крестьянства, духовенства, казаков и др.), созданное Екатериной II для составления проекта Нового Уложения — обновленного свода законов взамен устаревшему Соборному уложению 1649 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://екатерина2.рф/политика/уложенная-комиссия/> (дата обращения: 07.02.2020).

³ [Электронный ресурс]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/inya/pochemu-ekaterinu-ii-nazvali-velikoi-5af1549e7ddde87673761ebd> (дата обращения: 07.02.2020).

⁴ Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине II (1801 г.). С. 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=281108&p=1> (дата обращения: 10.02.2020); Он же. Записка о Древней и новой России // Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. Освободительное движение и общественная мысль в России XIX в. : учеб. пособие для вузов по спец. «История». М. : Высш. шк., 1991. С. 27.

Литература

1. *Государи из дома Романовых. 1613–1913.* М. : Престиж Бук : Армада-Арбалет, 2010.
2. *История государственного управления в России (X–XXI вв.): хрестоматия* /под общ. ред. Р.Г. Пихои. М. : Изд-во РАГС, 2003. 591 с.
3. *Кисловский Ю.Г.* История таможенного дела и таможенной политики России. 3-е изд., доп. / под общ. ред. А.Е. Жерихова. М. : РУСИНА-ПРЕСС, 2004. 592 с.
4. *Ключевский В.О.* Курс русской истории или Русская история. Полный курс лекций. СПб. : Лань, 2013. 840 с.
5. *Ключевский В.О.* Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М. : Правда, 1990.
6. *Лысенко Л.М.* Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Москва, 2001.
7. *Магарил С.А.* Идея права в российской государственной традиции: историософские заметки // Современная научная мысль. 2014. № 5. С. 28–52.
8. *Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М. : Российская политическая энциклопедия, 2007.
9. *Пыляев М.И.* Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб. : Паритет, 2002.
10. *Три века : в 6 т.* М. : ГИС-Патриот, 1992. Т. 3. (Печатается по изданию 1912 г.)

Об авторе:

Гриднев Валерий Павлович, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; valerijgridnev@yandex.ru

References

1. *Sovereigns from the Romanov house. 1613–1913/Printed according to the 1913 edition*, ed. Corresponding member of Academy of Sciences of Doctor of Russian History N. D. Chechulin. M.: Prestige Book: Armada-Crossbow, 2010 (in Rus).
2. *History of Public Administration in Russia (X–XXI centuries): Textbook/under the general editor R.G. Pikhoya.* M.: Publishing House of RAGS, 2003. 591 p. (in Rus).
3. *Kislovsky Yu.G.* History of Customs Affairs and Customs Policy of Russia. 3rd ed. / Under the general ed. A. E. Zherikhova. M.: RUSINA-PRESS, 2004. 592 p. (in Rus).
4. *Klyuchevsky V.O.* Course of Russian history or Russian history. Full course of lectures. St. Petersburg: Lan, 2013. 840 p. (in Rus).
5. *Klyuchevsky V.O.* Historical portraits. Figures of historical thought. M.: True, 1990 (in Rus).
6. *Lysenko L.M.* Governors and governors-general in the system of power of pre-revolutionary Russia: doctoral dissertation. Moscow, 2001 (in Rus).
7. *Magaril S.A.* The idea of law in the Russian state tradition: historiosophical notes // Modern scientific thought. 2014. N 5. P. 28–52 (in Rus).
8. *Pisarkova L.F.* State administration of Russia from the end of the XVII to the end of the XVIII century: The evolution of the bureaucratic system. M.: Russian Political Encyclopedia, 2007 (in Rus).
9. *Pylyayev M.I.* Old Petersburg. Stories from the former life of the capital. St. Petersburg: Parity, 2002 (in Rus).
10. *Three centuries: collecton in 6 vols.* M.: GIS-Patriot, 1992. Vol. 3. (Printed according to the 1912 edition) (in Rus).

About the author:

Valery P. Gridnev, Professor of Chair of Economics of North-West Institute of Management of RANEP (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor, valerijgridnev@yandex.ru

Российская благотворительность как фактор доверия между обществом и государством в XIX веке

Питулько Г. Н.^{1, 2}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; pitulko-gn@ranepa.ru

²Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье речь идет о феномене благотворительности в Российской империи в XIX в. Автор затрагивает вопросы взаимодействия государства и общества с точки зрения доверия. Данный подход иллюстрируется на примере Санкт-Петербурга, поскольку именно в столице наиболее успешно развивались как ведомственные заведения, так и частная инициатива в сфере филантропии.

Ключевые слова: благотворительность, благотворительные общества, благотворительная деятельность, фактор доверия

Для цитирования: Питулько Г. Н. Российская благотворительность как фактор доверия между обществом и государством в XIX веке // Управленческое консультирование. 2022. № 4. С. 130–135.

Russian Charity as a Confidence Factor between Society and the State in XIX Century

Galina N. Pitulko

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; pitulko-gn@ranepa.ru

²Library of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

There is talking about phenomenon of the charity in the Russian empire in the XIX century in this article. Author is considering themes of the collaboration between state and society from the point of view of trust. This approach is illustrated on the example of Sankt-Petersburg because there are developing the most successfully in the capital both departmental institutions and a private initiative in the field of philanthropy.

Keywords: charity, charitable organizations, philanthropic activity, a confidence factor

For citing: Pitulko G. N. Russian Charity as a Confidence Factor between Society and the State in XIX Century // Administrative consulting. 2022. N 4. P. 130–135.

Актуальность темы статьи подтверждается прежде всего значимостью такого явления в жизни российского общества и государства, как благотворительность, как в прошлом, так и в настоящем. Далеко не случайно и то, что интерес исследователей к данной проблематике с конца XX — начала XXI вв. заметно вырос. Особенностью современного состояния изучения темы благотворительности и меценатства стало то, что в фокусе интересов историков находятся как довольно узкие исторические периоды, так и огромные масштабные по времени эпохи, при этом новейшие исследования базируются на уникальных архивных материалах, хранящихся в крупнейших архивах России, в том числе и Санкт-

Петербурга. Следует отметить огромный вклад в изучение данной проблематики двух современных ученых, представляющих московскую и петербургскую исторические школы, а именно Г. Н. Ульянову и А. Р. Соколова. Среди московских историков, занимающихся изучением благотворительности, можно выделить Галину Николаевну Ульянову, автора многих работ, в том числе обобщающего труда о благотворительности в России XIX — начала XX в., вышедшего в Москве в издательстве «Наука» в 2005 г.: «Благотворительность в Российской империи. XIX — начало XX в.» [8]. Исследовательница проанализировала не только эволюцию законодательных мер в сфере принятия и реализации благотворительных пожертвований, но и рассмотрела основные этапы институционального развития российской филантропии [1, с. 183–185]. Причем в круг специальных интересов Г. Н. Ульяновой вошло подробное изучение законодательства, касающегося благотворительности в России конца XVIII — начала XX в. [9, с. 17–32].

Что касается петербургского историка Александра Ростиславовича Соколова, то он является одним из крупных ученых, занятых исследованием института генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи, а также деятельности Государственной Думы [3]. Ему же принадлежит авторство нескольких работ, связанных с проблематикой российской филантропии, в том числе монография «Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX в.)» [7]. Для нас принципиально важно, что в центре научных изысканий этого историка находятся вопросы становления и развития системы социального призрения в Российской империи в широкий имперский период XVIII–XIX вв. По мнению А. Р. Соколова, социальные условия возникновения благотворительности в западноевропейских государствах и в России вполне сопоставимы. Тем не менее в силу целого ряда серьезных причин довольно долго Российское государство брало на себя лишь функции контроля над филантропией. Причем в эпоху Петра Великого (1682–1725) в России были оформлены лишь первоначальные основы института благотворительности. Как полагает исследователь, это была особая форма заботы со стороны государства, которая распространялась на категорию увечных воинов и полицейских.

Если касаться хронологии эволюции института благотворительности, то большинством российских историков признается точка зрения, что наиболее успешное его развитие приходится на время правления Екатерины Великой (1762–1796). При личном содействии императрицы были созданы приказы общественного призрения и воспитательные дома в общегосударственном масштабе. По оценкам А. Р. Соколова, это была смешанная общественно-государственная структура.

Наиболее длительным по времени периодом и весомым по своему значению в развитии благотворительности в Российской империи стал XIX в. Как раз в правление внука Екатерины Великой Александра I (1801–1825) создается ставшее знаменитым филантропическим институтом Императорское Человеколюбивое общество. При этом город Санкт-Петербург выступал в роли общеимперского центра, где были образованы и действовали руководящие органы всероссийских филантропических объединений. Как отмечал еще в начале XX в. Е. Д. Максимов, «... история государственного призрения <...> это процесс двух начал: с одной стороны, бюрократического <...>, а с другой, общественного, <...> которому <...> рано или поздно была обеспечена победа» [5, с. 41].

Следует подчеркнуть, что, начиная с периода реформаторской деятельности Екатерины II, когда была создана система Воспитательных домов, стала решаться двуединая задача — контроль государства в форме приказов общественного призрения, но при этом новые структуры должны были существовать за счет «боголюбивых подаяний» частных лиц. Первые же попытки соединить частную инициативу и нужды экономики приходятся как раз на XIX век, когда российское прави-

тельство предпринимает попытку использовать средства приказов общественного призрения и приписывать к ним фабрики, никак не связанные с филантропией. Таким образом, в результате бурного развития новых буржуазных отношений возрастает значение филантропических проектов купечества, мещанства, т. е. важнейших сословий. При этом важнейшую роль стали играть различные государственные льготы и преференции для поддержки развития новых форм благотворительности. Иными словами, «...история государственного призрения <...> это процесс двух начал: с одной стороны, бюрократического <...>, а с другой, общественного, <...> которому <...> рано или поздно была обеспечена победа» [5, с. 41].

Согласно данным официальной статистики, к началу XX в. в Российской империи стало действовать более 19 тыс. благотворительных учреждений. Они, находясь на трех уровнях подчинения: муниципальном, земском и ведомственном, имели значительное финансирование за счет благотворительных пожертвований. Весьма примечательно, что более половины лечебных и учебных учреждений в крупнейших городах Российского государства, включая Санкт-Петербург, Москву, Нижний Новгород, Самару и некоторые другие крупные центры, были созданы на частные средства.

Как уже отмечалось выше, Санкт-Петербург как имперская столица по темпам развития благотворительности значительно превосходил все другие российские города. Особенность института меценатства в Петербурге заключалась в многообразии видов и типов заведений, а также в активном развитии ведомственных благотворительных заведений министерств, особенно в рамках МВД. В нем находились главные институты управления всероссийских благотворительных ведомств и обществ, которые имели отделения по всей стране. Так, согласно статистическим данным за 1884 г., их было 728, спустя 5 лет — 757, в 1892 г. — 764. Динамика роста благотворительных институтов вполне очевидна. Российский статистик конца XIX в. Ю. Э. Янсон отмечал: в столице в 1889 г. общее количество населения, пользующегося благотворительностью, составляло не менее 255 тыс. чел., или 27% всего населения столицы [11].

Примечательно, что все петербургские городские богадельни подчинялись Министерству внутренних дел. Так, в частности, МВД как ведомство контролировало Сиротский дом для мальчиков при евангелической лютеранской церкви святой Анны. А Волковская богадельня, Родовспомогательное заведение при Мариинской больнице и Клинический повивальный институт в Санкт-Петербурге ведомственно подчинялись Ведомству Учреждений Императрицы Марии (далее — ВУИМ). В систему ВУИМ в столице входили также автономные филантропические общества. В их числе можно упомянуть и Императорское женское патриотическое общество, которое содержало 7 школ-интернатов, 8 школ для приходящих и 1 рукодельную школу, общим капиталом в 644 300 руб. Важную роль играло Попечительство Императрицы Марии Александровны о слепых, которое патронировало 23 училища, 3 убежища для престарелых слепых, 7 глазных лечебниц, общие капиталы которых в 1898 г. составляли 2 790 000 руб. Помимо этого функционировало Попечительство Императрицы Марии Федоровны о глухонемых, имевшее дом для детей на 80 мест, а также Петербургский Совет Ведомства детских приютов (23 приюта для приходящих и 6 сиротских отделений, общие капиталы — 1 764 754 руб.).

Также в системе ВУИМа в имперской столице располагались пять заведений для призрения престарелых (Вдовый дом, четыре богадельни, включая Волковскую, в память цесаревича Николая Александровича, дом императрицы Александры Федоровны и Дом Анатолия Демидова) и 10 больниц (Мариинская, Александринская женская, Святой Ольги, Всех Скорбящих, Николаевская детская, детская больница принца Петра Ольденбургского, Елисаветинская клиническая для малолетних, глазная лечебница, Повивальный институт и пр.).

Самым главным направлением деятельности ВУИМа была помощь детям в форме детских приютов на основе Высочайше утвержденного «Положения о детских приютах Ведомства учреждений Императрицы Марии». Образцовым примером подобных учреждений являлся приют барона Штиглица в Санкт-Петербурге, открытый в 1837 г. К концу 1880-х гг. Ведомство контролировало 129 детских приютов, причем 23 из них располагались в Петербурге, а 13 — в Москве [8, с. 210].

С 1900-х годов в столице начинается подъем муниципальной благотворительности, это стало возможным благодаря деятельности созданной специальной комиссии по благотворительности при городской думе под председательством благотворителя и предпринимателя Н. Н. Брусницына.

Целый ряд заведений находился под юрисдикцией сословных обществ — купеческого, мещанского, ремесленного, а также Петербургского дворянского собрания. Так, купеческая корпорация содержала Николаевский Дом призрения престарелых и увечных граждан, Чесменскую богадельню и богадельни купцов I гильдии Садовникова и Герасимова.

В российской столице также успешно развивалась и благотворительность, которую осуществляли церковные институты. Так, по инициативе Русской православной церкви были сформированы и работали 107 благотворительных заведений для горожан. Помимо этого в Санкт-Петербурге действовал целый ряд инوверческих организаций, которых также можно отнести к благотворительным. Так, с 1898 г. функционировало Мусульманское благотворительное общество. Его учредителями являлись генерал-майор Султан Вали-Хан и статский советник, служащий Государственного банка Д. С. Смольский. Это общество содержало начальную школу для бедных детей, устраивало так называемые «восточные вечера», выдавало стипендии студентам-мусульманам и пр.

Также существовало огромное число заведений, основанных на частных пожертвованиях. В городе действовали богадельни Елисеевых, Тарасовых, Белосельских-Белозерских, Михайлова, графа Апраксина, княгини Салтыковой, Кушелева-Безбородко, Петровых, княжон Волконских, Брусницыных и т. д. Доля дворян-благотворителей в Санкт-Петербурге была намного выше по сравнению с другими российскими городами.

Вообще в сфере благотворительности в Российской империи проявлялся определенный дуализм: максимум государственного регулирования при минимуме государственного финансирования. В пореформенный период с введением новых органов муниципального и земского управления большинство благотворительных учреждений стало возникать под юрисдикцией местных органов. Этому способствовало и развитие законодательной базы государства — выведение регистрации благотворительных обществ из-под центральной юрисдикции в сферу компетенции местного самоуправления.

В имперский период в России получили развитие все основные формы и типы благотворительной помощи — от огромных пожертвований на строительство больниц, школ и богаделен до пособий бедным в виде мелких сумм (50 коп.) или же просто вязанки дров. Так, в конце XIX — начале XX в. число бедняков, получавших вспомоществование, составляло 3 млн чел. При этом Петербург выступал в роли общеимперского центра, где действовали руководящие органы всероссийских филантропических объединений. Как утверждает Г. Н. Ульянова, в политических условиях Российской империи при высокой степени централизации власти благотворительные институты выступали в качестве элементов формирующегося гражданского общества. С этой точки зрения именно филантропы демонстрировали опыт гражданской самостоятельности и активной общественной позиции.

Некоторые ученые, исследующие проблемы взаимоотношений государственной власти и благотворительных институтов, высказывают точку зрения, что само яв-

ление филантропии развивалось как в тесном союзе с государством, так и в прямой конфронтации с ним. Так, в пореформенный период в 1882–1889 гг. в Российской империи наметился непродолжительный спад благотворительной деятельности в сфере народного образования. Это было связано, как считает А. Р. Соколов, с удачными реформами, проведенными правительством в армии, а также с действенной поддержкой отставников и инвалидов, осуществлявшейся через Комитет о раненых и через другие структуры.

Таким образом, традиционное для российского общества христианское «нищелюбие» как форма общественной взаимопомощи было вполне характерным явлением и для XIX столетия. Обобщая некоторый опыт современных исследований по благотворительности, можно утверждать, что сама структура, механизмы и параметры филантропии со стороны государственных полномочий и институтов исследуемый исторический период являли собой единое целое с точки зрения доверительных отношений между обществом и государством.

Литература

1. Аксенов А. И., Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи. XIX — начало XX в. // Российская история. 2007. № 3. С. 183–185.
2. Боханов А. Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989.
3. Государственная Дума в России 1906–1917: историко-документальное издание. СПб., 2006.
4. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб., 2001.
5. Максимов Е. Д. Общественная помощь нуждающимся в историческом развитии в России // Благотворительность в России. Т. I. СПб., 1907.
6. Сборник сведений о капиталах Ведомства учреждений императрицы Марии. Т. 1. СПб., 1884.
7. Соколов А. Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII — конец XIX в.). СПб., 2006.
8. Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи. XIX — начало XX в. М., 2005.
9. Ульянова Г. Н. Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII — начало XX в.) // Отечественная история. 2005. № 6. С. 17–32.
10. Ульянова Г. Н., Линденмайер А. Бедность не порок. Благотворительность, государство и общество в имперской России // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 167–170.
11. Янсон Ю. Э. Сборник сведений о благотворительности в Санкт-Петербурге. Т. 1. СПб., 1889.

Об авторе:

Питулько Галина Николаевна, доцент кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), старший научный сотрудник Библиотеки Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат исторических наук; pitulko-gn@ranepa.ru

References

1. Aksenov A. I., Ulyanova G. N. Charity in the Russian Empire. XIX — early XX century // Russian history [Rossiiskaya istoriya]. 2007. N 3. P. 183–185 (in Rus).
2. Bokhanov A. N. Collectors and patrons of art in Russia. M., 1989 (in Rus).
3. State Duma in Russia 1906–1917: historical and documentary publication. SPb., 2006 (in Rus).
4. Institute of Governor General and Governorship in the Russian Empire. SPb., 2001 (in Rus).
5. Maximov E. D. Public assistance to those in need of historical development in Russia // Charity in Russia. Vol. I. SPb., 1907 (in Rus).
6. Collection of information on the capital of the Department of Institutions of Empress Mary. Vol. 1. SPb., 1884 (in Rus).
7. Sokolov A. R. Charity in Russia as a mechanism of interaction between society and the state (beginning of the XVIII — end of the XIX century). SPb., 2006 (in Rus).

8. Ulyanova G.N. Charity in the Russian Empire. XIX — early XX century M., 2005 (in Rus).
9. Ulyanova G.N. Legislation on charity in Russia (late XVIII — early XX centuries) // Domestic history [Otechestvennaya istoriya]. 2005. N 6. P. 17–32 (in Rus).
10. Ulyanova G.N., Lindenmayer A. Poverty is not a vice. Charity, state and society in imperial Russia // Questions of history [Voprosy istorii]. 1998. N 2. P. 167–170 (in Rus).
11. Janson J.E. Collection of information about charity in St. Petersburg. Vol. 1. SPb., 1889 (in Rus).

About the author:

Galina N. Pitulko, Associate Professor of Chair of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Senior Researcher of Library of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in History; pitulko-gn@ranepa.ru

Императорская власть и российское общество в первой четверти XVIII века: проблема обретения доверия*

Стецкевич Е. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; stetskevich-es@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена изменениям в сфере государственного и местного управления в первой четверти XVIII в. Рассматривая особенности проведения городской реформы, введение новых институтов и процедур в сфере управления, автор делает вывод о том, что в этот период границы доверия между царской/императорской властью и лицами, участвующими в управлении, были изменены. В результате целенаправленного отказа от аристократической модели государственной службы к управлению было привлечено значительное число представителей городского и дворянского сословий. При написании статьи были использованы проблемно-хронологический, историко-типологический, историко-критический методы, а также метод контент-анализа. Сделан вывод о том, что хотя многие нововведения первой четверти XVIII в. не носили долговременного характера, они послужили основой для последующих преобразований второй половины XVIII в.

Ключевые слова: Бурмистерская палата, земские избы, Главный Магистрат, городовые магистраты, ландраты, голосование шарами (баллами)

Для цитирования: Стецкевич Е. С. Императорская власть и российское общество в первой четверти XVIII века: проблема обретения доверия // Управленческое консультирование. 2022. № 4. С. 136–145.

The Imperial Power and Russian Society in the First Quarter of the XVIII Century: The Problem of Gaining Trust

Elena S. Stetskevich

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; stetskevich-es@ranepa.ru

ABSTRACT

The article analyzes the process of changes in the sphere of state and local government during the first quarter of the XVIII century. Considering the features of the city government reform, the introduction of new institutions and procedures in the field of management, the author concludes that during this period the boundaries of trust between the tsarist/imperial authorities and persons involved in process of management were changed. As a result of a deliberate rejection of the aristocratic model of public service, a significant number of representatives of the urban and noble classes were involved in the process of management. The author used problem-chronological, historical-typological, historical-critical methods, as well as the method of content analysis. It is concluded that although many innovations of the first quarter of the XVIII century were not of a long-term nature, they served as the basis for subsequent transformations of the second half of the XVIII century.

Keywords: Burmister chamber, zemstvo huts, Chief Magistrate, city magistrates, landrats, voting with balls (points)

For citing: Stetskevich E. S. The Imperial Power and Russian Society in the First Quarter of the XVIII Century: The Problem of Gaining Trust // Administrative consulting. 2022. N 4. P. 136–145.

* Статья подготовлена по итогам проведения международного Невского Форума — 2021.

Введение

Первая четверть XVIII в. стала временем сознательного заимствования западноевропейского опыта, прежде всего, в области государственного и местного управления. Петр Великий (1682–1725), путешествуя по европейским странам, не только осваивал ремесла, но и знакомился с существующей там системой управления. В результате российская административная система была изменена в соответствии с принципами камерализма. Органы государственного управления были организованы по функциональному признаку, введены единые унифицированные штаты и унифицированное жалование в государственных учреждениях. Должностные инструкции служащих были зафиксированы на бумаге. Стала обязательной присяга на верность царю (с 1721 г. императору).

В основе российских административных реформ лежал опыт преимущественно Швеции и Дании, частично — Франции и Англии. Однако это не было слепое подражание. Петр I брал на вооружение только то, что признавал годным для России. Согласно словам монарха, зафиксированным А. К. Нартовым — «Английская вольность здесь (в России. — Е. С.) неуместна, как к стене горох. Надлежит знать народ, как оным управлять» [10, с. 82].

В области управления в этот период переплелись две противоположные тенденции. С одной стороны, в результате административных реформ был введен сильный контроль за всеми управленческими институтами посредством органов прокуратуры и института фискалитета. С другой, предпринимались новые попытки введения выборности на уровне местного управления в ходе городской реформы в 1699 и в 1720–1721 гг. В сфере местного управления появились должности, которые должны были занимать выборные представители из дворян. Наконец, в государственных учреждениях при обсуждении важнейших вопросов планировалось использовать процедуру голосования шарами (баллами).

Как известно, реформы первой четверти XVIII в. осуществлялись быстро и первоначально не имели четкого, продуманного плана. Нововведения появлялись, при неэффективности отменялись, заменялись другими. Но рассматривать их очень интересно, поскольку вносимые изменения реально демонстрируют процесс выработки наиболее эффективных и полезных для государства с точки зрения Петра Великого инструментов управления.

Материалы и методы

В качестве источников в статье использованы нормативно-правовые документы первой четверти XVIII в., регламентировавшие проведение городских реформ, привлечение дворян на службу в сфере местного управления и введение процедуры голосования при обсуждении вопросов. Автор статьи опирался на труды отечественных дореволюционных и современных исследователей, посвященные преобразованиям Петра Великого. При подготовке статьи были использованы проблемно-хронологический, историко-типологический, историко-критический методы, а также метод контент-анализа.

Результаты

Городская реформа стала одной из первых, которую царь провел вскоре после возвращения из Великого посольства 1698–1699 гг. Она была осуществлена в два этапа. Первый этап был реализован в 1699 г., второй в 1720–1721 гг. Реформа была начата двумя указами от 30 января 1699 г. Первый указ предусматривал

учреждение в Москве Бурмистерской палаты (от немецкого — *Burgmeister*, дословно городской мастер, городской голова, мэр или бургомистр)¹. Попутно отметим, что спустя десять месяцев именным указом от 17 ноября 1699 г. Бурмистерская палата была переименована в Ратушу². Согласно указу от 30 января 1699 г. все городское население Московской Руси (черные сотни, слободы, посадские, купецкие и промышленные люди) исключалось из ведения воевод и приказов, поскольку государю стало известно о многих «приказных волокитах». Вследствие прежнего управления городское население несло убытки, разорение, а государственная казна страдала от недоборов. Главная цель вводимого городского управления состояла в том, чтобы государевой казне «во всех доходах и сборах (было. — *Е. С.*) пополнение». Полнота казны являлась постоянной заботой Петра I, обусловленной созданием регулярной армии, заведением военно-морского флота и ходом Северной войны (1700–1721). Практически все управленческие структуры — Сенат, коллегии, губернаторы — должны были заботиться о сборе налогов.

Согласно указу для сбора податей в городах ежегодно следовало избирать бурмистров из «добрых и правдивых людей, кого они в городах меж себя и по сколько человек похотят». Каждый из выбранных бурмистров в течение месяца должен был быть президентом. Здесь проявились важнейшие моменты, характерные и для последующих преобразований — отбор «добрых и правдивых», не обязательно родовитых людей, а также последовательное занятие старшего места по очереди, без какого-либо контроля со стороны других управленческих структур. Фактически, здесь можно рассмотреть начало внедрения принципа коллегиальности в управлении. Избранные бурмистры ежегодно, в сентябре, должны были подавать сведения о собранных суммах в Приказ Большой казны.

Второй именной указ от 30 января 1699 г. предусматривал учреждение в городах земских изб для ведения расправных дел между посадскими и торговыми людьми. В отличие от первого указа в нем кроме городов упоминались также села, волости и уездные города. Он предусматривал увеличение окладных ежегодных сборов вдвое против прежнего. «Мирских выборных людей в Земские избы» надлежало выбирать по два или по три человека из гостей и торговых людей и присылать в Москву в приказы³ [6, с. 109]. Как отмечают исследователи, из 70 российских городов лишь 11 согласились на удвоение податей, остальные или отказались, или согласились только на выборы бурмистров. Таким образом, реформа была проведена без увеличения платежей [11, с. 18].

Вскоре за первыми указами последовал еще один. Указ от 16 марта 1699 г. (ПСЗРИ № 1683) четко определил количество избираемых бурмистров: от гостей — четыре человека, от гостиных сотен — четыре, изо всех слобод и черных сотен — четыре, всего двенадцать. При бурмистрах «для ведения книг, учета прихода и расхода» должны были находиться «старые, добрые» подьячие — двенадцать человек и писцы. Для рассылок планировалось набрать сто солдат. Все нововведения вступали в силу с 1 сентября 1699 г.⁴

А. А. Кизеветтер указывал, что согласно реформе 1699 г. все городские слои получили равное представительство. Выборы, очевидно, были двухступенные. Сначала от слобод избирали по одному бурмистру, а потом от общего числа двенадцать бурмистров на город. Причем выборы проходили, так как сами посады установят [7, с. 660–661].

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 1–45. СПб., 1830. Т. 3. № 1674. Далее — ПСЗРИ.

² Там же. № 1718.

³ Там же. № 1675.

⁴ Там же. № 1683.

Напомним, что традиция выборов представителей от населения для участия в местном управлении существовала достаточно давно. Так, земские и губные старосты избирались со времен реформ Избранной рады, проведенных в годы правления Ивана IV. Земские и губные старосты находились под жестким контролем администрации в лице воевод [7, с. 618]. В XVIII столетии выборные процедуры были распространены на представителей городского населения России.

После проведения губернской реформы (1708) сбор налогов стал одной из главных функций губернской администрации. В 1709 г. бурмистерские избы были подчинены губернскому руководству [2, с. 45]. Ратуша сохранилась в Москве как орган управления Москвой [3, с. 117]. Губернская реформа разделила территорию страны сначала на восемь в 1708 г., затем на тринадцать губерний абсолютно разных по размеру и количеству проживавшего на их территории населения. В 1719 г. губернии были разделены на провинции и дистрикты. В период с 1717 по 1721 г. приказная система управления была заменена коллегиальной. Затем начался второй этап городской реформы. В Санкт-Петербурге был создан Главный магистрат для управления столицей и «ведения всех купецких людей судом» [3, с. 144]. 16 января 1721 г. Петром Великим был подписан Регламент или Устав Главного Магистрата. В качестве основы при создании данного документа были использованы Генеральный Регламент и должностные инструкции ревельского и рижского магистратов [4, с. 134; 5, с. 356].

Главный магистрат как орган центрального управления, имевший права коллегии под руководством президента — купца Ильи Исаева и обер-президента князя Ю. Ю. Трубецкого, должен был выполнять судебные функции в отношении граждан городов. Именно этот термин «граждане» был использован в документе. Главному магистрату надлежало заботиться о содержании полиции в городах, собирать доходы, следить за благоустройством городов, заведении школ, заниматься устройством ярмарок и пр.¹

Регламент Главного Магистрата предусматривал учреждение в городах всех губерний и провинций «для наивысшей государственной пользы» магистратов, которые должны были ведать правосудием, следить за «добрым порядком», заботиться о «пользе и всяком благоприобретении в купечестве», т. е. быть «начальством градским».

Фактически согласно Регламенту Главного Магистрата в каждом городе должны были избираться президенты, бургомистры и ратманы (от нем. Rath — совет, man — человек) «из первостатейных, добрых, пожиточных и умных людей», из числа тех, за кого отдадут большее число голосов. Результаты выборов, зафиксированные «на письме», губернаторы, вице-губернаторы и воеводы должны были присылать в Санкт-Петербургский Главный Магистрат. Лучших из выбранных, по три-четыре человека, прислать в Главный магистрат, где результаты будут утверждены и изданы указы о том, что эти люди должны быть при магистратском правлении. Таким образом и в этот период городской реформы выборы осуществлялись в два этапа: в городах отбирали лучшие кандидатуры, но окончательный выбор делал орган центрального управления².

Магистраты избирались только городской верхушкой — гости, гостиная сотня, первостатейные люди. В 1720-е годы Сенат предписывал производить выборы тройным числом, т. е. предварительно на уровне посадской общины намечались выборами кандидаты в тройном количестве и из них проводился окончательный выбор. Сход намечал кандидатов и он же делал окончательный выбор. Результаты посадских выборов утверждались Главным магистратом [7, с. 684–685, 693].

¹ Там же. Т. 6. № 3708.

² Там же.

Все города были разделены на пять разрядов в зависимости от имеющихся в них количества дворов. Число членов магистратов зависело от размера города. Во всех городских магистратах было обязательно наличие Президента, а число бургомистров зависело от размера города: от четырех в городе, относившемся к первому разряду, до одного — в городе из пятого разряда. При каждом бургомистре должны были находиться по два советника — ратмана в крупных городах¹. В 1724 г. число ратманов увеличилось до трех человек согласно Инструкции Магистратам от 30 декабря 1724 г.² (ПСЗРИ № 4624). В маленьких городах, насчитывавших менее 250 дворов, предусматривалась единоличное правление бургомистра без магистратов. Городовые магистраты не подчинялись губернаторам.

В каждом городе на площади планировалось построить дом каменный или деревянный под здание органа городского управления. Городские магистраты должны были ежегодно подавать сведения в Главный магистрат относительно нужд городов, прибыли и убыли населения, потребностях конкретного города³.

30 декабря 1724 г. была издана Инструкция Магистратам, окончательно закрепившая разделение жителей городов на разные слои⁴. В число граждан города не входили дворяне, чиновники, духовенство, иностранцы, занимавшиеся ремеслом и торговлей. Остальное городское население было разделено на две гильдии (первую и вторую), куда входили «регулярные, знатные» граждане, а также «подлых» людей, т. е. лиц, работающих по найму и на черных работах [5, с. 337–338].

Согласно Инструкции магистратам каждая гильдия из первостатейных людей выбирала несколько человек в старшины, которые должны были помогать магистрату «во всяких гражданских советах». Из числа старшин выбирали одного старосту на год и товарища старосты на два года для того, чтобы они «к гражданской пользе» подавали магистратам соответствующие предложения. «Подлые люди» также выбирали старост и десятских, которые должны были сообщать магистратам о всяких нуждах. С другой стороны и магистрат также должен был прислушиваться к их нуждам и «иметь надлежащее попечение»⁵.

Таким образом, вследствие проведенных преобразований в городах появились сначала выборные бурмистры и земские избы, затем выборные городские магистраты. В отечественной историографии оценка этих органов управления была различной. А. А. Кизеветтер отмечал, что городские магистраты, по сути, не были органами самоуправления, невзирая на иноземные названия. Их цель состояла в том, чтобы выполнять и передавать распоряжения центральной власти, следить за их исполнением на месте, контролировать и доносить о невыполнении. Члены городского управления избирались на посадских сходах, но затем фактически происходило их отчуждение от населения. А. А. Кизеветтер приводит яркие примеры, согласно которым магистраты воспринимались как начальство, а не самоуправление и пишет о том, что старосту, выбранного общиной, могли бить батогами при всем мире, а членов магистратов никогда. Таким образом, магистраты не были подотчетны тому населению, которое их избирало [7, с. 620–622].

Этой же точки зрения придерживаются и современные исследователи. В частности, В. А. Воропанов относит органы управления городами к системе местного управления и использует для их определения термин — «общественное управление в системе местного государственного управления» [2, с. 45]. Н. А. Иванова и В. П. Желтова подчеркивают, что магистраты «отражали особый этап развития

¹ Там же.

² Там же. Т. 7. № 4624.

³ Там же. Т. 6. № 3708.

⁴ Там же. Т. 7. № 4624.

⁵ Там же.

городского общества в первой половине XVIII в.», они были «новыми по форме», но фактически были построены «на старой выборной (тяглой) основе», являясь по сути правительственными учреждениями» [5, с. 359]. Похожей точки зрения придерживается и И. В. Минникес [8, с. 207, 209–210]. Тем не менее в фундаментальном труде Б. Н. Миронова приводятся конкретные факты, свидетельствующие о том, что магистрат в отличие от государственных учреждений «был ближе к нуждам местного населения, считался с общественным мнением, зависел от городской общины, и это делало его также и институтом самоуправления» [9, с. 492–493].

В структуры местного управления, складывающиеся в первой четверти XVIII в., активно привлекались представители дворянства в противовес старой родовой аристократии. Указом от 10 марта 1702 г. в российских городах были упразднены губные старосты и сыщики. Отныне следовало «ведать всякие дела с воеводами дворянам, тех городов помещикам и вотчинникам, добрым и знатным людям». Согласно указу воеводам было запрещено без дворян разбирать дела по общим приговорам: «крепить» все дела своими руками и воеводе, и дворянам. Дворян следовало выбирать в больших городах по три-четыре человека, в малых — по два¹. Выборы по уездам прошли в 1702–1704 гг., однако отнюдь не повсеместно [1, с. 52].

Поэтому 19 января 1705 г. последовал еще один именной указ, предписывающий воеводам выбрать товарищей из дворян и быть дворянам не только у «челобитчиковых» дел, но при всех делах, которыми занимались воеводы — «государевых, челобитчиковых и сборах денежных». Дворяне могли избираться из московских чинов и дворян, проживающих в городах, но в указе особо подчеркивалось, что это должны были быть «добрые и заобычные» люди, в каждом городе по два человека². Таким образом, произошло существенное расширение количества городов, где рядом с воеводами появились избранные дворяне. Однако, как отмечают исследователи, на практике совместная деятельность не удалась и постепенно заглохла [1, с. 57].

В период проведения губернской реформы выборные представители от дворян появились непосредственно возле фигуры губернатора. Согласно указу от 24 апреля 1713 г. при губернаторах учреждались ландратские (от нем. land — страна; rat — совет, советник) советы. В больших губерниях по двенадцать человек, в средних по десять, в меньших по восемь. Круг их обязанностей был фактически ничем не ограничен: все дела «с губернатором делать». Особо подчеркивалось, что губернатор является для ландратов президентом, а не начальником. При обсуждении вопросов губернатор имел два голоса, ландраты по одному³.

Ландратов успели выбрать только в четырех губерниях [1, с. 76–77], как последовало новое указание о том, что советников должны выбирать сами дворяне. Данное разъяснение содержалось в указе от 20 января 1714 г. Указ очень короткий по тексту, но знаковый. Он предусматривал обучение дворянских детей (кроме однодворцев) «цифири и геометрии» с наложением штрафа, если не будут учиться, то «невольню буде и жениться». Здесь же было определено — выбирать ландратов в каждом городе или провинции (группа городов на тот момент) всеми дворянами⁴.

М. М. Богословский приводит сведения о том, что на практике выборы не проводились, а Сенат выбирал нужные кандидатуры из общего списка присланных из губерний. Чаще всего выбирали их губернаторы, а утверждал Сенат. В ландраты назначались выходцы из губерний старых служилых родов, старого чина стольни-

¹ Там же. Т. 4. № 1900.

² Там же. № 2018.

³ Там же. Т. 5. № 2673.

⁴ Там же. № 2762.

ки. Их называли царедворцами. В тех губерниях, где царедворцев не хватало, назначали из городского дворянства и даже из дьяков [1, с. 82–84].

Круг обязанностей ландратов был определен в последующих документах. Совместно с губернаторами они контролировали сбор налогов и могли штрафовать тех комендантов, кто не справился с этим¹. С 1719 г. ландраты всех губерний были в ведении Камер-коллегии, контролировавшей сбор налогов².

Ландраты принимали участие в обсуждении дел на совещаниях губернаторов с вице-губернаторами и обер-комендантами. Порядок обсуждения на этих заседаниях был установлен такой же, как впоследствии в коллегиях. Высказываться присутствующие должны были снизу, начиная с низшего по положению человека, не повторяя друг друга и «крепить» принимаемое решение подписями³. Тем не менее М. М. Богословский убедительно продемонстрировал, что деятельность советов не была регулярной и повсеместной [1, с. 93–94]. Ландраты могли исполнять разовые поручения, выезжая на места, но их можно было посылать только по самым нужным делам и только с общего совета, скрепив данное решение подписью⁴.

Согласно указу от 28 января 1715 г. специфика ландратской деятельности изменилась. В управление ландратам была выделена доля — территория размером в 5536 дворов. Ландраты управляли только крестьянами, тогда как посады остались в ведении бургомистров. В каждой доле при ландрате состоял комиссар для сборов и всяких дел, четыре подьячих и двенадцать конных рассыльщиков. Жалованье ландратам было определено в 120 руб. в год. На эту же сумму выдавалось продовольствие. Отдельно компенсировались затраты на дрова, свечи и канцелярские расходы. Из ландратов при губернаторах всегда должны были находиться два человека, меняясь раз в месяц или в два. В конце года все ландраты съезжались к губернатору со всеми ведомостями для совместного рассмотрения дел. Ландраты были подсудны губернаторам, вице-губернаторам и другим ландратам⁵.

Одним из наиболее значимых дел, которые выполняли ландраты с 1715 г. по 1718 г., стала перепись крестьян «по именам» и крестьянских дворов в пределах доли. Результаты переписи должны были быть представлены в Сенат⁶. По мнению М. М. Богословского, ландраты не успели закончить перепись, так как были перегружены разными поручениями, да и сам принцип налогообложения впоследствии был изменен [1, с. 136–138].

Наконец, ландраты способствовали соблюдению правопорядка на вверенных им в управление территориях. Так, среди тех, кто должен был заботиться согласно указу от 19 марта 1719 г. об искоренении воровских людей, беглых солдат и рекрутов на местах, были упомянуты и ландраты. Они должны были подавать еженедельные, а если далеко, то ежемесячные «сказки», что у них в долях нет искомых людей⁷. Также ландраты получали и передавали вверх по инстанциям доношения фискалов о хищениях на местных территориях⁸. Таким образом, в круг обязанностей ландратов входили сбор налогов, перепись сельского населения, контроль за населением, участие в делах местной губернской администрации. Однако в связи с очередным витком губернской реформы, в результате введения провинций и воевод в 1719 г., ландраты были упразднены.

¹ Там же. № 2776.

² Там же. № 3354.

³ Там же. № 2791.

⁴ Там же. № 2770.

⁵ Там же. № 2879.

⁶ Там же. № 2964.

⁷ Там же. № 3334.

⁸ Там же. № 3081.

Одним из интереснейших нововведений, которое предполагалось использовать в деятельности органов государственной власти, следует считать попытку введения голосования в процессе принятия решений на заседаниях коллегий. Указ Петра Великого «Образ баллотирования как в оном поступать надлежит» от 17 февраля 1720 г. содержал подробное описание технологии голосования шарами (баллами)¹. Голосование должно было проходить в отдельной комнате. Стулья расставлялись так, чтобы персоны не могли коснуться рукой друг друга. Им следовало сидеть вокруг стола, поставленного в середине помещения, на котором находились ящик для голосования и чаша с баллами. Первоначально все голосующие проверяли ящик, чтобы в нем не было шаров. Затем рассаживались в епанчах, не подходя к шарам. После принесения присяги и скрепления ее подписью каждый голосующий брал из чаши шар. Число шаров соответствовало числу голосующих. Шары изготавливались из мягкой, не плотной материи и ни в коем случае не из дерева, чтобы не было слышно звуков при его опускании в ящик для голосования. Ящик для голосования подносился всем, начиная с президента коллегии. Голосующий прикрывался епанчой, чтобы никто не видел, куда он кладет шар при голосовании. Затем шары вынимались прилюдно, подсчитывались. Принятое по результатам голосования решение скреплялось подписями и фиксировалось секретарем. Данный способ голосования, очевидно, воспринимался Петром Великим как некая гарантия от возможного произвола и предвзятости в процессе принятия решений.

Заключение

Таким образом, в первой четверти XVIII в. в результате реформ Петра Великого в городах появились сначала выборные земские избы, затем выборные городовые магистраты, формировавшиеся из числа жителей городов. И хотя выборная городская администрация была частью единой бюрократической системы государственного управления, проведенные реформы способствовали как консолидации городского населения, так и формированию навыков участия в управлении территорией. Представители дворянства, являясь одним из служилых сословий в первой четверти XVIII столетия, участвовали на выборной основе в управлении территориями на уровне губерний. Это яркий образец проявления доверия одному слою — дворянству — в противовес старой, родовой аристократии. Выборная дворянская служба в этот период не получила развития, но, бесспорно, наработанный опыт был учтен в период екатерининских реформ во второй половине XVIII в. Попытку введения голосования шарами при обсуждении вопросов в коллегиях можно оценивать как показатель доверия независимой, свободной от давления процедуре голосования и, напротив, недоверия конкретным исполнителям воли монарха.

Городские реформы, опыт привлечения дворян к выборной службе на уровне местного управления, попытка введения процедуры голосования послужили основой для последующих реформ, проведенных во второй половине XVIII в. в период правления Екатерины II, а пространство доверия абсолютистской по духу и сути власти по отношению к управляемому населению в первой четверти XVIII в. было расширено.

Литература

1. Богословский М. М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCCXXXIX. 1903. Сентябрь. СПб., 1903. С. 45–145.

¹ Там же. Т. 6. № 3528.

2. *Воропанов В. А.* Правовое регулирование институтов общественного управления в законодательстве России XVI–XVIII вв. // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2012. Т. 5. № 5. С. 42–51.
3. *Высшие органы государственной власти и управления России. IX–XX вв.* / под. общ. ред. А. С. Тургаева. СПб. : СЗАГС ; Образование-Культура, 2000.
4. *Ефремова И. С.* Формирование магистратской системы управления городами в Российской империи в 1720–1724 годы. Административно-правовой статус новых учреждений // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2019. № 1. С. 133–142.
5. *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Сословное общество Российской империи (XVIII — начало XX века). М. : Новый хронограф, 2010.
6. *Калугин О. А.* Первое законодательство о местных выборах в Российской империи как основа зарождения избирательной системы страны // Юриспруденция. 2010. Т. 20. № 4. С. 109–118.
7. *Кизеветтер А. А.* Посадская община в России XVIII ст. М. : Университетская типография, 1903.
8. *Минникес И. В.* Выборы в истории российского государства в IX — начале XIX в. СПб. : Юридический Центр Пресс, 2010.
9. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). В 2-х т. Т. 1. СПб. : Дмитрий Буланин, 2000.
10. *Нартов А. К.* Рассказы Нартова о Петре Великом / [Обраб. и доп. А. А. Нартов ; Ред., вступ. ст. и примеч. Л. Н. Майкова]. СПб. : тип. Акад. наук, 1891.
11. *Писарькова Л. Ф.* Развитие местного самоуправления в России до великих реформ: обычай, повинность, право // Отечественная история. 2001. № 2. С. 3–27.

Об авторе:

Стецкевич Елена Сергеевна, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат исторических наук, доцент; stetskevich-es@ranepa.ru

References

1. Bogoslovsky M. M. Studies on the history of local government under Peter the Great // Journal of the Ministry of Education. Part CCCXXXIX. 1903. Sept. St. Petersburg, 1903. P. 45–145 (in Rus).
2. Voropanov V. A. Legal regulation of public administration institutions in the legislation of Russia XVI–XVIII centuries // Problem analysis and state-management design [Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie]. 2012. Vol. 5. N 5. P. 42–51 (in Rus).
3. Higher bodies of state power and government of Russia. IX–XX centuries / under general editor A. S. Turgaev. St. Petersburg: SZAGS; Education-Culture, 2000 (in Rus).
4. Efremova I. S. Formation of the magistrate system of city management in the Russian Empire in 1720–1724. Administrative and legal status of new institutions // Historical and legal problems: a new angle [Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs]. 2019. N 1. P. 133–142 (in Rus).
5. Ivanova N. A., Zheltova V. P. Estate Society of the Russian Empire (XVIII — early XX century). M.: New Chronograph, 2010 (in Rus).
6. Kalugin O. A. The first legislation on local elections in the Russian Empire as the basis for the birth of the country's electoral system // Jurisprudence [Yurisprudentsiya]. 2010. Vol. 20. N 4. P. 109–118 (in Rus).
7. Kizevetter A. A. Posad community in Russia XVIII century. M.: University printing house, 1903 (in Rus).
8. Minnikes I. V. Elections in the history of the Russian state in the IX — early XIX centuries. St. Petersburg: Legal Center Press, 2010 (in Rus).
9. Mironov B. N. Social history of Russia during the empire (XVIII — early XX century). In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2000 (in Rus).
10. Nartov A. K. Nartov's stories about Peter the Great [Perfected and enlarged by A. A. Nartov; Ed., Introduction and comments L. N. Maykova]. SPb.: Typography of Academy of Sciences, 1891 (in Rus).

11. Pisarkova L. F. The development of local self-government in Russia before the great reforms: custom, duty, law // Domestic history [Otechestvennaya istoriya]. 2001. N 2. P. 3–27 (in Rus).

About the author:

Elena S. Stetckevich, Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Historical Sciences, Associate Professor; stetskevich-es@ranepa.ru

Основные особенности современной экологической повестки «Альтернативы для Германии»

Лисенкова А. Д.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; alena.denisovna@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена особенностям эволюционного развития экологической повестки национальной политической партии «Альтернатива для Германии» через призму ее предвыборных программ в Бундестаг и Европейский парламент с 2013 по 2021 г. Прежде всего автор определяет специфику развития партии вне экологического контекста для демонстрации постепенного расширения сфер партийных интересов и перехода от исключительно экономически ориентированного либерально-консервативного евроскептического курса к крайне правым и популистским антииммиграционным и исламофобным тенденциям. После чего иллюстрируется взаимосвязь с общим европейским экологическим контекстом, в рамках которого действия по борьбе с изменением климата становятся все более приоритетными. Это находит свое отражение в новом для «Альтернативы для Германии» курсе, направленном на отрицание целесообразности климатических мер Германии и Европейского союза. Учитывая лидерские амбиции последнего на мировой политической арене в борьбе с изменением климата, а также высокую популярность именно данного экологического вектора среди избирателей, объясняется его выход на передний план в популистской риторике партии. При этом, автором ставится под сомнение возможность ближнесрочной экологической и, прежде всего, климатической или даже антиклиматической координации между «Альтернативой для Германии» и идеологически схожими партиями-партнерами по политической группе «Идентичность и демократия» в Европейском парламенте.

Ключевые слова: «Альтернатива для Германии», предвыборная программа, Бундестаг, Европейский парламент, «Идентичность и демократия», окружающая среда, изменение климата

Для цитирования: Лисенкова А. Д. Основные особенности современной экологической повестки «Альтернативы для Германии» // Управленческое консультирование. 2022. № 4. С. 146–158.

Main features of the current environmental agenda of the Alternative for Germany

Alena D. Lisenkova

Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; alena.denisovna@yandex.ru

ABSTRACT

This article is devoted to the environmental agenda of the national party Alternative for Germany. The main features of this agenda's development are being analyzed through its federal and European election programmes from 2013 to 2021. First of all, the author defines the specifics of the party's evolution outside the environmental context to demonstrate the gradual enlargement of the spheres of party interests and the transition from an exclusively economically oriented liberal-conservative Eurosceptic course to far-right and populist, anti-immigration and Islamophobic tendencies. Then the article illustrates the important role of the common European environmental context, where actions to combat climate change are getting more prioritized. This is reflected in the new course for the Alternative for Germany, aimed at denying the advisability of climate measures in Germany and the European Union. The latter has leadership ambitions in the global political arena in the fight against climate change and the high popularity of this environmental topic is among voters. It's the reason why climate change was coming to the fore in the party's populist

rhetoric. At the same time, the author questions the possibility of near-term environmental and, above all, climate or even anti-climate coordination between the Alternative for Germany and ideologically similar partner parties in the Identity and Democracy group of the European Parliament.

Keywords: Alternative for Germany, election programme, Bundestag, European Parliament, Identity and Democracy, environment, climate change

For citing: *Lisenkova A. D.* Main features of the modern environmental agenda of the Alternative for Germany // Administrative consulting. 2022. N 4. P. 146–158.

Введение

Со второй половины XX в. глобальным экологическим проблемам постепенно стали уделять все больше внимания на мировой политической арене. Важным событием для активизации международного сотрудничества стала Конференция ООН по проблемам окружающей среды 1972 г., за которой последовал целый ряд международных, региональных и государственных инициатив. Европейский союз (далее также ЕС, Евросоюз или союз), как и ранее Европейские сообщества, не остался в стороне от данных процессов. Плановмерно развивающаяся экологическая политика, под которой понимается комплекс мер по защите окружающей среды и борьбе с изменением климата, со временем заняла одну из ведущих позиций в его политическом курсе.

Союз позиционирует себя как экологического лидера на мировой политической арене. Прежде всего в климатическом направлении. Подтверждением амбиций является как его обширная нормативно-правовая база (например, общие Программы экологических действий, принимаемые регулярно с 1973 г.; такие тематические документы, как Директива о захоронении отходов от 1999 г., Директива о снижении воздействия некоторых пластиковых изделий на окружающую среду от 2019 г. и др.), так и цели, которые перед собой ставит союз (например, стать «климатически нейтральным» к 2050 г.)¹. Постепенно экологические приоритеты находили все большее отражение в повседневной жизни граждан, что трансформировало и их систему ценностей. Согласно данным Евробарометра 501, опубликованного в 2020 г., «94% граждан полагают, что защита окружающей среды важна для них лично», а самая значимая экологическая проблема — климатическая².

Подобные тенденции отразились на национальных и наднациональных политических партиях, заинтересованных в сохранении и улучшении своих позиций в институтах управления. Как еврооптимистичные, так и евроскептические партии адаптируют собственную риторику под продолжающую набирать все большую популярность «зеленую» повестку. Данная динамика не обошла стороной и крайне правых (иначе праворадикалов) в идеологическом спектре Европейского союза. Примечательно, что именно они часто славятся использованием популистских приемов, что наиболее актуально в контексте столь популярной в союзе темы.

¹ Council Directive 1999/31/EC of 26 April 1999 on the landfill of waste // Official Journal L 182. 1999. P. 1–19; Directive (EU) 2019/904 of the European Parliament and of the Council of 5 June 2019 on the reduction of the impact of certain plastic products on the environment (Text with EEA relevance) // Official Journal. L 155. 2019. P. 1–19; 2050 long-term strategy // European Commission. 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/clima/policies/strategies/2050_en (дата обращения: 05.06.2021).

² Special Eurobarometer 501: Attitudes of European citizens towards the Environment // European Union. 2020. P. 112 [Электронный ресурс]. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2257> (дата обращения: 05.06.2021).

Представляемая статья посвящена основным особенностям развития курса «Альтернативы для Германии» (далее также АдГ), крайне правой партии одного из государств — лидеров ЕС; программной эволюции ее экологической повестки, а также оценке перспектив координации по экологическому направлению с другими национальными и наднациональными партиями политической группы «Идентичность и демократия» Европейского парламента. Целью является выявление специфики развития и характерных черт современной экологической повестки национальной партии «Альтернатива для Германии». Данное исследование позволяет посмотреть на деятельность партии через призму одного из самых популярных политических направлений Европейского союза, не фокусируясь при этом на традиционно анализируемых в подобных работах экономическом и миграционном вопросах. Для этого автор обращается к предвыборным программам партии в Бундестаг 2013, 2017 и 2021 гг., Европейский парламент 2014 и 2019 гг., а также в качестве вспомогательных источников к Основной программе партии от 2016 г. и заявлениям ее элит. Сравнивая ключевые экологические приоритеты партии, отраженные в данных текстах, автор характеризует эволюцию и основные особенности текущей повестки партии. Дополнительно используются тексты работ таких исследователей в сфере экологической деятельности праворадикальных партий, как А. Русер, А. Мучин, Б. Фортхнер, А. Вихма, Г. Райшль и др.

Основные особенности эволюционного развития политической партии «Альтернатива для Германии»

Несмотря на наметившуюся в последние десятилетия XX в. тенденцию к появлению в западноевропейских государствах крайне правых партий, Германия долго оставалась в стороне. Основной причиной послужило ее национал-социалистическое прошлое. Негативная оценка в исторической памяти немцев как отталкивала от них избирателей, так и препятствовала другим составляющим серьезного развития праворадикальных тенденций. Поле для развертывания своей деятельности до определенного времени также ограничивали и антииммигрантские настроения блока «Христианско-демократический союз / Христианско-социальный союз» (ХДС/ХСС), занимавшего таким образом выгодную для праворадикалов тематическую нишу. Первой и пока единственной крайне правой партией, добившейся на современном этапе существенного успеха на федеральном уровне, стала «Альтернатива для Германии». До момента ее появления еще в 1990-х годах Бундестаг традиционно формировался хотя и в разных пропорциях, но из достаточно ограниченного и неизменного списка национальных партий (блок «Христианско-демократический союз / Христианско-социальный союз», Социал-демократическая партия Германии, Свободная демократическая партия Германии, «Союз 90/Зеленые» и «Левая» партия) [3, р. 1–2].

На пути к преодолению сложившихся традиций образовавшаяся 6 февраля 2013 г. партия начала с либерально-консервативной евроскептической риторики [8, р. 2]. Ее состав оформился на основе группы активистов, преимущественно состоящих из разочаровавшихся правоцентристов ХДС, таких как К. Адам, А. Гауланд, Б. Луке и Г. Робанус [11, р. 3]. Контингент, видную долю которого на первых этапах составили представители профессуры, медицины и юриспруденции, стал причиной для нарицательного имени «партия профессоров» [3, р. 2]. В 2012–2013 гг. предшественниками АдГ стали союз «Гражданская воля» и ассоциация «Альтернативный выбор 2013»¹. Целью последней было участие в выборах в Нижней Саксонии со-

¹ Decker F. Kurz und bündig: Die AfD // Bundeszentrale für politische Bildung. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bpb.de/politik/grundfragen/parteien-in-deutschland/afd/211108/kurz-und-buendig> (дата обращения: 05.06.2021).

вместно с партией «Свободные избиратели». Положительных результатов это не принесло. Через две недели после прекращения сотрудничества появилась «Альтернатива для Германии», которая к концу года открыла представительства во всех федеральных землях [8, р. 2; 4, р. 155].

Умеренный евроскептицизм продлился до 2015 г. Он был основан на последствиях развернувшегося в 2010 г. Европейском долговом кризисе и критике еврозоны в целом, а также институтов Евросоюза¹. Предлагались «ликвидация зоны евро, восстановление национальных валют или небольших валютных союзов с ренационализацией процессов принятия решений в ЕС» [8, р. 1, 3]. Это сопровождалось такими приоритетами, как либеральная рыночная экономика, а также консервативные семейные, гендерные и миграционные направления политики. Последнее подразумевает проявление первых более жестких ограничительных вех [8, р. 1, 3]. Среди прочего причиной послужила политика действующего канцлера А. Меркель, направленная на урегулирование долгового кризиса в Греции. Первые национальные выборы с подобной риторикой не были для АдГ успешными. Партия не прошла в парламент, хотя через год на европейских выборах центральная тема, сопровождаемая новым и уже более правым лозунгом «Мужество ради Германии», позволила ей получить сразу 7 мест. Параллельно, АдГ начала занимать места и в земельных ландтагах [11, р. 3–5].

К 2015 г. на фоне разрастающегося в Европе миграционного кризиса валютная проблема постепенно стала вторичной для государства и союза. Партийный раскол, основанный на расхождении во мнениях по поводу повестки партии, привел к смене лидера с все еще настаивающего на экономических приоритетах Б. Луке на Ф. Петри. За выходом из партии Б. Луке последовали 5 из 7 представителей АдГ в Европейском парламенте. Тогда как сама партия все более обращалась к таким темам, как миграция, а затем, в большей степени к 2016–2017 гг., и к противодействию исламу. Этому поспособствовало решение А. Меркель по приостановлению действия Дублинского регламента [3, р. 3]. Следующим шагом стало сотрудничество с такими исламофобными движениями, как «Патриотические европейцы против исламизации Запада» (ПЕГИДА) и «Движение за идентичность», а также с целым рядом правых европейских национальных партий: Австрийской партией свободы, итальянской «Лигой» (до 2018 г. «Лига Севера»), нидерландской Партией свободы и французским «Национальным фронтом» (с 2018 г. «Национальное объединение») [11, р. 2; 3, р. 3]. Подобные настроения привели к исключению в 2016 г. двух оставшихся депутатов от АдГ: Б. фон Шторх (ее впоследствии, в 2017 г., заменил в парламенте Й. Мойтен) и М. Претцеля, из состава политической группы «Европейские консерваторы и реформисты» в Европейском парламенте². Затем последовало их присоединение к более радикальным правым группам, «Европе за свободу и прямую демократию» и «Европе наций и свобод»³.

Начавшаяся переориентация и радикализация повлияла на становление нового этапа раздробленности. В 2017 г. с показателем в 12,6% партия заняла на выборах

¹ Там же.

² Teffer P. German AfD Faces Expulsion from EU Parliament Group // *Parlementaire Monitor*. 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.parlementairemonitor.nl/9353000/1/j9vwj5epmj1ey0/vk28nmh6vdxn?ctx=vgaixlcr0e017&tab=1&start_tab0=120 (дата обращения: 06.06.2021); Mischke J. AfD Leader Jörg Meuthen to Take Seat in European Parliament // *POLITICO*. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politico.eu/article/afd-leader-jorg-meuthen-to-take-seat-in-european-parliament/> (дата обращения: 05.06.2021).

³ Marcus Pretzell // *European Parliament* [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/meps/en/124830/MARCUS_PRETZELL/history/8 (дата обращения: 06.06.2021); Beatrix von Storch [Электронный ресурс] // *European Parliament*. URL: https://www.europarl.europa.eu/meps/en/124825/BEATRIX_VON+STORCH/history/ (дата обращения: 06.06.2021).

в Бундестаг третье место, что стало лучшим результатом для какой-либо впервые прошедшей в Бундестаг партии с 1949 г. [7, р. 246]. Несмотря на это, Ф. Петри через несколько дней заявила об уходе со своего поста и выходе из партии [10, р. 141]. Ее место занял А. Гауланд, который стал одним из сопредседателей партии. Вторую такую должность с 2015 г. занимает Й. Мойтен¹. Выборы в Европейский парламент 2019 г. также были более результативными в сравнении с предыдущими. АдГ получила 11 мест, присоединившись к наследнице «Европы наций и свобод», политической группе «Идентичность и демократия»². В тот же год, после перехода А. Гауланда на пост Почетного председателя, вакантное место сопредседателя занял Т. Хрупалла³.

Программная эволюция экологической повестки «Альтернативы для Германии»

Как показала представленная эволюция, проблемы защиты окружающей среды и борьбы с изменением климата изначально не были центральными в официальном политическом дискурсе «Альтернативы для Германии». При этом, их присутствие постепенно увеличивалось вместе с расширением сфер интересов самой партии. На формирование экологических позиций повлияли преобладавшие на первых порах экономические приоритеты. Взаимосвязь таких элементов, как энергетика, экономика и экология впервые проявилась еще в первой предвыборной федеральной программе 2013 г. Прежде всего в критике субсидирования солнечной энергии и энергии ветра за счет цен на электроэнергию вместо их финансирования из общих налоговых поступлений и Закона о возобновляемых источниках энергии (EEG)⁴.

В том же году Г. Кейл, представитель общенациональной рабочей группы АдГ по энергетической политике, ссылаясь на неспособность данных видов возобновляемых источников обеспечить должный уровень производства энергии из-за их зависимости от погодных условий и света, определил политику отказа от ядерной энергетики как «темную главу немецкой энергетической и экологической политики»⁵. Тем не менее напрямую ни климатическая проблема в целом, ни вопрос поэтапного сокращения ядерной энергетики в частности на рассматриваемом программном этапе даже не упоминались, хотя и подразумевались⁶.

Данное упущение было ликвидировано в последующей предвыборной программе в Европейский парламент 2014 г. В качестве дополнения к тезисам 2013 г. ставилась под сомнение взаимосвязь выбросов CO₂ и изменения климата. Помимо

¹ Избран сопредседатель правой партии «Альтернатива для Германии» // РИА Новости [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://ria.ru/20171202/1510095363.html> (дата обращения: 06.06.2021).

² Results by national party: 2019–2024. Germany — Official results // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europarl.europa.eu/election-results-2019/en/national-results/germany/2019-2024/> (дата обращения: 06.06.2021).

³ Dr. Alexander Gauland // Alternative für Deutschland [Электронный ресурс]. URL: <https://www.afd.de/partei/bundesvorstand/> (дата обращения: 06.06.2021).

⁴ Wahlprogramm Parteitagbeschluss vom 14.04.2013 // Alternative für Deutschland. 2013. P. 1–4 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20130809084316/https://alternatiefuer.de/pdf/Wahlprogramm-AFD.pdf> (дата обращения: 06.06.2021).

⁵ Dr. Günter Keil (AfD): „Dunkles Kapitel deutscher Energie- und Umweltpolitik // Die freie Welt. 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20140714143102/http://www.freiewelt.net/interview/dr-guenter-keil-afd-dunkles-kapitel-deutscher-energie-und-umweltpolitik-10005511/> (дата обращения: 06.06.2021).

⁶ Wahlprogramm Parteitagbeschluss vom 14.04.2013 // Alternative für Deutschland. 2013. S. 1–4 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20130809084316/https://alternatiefuer.de/pdf/Wahlprogramm-AFD.pdf> (дата обращения: 06.06.2021).

более высокого уровня общей тематической проработанности программы, произошло углубление экологических позиций. Хотя уже на данном этапе стал заметен сильный приоритет энергетических и климатических вопросов, тогда как широкий перечень других направлений по защите окружающей среды практически игнорировался, за исключением поверхностного упоминания воздействия животноводства на окружающую среду, шума от авиации и вопросов экосистем и водного баланса в контексте сельского хозяйства. Присутствовала ориентированность на продуктивное международное сотрудничество, предполагающее соглашения только в случае участия в них всех крупных экономик. Схожа позиция по увеличению доли возобновляемых источников энергии после 2020 г. Примечательно, что Система торговли выбросами на данном этапе поддерживалась как «рыночный и технологический нейтральный инструмент»¹.

Появившиеся отсылки к рациональному анализу фактов без влияния идеологии более комплексно развились в принесшей успех федеральной программе 2017 г., например, в слишком завышенных амбициях по сокращению выбросов (80–95% к 2050 г.), противоречащей экономическому развитию транспортной политики (экологические зоны, отказ от дизельного топлива и др.), научной необоснованности целей². Последнее, с точки зрения представителей экологической организации «Немецкая ассоциация охраны природы», основывается на заключениях «псевдонаучного» института «EIKE — Европейского института климата и энергии»³. В свою очередь, исследователи А. Русер и А. Мачин считают, что истоки исходят из взглядов финансируемого промышленными предприятиями американского Института конкурентоспособного предпринимательства [9]. В любом случае постепенно сформировалась партийная точка зрения, что антропогенное участие в изменении климата не является доказанным, а CO₂ — это одно из необходимых условий для жизнедеятельности. Это привело к желанию партии отказаться от Плана действий в области климата-2050 и Парижского соглашения, что противоречило положению о международных усилиях предыдущей программы⁴. Однако данное обстоятельство можно попытаться объяснить экономическими опасениями АдГ.

При этом позиция по Парижскому соглашению достаточно последовательна. Так, еще 4 октября 2016 г. оба представителя партии в Европейском парламенте проголосовали против него. Для сравнения: почти все евродепутаты от других партий делегации Германии поддержали документ, а Бундестаг немногим ранее, где АдГ на тот момент не состояла, и вовсе проголосовал единогласно⁵. Последовательно

¹ Mut zu Deutschland. Für ein Europa der Vielfalt // Alternative für Deutschland. 2014. S. 19–22 [Электронный ресурс]. URL: <https://assets.jungefreiheit.de/2014/03/AfD-Europaprogramm-.pdf> (дата обращения: 19.06.2021).

² Ibid. S. 19; Programm für Deutschland // Alternative für Deutschland. 2017. S. 65–66 [Электронный ресурс]. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (дата обращения: 19.06.2021).

³ Rechtspopulismus/Rechtsextremismus und Ökologie // Deutscher Naturschutzring. 2020. S. 3 [Электронный ресурс]. URL: https://www.dnr.de/fileadmin/Positionen/2020-06_Rechtspopulismus_Rechtsextremismus_und_Oekologie.pdf (дата обращения: 19.06.2021).

⁴ Programm für Deutschland // Alternative für Deutschland. 2017. S. 65 [Электронный ресурс]. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (дата обращения: 19.06.2021).

⁵ Conclusion on behalf of the European Union of the Paris Agreement adopted under the United Nations Framework Convention on Climate Change // VoteWatch Europe. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://term8.votewatch.eu/en/term8-conclusion-on-behalf-of-the-eu-of-the-paris-agreement-adopted-under-the-un-framework-convention-on-c.html/vote-tabs-list-9> (дата обращения: 19.10.2020); Germany Ratifies Paris Climate Agreement // Deutsche Welle. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/en/germany-ratifies-paris-climate-agreement/a-19570247> (дата обращения: 17.06.2021).

четырьмя годами позднее резкой критике подверглась и «лишающая немецкую экономику какой-либо конкурентоспособности» инициатива по сокращению выбросов на 60%, которую Европейский парламент поддержал в октябре 2020 г.¹ Она повысила бы цель Парижского соглашения сразу на 20%. Правда, в апреле 2021 г. формально Советом и Европарламентом была одобрена более низкая цель в 55% в рамках предварительного соглашения о Европейском климатическом законе². В июне того же года Европейский парламент и Совет окончательно поддержали данный показатель, тогда как 14 июля Европейская комиссия приняла необходимый для нее пакет предложений³. Ведущий кандидат на выборах 2021 г. от АдГ, А. Вайдель, подвергла сомнению и данную цель, заявив, что последующая за ней «плановая и командная экономика разрушает процветание и унижает людей»⁴.

Наряду с кризисом валюты и миграцией тема энергоснабжения попала в перечень фундаментальных проблем для партии уже в 2017 г.⁵ В 2019 г. А. Гауланд, сопредседатель партии, подытожил: «Критика так называемой „климатической политики“ является третьей большой темой для АдГ после евро и миграции»⁶. В энергетической сфере в 2017 г. также активно критиковалось намерение по закрытию атомных электростанций, если это не связано с техническим сроком их эксплуатации, а также предполагаемый отказ от газа и угля. Не поддерживалась и альтернатива в виде «контрпродуктивной» и экономически невыгодной энергии ветра (с солнечной энергией ситуация схожа)⁷. Через два года это получило развитие в экологической инициативе АдГ «Остановить «Зеленых» — спасти окружающую среду!», где партия указала на «5 грехов» текущего экологического курса государства и Европейского союза: «Уничтожение летучих мышей, птиц и насекомых ветряными турбинами; аналогичное действие солнечных батарей на насекомых; монокультуры рапса и кукурузы (с выделением биоэнергетики); вырубка лесов, необходимая для строительства ветряных турбин; и высокий уровень использования земли для ветряных турбин и солнечных батарей по сравнению с традиционными источниками энергии» [5]. Среди прочего подобные обоснования можно считать аргументом к позиции о необходимости участия граждан в выборе мест для постройки ветряных установок. В то же время, несмотря на

¹ Sylvia Limmer: EU-Parlament stimmt für Verschärfung des Klimaziels // Alternative für Deutschland. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.afd.de/sylvia-limmer-eu-parlament-stimmt-fuer-verschaerfung-des-klimaziels/> (дата обращения: 17.06.2021).

² Commission Welcomes Provisional Agreement on the European Climate Law // European Commission. 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_21_1828 (дата обращения: 17.06.2021).

³ Council adopts European climate law // Council of the European Union. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/06/28/council-adopts-european-climate-law/> (дата обращения: 23.07.2021); European Green Deal: Commission proposes transformation of EU economy and society to meet climate ambitions // European Commission. 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_21_3541 (дата обращения: 23.07.2021).

⁴ Alice Weidel: Nein zur EU-Klimaplanwirtschaft! // Alternative für Deutschland. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.afd.de/alice-weidel-nein-zur-eu-klimaplanwirtschaft/> (дата обращения: 23.07.2021).

⁵ Programm für Deutschland // Alternative für Deutschland. 2017. S. 9 [Электронный ресурс]. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (дата обращения: 19.06.2021).

⁶ Kamann M. Die AfD und die „sogenannte Klimaschutzpolitik“ // POLITIK. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article201093000/CO2-Emissionen-Die-AfD-und-die-sogenannte-Klimaschutzpolitik.html> (дата обращения: 17.06.2021).

⁷ Programm für Deutschland // Alternative für Deutschland. 2017. S. 66, 72 [Электронный ресурс]. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/06/2017-06-01_AfD-Bundestagswahlprogramm_Onlinefassung.pdf (дата обращения: 19.06.2021).

такую озабоченность другими экологическими вопросами неклиматического характера, в программе 2017 г. их детализация увеличилась несильно, дополнительно распространяясь теперь на такие направления, как защита прав потребителей и ужесточение правил обращения с животными (транспортировка, убой и др.). Хотя впервые появилось деление экологических вопросов на два раздела: климат в сочетании с энергетикой и все остальные направления окружающей среды¹.

Достаточно комплексно многие положения программы 2017 г. были раскрыты еще принятой годом ранее вне контекста выборов Основной программой партии [1, с. 117]. Сходство экологического курса прослеживалось и в программе в Европейский парламент 2019 г. Здесь климатическая политика продолжила доминировать, окончательно сформировавшаяся для партии как антагонистическая, что и подтвердили упомянутые слова А. Гауланда. На этот раз тема также была отмечена и в преамбуле, наряду с другими самыми значимыми приоритетами партии. Более того, в программе была отвергнута и допустимая ранее Система торговли выбросами².

В совокупности данная риторика по вопросу изменения климата позволяет партии как быть вовлеченной в одну из самых популярных политических тем в Европейском союзе, так и использовать ее для своей евроскептической и крайне правой программы, например, через противостояние принятию «климатических беженцев» [9]. В том числе подобный дискурс партии может быть привлекательным для разочаровавшихся и ожидающих более решительных шагов от ХДС избирателей, которые недовольны «левым шагом» правительства А. Меркель³. Хотя Т. Беннер, директор Института глобальной государственной политики, считает, что кризис ХДС открывает как новые возможности для более левого «Союза 90/Зеленые», так и для более правой АдГ⁴.

Упомянутый евроскептицизм наглядно проявился в программе 2019 г. и по отношению к различным наднациональным и зависимым от них федеральным инструментам защиты окружающей среды и вредящим ей иным мерам: субсидированию сельского хозяйства, влиянию на лесные ресурсы от ветряной промышленности, ограничению некоторых видов транспорта и др.⁵

Выборы 2019 г. показали высокую заинтересованность граждан союза в экологической и непосредственно климатической повестке, прежде всего через рост позиций «зеленых» партий. Риторика АдГ включала в себя популярную повестку, однако экологические приоритеты партии не встретили активной поддержки у избирателей. Достаточно низкий прирост количества мест в сравнении с результатами 2014 г. заставил молодежное крыло партии («Молодежная альтернатива») рассуждать о возможной необходимости пересмотра столь радикальных позиций [6].

Однако в преддверии грядущих выборов в Бундестаг риторика партии не изменилась. Согласно программе 2021 г., партия по-прежнему отрицает такие знаковые для Европейского союза и Германии юридические инициативы, как Париж-

¹ Там же. С. 64–67, 71–74.

² Europawahlprogramm // Alternative für Deutschland. 2019. S. 8 [Электронный ресурс]. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2019/03/AfD_Europawahlprogramm_A5-hoch_web_150319.pdf (дата обращения: 19.06.2021).

³ The German Center Right's Crisis Is Bigger Than Kramp-Karrenbauer // Global Public Political Institute. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gppi.net/2020/02/11/the-german-center-rights-crisis-is-bigger-than-kramp-karrenbauer> (дата обращения: 17.06.2021).

⁴ Там же.

⁵ Europawahlprogramm // Alternative für Deutschland. 2019. S. 43–45 [Электронный ресурс]. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2019/03/AfD_Europawahlprogramm_A5-hoch_web_150319.pdf (дата обращения: 19.06.2021).

ское соглашение, План действий в области климата-2050, Закон о возобновляемых источниках энергии, новый Закон об энергообеспечении зданий и европейскую «Зеленую сделку» и др. Критикуются поэтапные меры отказа от атомной и угольной энергетики, дополнительные налоги, членство или поддержка государственных и негосударственных организаций, а также «идеологических» транспортных ограничений (например, на его виды). Поддерживается строительство Северного потока-2 и увеличение газовых электростанций. Основная причина такого климатического курса — по-прежнему сомнения в антропогенном участии в изменении климата. В виде приоритетов партия ставит инновации, рыночную, а не плановую экономику; надежное, но дешевое энергоснабжение. Противоречие такого курса можно увидеть уже в разделе по сельскому хозяйству, окружающей среде и защите прав потребителей, где фотоэлектрические системы критикуются за нагревание микроклимата и, соответственно, повышение температуры.

Другие экологические направления неоднократно в тексте привязываются к вреду от климатических мер как, например, в случае использования ветряных турбин и риска от них для насекомых, птиц и летучих мышей или в контексте использования древесины как источника энергии. Помимо этого партия предлагает пересмотреть отказ от пластика в пользу переработки, в том числе, делясь технологиями с развивающимися странами; а также поддержку «зеленых» профессий, защиту животных, включая вопросы их транспортировки; защиту экосистем от чужеродных видов, продвижение просвещения в вопросах употребления полезных продуктов питания и др.¹

Перспективы выработки общего экологического курса «Альтернативы для Германии» с партиями политической группы «Идентичность и демократия»

В 2019 г. в Европейском парламенте образовалась политическая группа «Идентичность и демократия», чья новизна достаточно формальна. Данная группа была сформирована при преимущественном участии партий-членов уже упомянутой «Европы наций и свобод». Именно к ней в 2016 г. присоединился М. Претцель, парламентарий от АдГ, сменивший свою национальную партийную принадлежность в 2017 г. на «Синюю партию»². Таким образом, в «Европе наций и свобод» членство «Альтернативы для Германии» было недолгим и немногочисленным. Тогда как все 11 членов, избранных в 2019 г., наряду с представителями других девяти схожих идеологически национальных партий, вошли с первых дней в группу «Идентичность и демократия»³. Шесть из них, не включая «Альтернативу для Германии», состоят и в европейской Партии идентичности и демократии⁴.

Как в европейской партии, так и у политической группы вопросы окружающей среды и борьбы с изменением климата не приоритетны и, по большей части, игнорируются⁵. Прежде всего сотрудничество основано на таких общих и традици-

¹ Deutschland. Aber normal // Alternative für Deutschland. 2021. S. 40, 172–176, 178, 183, 193, 195–196, 198, 200 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.afd.de/wahlprogramm/> (дата обращения: 19.06.2021).

² Marcus Pretzell // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/meps/en/124830/MARCUS_PRETZELL/history/8 (дата обращения: 06.06.2021).

³ Identity and Democracy Group // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europarl.europa.eu/meps/en/search/advanced?name=&groupCode=5588&countryCode=&bodyType=ALL> (дата обращения: 06.06.2021).

⁴ Member Parties // Identity and Democracy Party [Электронный ресурс]. URL: <https://www.id-party.eu/> (дата обращения: 06.06.2021).

⁵ Platform // Identity and Democracy Party [Электронный ресурс]. URL: <https://www.id-party.eu/platform> (дата обращения: 06.06.2021).

онных крайне правых направлениях, как суверенитет, миграция и еврозона¹. Основная причина — не только другие приоритеты, но и отсутствие программного единства.

Мнения у десяти представленных партий сильно различаются, что только способствует отсутствию наднациональной координации. В то же время, происходящий в Европейском союзе всплеск экологических настроений постепенно увеличивает свое присутствие в их зачастую популистских риториках. Прежде всего это обусловлено необходимостью сохранения своей аудитории избирателей. Так, Датская народная партия по результатам выборов в Европейский парламент 2019 г. потеряла 3 из 4 своих мест в сравнении с 2014 г. Исторически партия не была равнодушна к заботе об окружающей среде, среди прочего, активно поддерживая защиту животных. Ошибкой, по мнению ряда исследователей (А. Вихма, Г. Райшль и др.), оказалось недостаточное и запоздалое внимание к наиболее популярной экологической проблеме — изменению климата [12, р. 32, 36].

Именно климатическая составляющая является ключевой. Формирование экологического вектора без единства мнений по самому популярному направлению весьма затруднительно. К «Альтернативе для Германии» ближе всех во взглядах Консервативная народная партия Эстонии и нидерландская Партия свободы. Прежде всего их объединяет скептическое отношение к антропогенному влиянию на климат, беспокойство за экономические последствия и критика Парижского соглашения [2, с. 49–50].

В то же время, если эстонская партия — член Партии идентичности и демократии, то нидерландская партия, как и АдГ, только участник группы. Это говорит о недостаточной координации даже между партнерами по европейской партии, так как ее остальные члены, преимущественно, настроены более умеренно. Например, «Национальное объединение», которое состоит и в партии, и в группе; на современном этапе не отрицает ни антропогенное влияние на климат, ни необходимость принятия мер, правда, через национальные механизмы. Более умеренной позиция партии стала сравнительно недавно, при М. Ле Пен, тогда как ее предшественник, Ж.-М. Ле Пен, был настроен критически². Другим примером недавней переориентации служит упомянутая ранее Датская народная партия, которая, как и АдГ, в европейскую партию не входит. Она только с 2018 г. стала серьезнее относиться к климатической проблеме [12, р. 32]. Это говорит о том, что среди беспартийных «Идентичности и демократии», в европейском понимании, единства тоже нет. Зато во всей группе имеется явная общая тенденция к постепенному смягчению точек зрения. Этому способствует как смена политических лидеров, так и продолжающийся рост популярности климатической проблемы.

Однако экологическая сфера не ограничивается одним вектором. По другим направлениям не прослеживаются столь жесткие противоречия. Прежде всего из-за зачастую меньшей их проработанности в дискурсах партий. В качестве примера можно привести Консервативную народную партию Эстонии. В своей программе к выборам в Европейский парламент 2019 г. она полностью игнорирует всю экологическую проблематику, включая климат³. В Основной программе партии ситуация несколько отличается. Преимущественно, экологические меры, предла-

¹ Priorities of the Group for the 2019-2024 term // Identity and Democracy Group [Электронный ресурс]. URL: <https://identityanddemocracy.eu/about-us/> (дата обращения: 06.06.2021).

² Onishi N. France's Far Right Wants to Be an Environmental Party, Too // The New York Times. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2019/10/17/world/europe/france-far-right-environment.html> (дата обращения: 06.06.2021).

³ EKRE platvorm 2019. aasta Euroopa Parlamendi // Eesti Konservatiivne Rahvaerakond. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ekre.ee/ekre-programm-2019-aasta-euroopa-parlamendi-valimisteks/> (дата обращения: 19.06.2021).

гаемые партией, так или иначе касаются климата (возобновляемая энергетика и др.), хотя напрямую об этом не говорится, что объясняет достаточно скептические высказывания Председателя партии о Парижском соглашении и антропогенном влиянии на климат¹. Что касается других экологических направлений, то подробное развитие они не получают, ограничиваясь достаточно обтекаемыми фразами про необходимость сохранения природы, инновации, устойчивое развитие и т. п.²

С другой стороны, такая риторика свойственна не всем членам группы. Помимо «Альтернативы для Германии», например, климатически более лояльная итальянская «Лига» также достаточно серьезно подходит и к таким экологическим составляющим, как циркулярная экономика, отходы, землепользование или водные ресурсы³. Это позволяет сделать вывод, что при должной популярности на европейском уровне других экологических направлений, среди участников «Идентичности и демократии» также могут возникнуть достаточно существенные разногласия из-за необходимости конкретизировать свои точки зрения по вопросам защиты окружающей среды.

Заключение

Пройдя сравнительно недолгий, но продуктивный, эволюционный путь от либерально-консервативной евроскептической до крайне правой и популистской партии, «Альтернатива для Германии» постепенно увеличивала свое присутствие в парламентских структурах наднационального, национального и субнационального уровней. В Европейском парламенте с 2014 до 2019 г. ее представительство выросло с 7 до 11 мест, в Бундестаге с 2013 по 2017 г. с 0 до 88 мест⁴. Партия также представлена в парламентах всех 16 федеральных земель⁵. Успех АдГ на определенном этапе преимущественно основан на неоднократном своевременном расширении перечня приоритетов в своем политическом курсе. Так, критику еврозоны и институтов ЕС она дополнила миграцией и изменением климата. Пользуясь популистскими приемами, партия, созвучно своему названию, каждый раз предлагала альтернативную политику по самым популярным и противоречивым проблемам, стоящим перед ЕС и Германией на повестке дня.

Проблемной стала позиция АдГ по изменению климата. Если изначально партия рассматривала данное направление преимущественно как дополнение к энергетике и экономике, то впоследствии климатические положения стали все более глубоко прорабатываться в программах и партийных заявлениях. Здесь не обошлось без противоречий как в случае с Системой торговли выбросами, по которой партия со временем поменяла позицию с позитивной на негативную. В целом экологиче-

¹ Kodanik ja kodanikuühiskond // Eesti Konservatiivne Rahvaerakond. 2015. L. 9 [Электронный ресурс]. URL: <https://ekre.ee/wp-content/uploads/2015/07/EKRE-PROGRAMM-KONSERVATIIVNE-PROGRAMM.pdf> (дата обращения: 19.06.2021); Krjukov A. Helme: kaaluksime Pariisi kliimaleppest lahkumist // Eesti Rahvusringhääling. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.err.ee/913158/helme-kaaluksime-pariisi-kliimaleppest-lahkumist> (дата обращения: 17.06.2021).

² Kodanik ja kodanikuühiskond // Eesti Konservatiivne Rahvaerakond. 2015. L. 21 [Электронный ресурс]. URL: <https://ekre.ee/wp-content/uploads/2015/07/EKRE-PROGRAMM-KONSERVATIIVNE-PROGRAMM.pdf> (дата обращения: 19.06.2021).

³ Elezioni 2018 — Programma di Governo Lega Salvini Premier // Lega. 2018. P. 35–36, 38–39 [Электронный ресурс]. URL: https://www.salvinipremier.it/download/Programma_Lega-SalviniPremier_2018.pdf (дата обращения: 19.06.2021).

⁴ Sitzverteilung im 19. Deutschen Bundestag // Deutscher Bundestag [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundestag.de/parlament/fraktionen?url=L3BhcmxhbWVudC9wbGVudW0vc2I0enZlcnRlaWx1bmdfMTI3cC9zaXR6dmVydGVpbHVuZzE5LTUyOTUyNA==&mod=mod485836> (дата обращения: 17.06.2021).

⁵ Janson M. So stark ist die AfD in den Ländern // Statista. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://de.statista.com/infografik/5926/afd-in-den-landtagen/> (дата обращения: 17.06.2021).

ский дискурс «Альтернативы для Германии» критичен по отношению к действующей политике Европейского союза и Германии. Преимущественно, именно в более глубоко проработанном популярном климатическом измерении. Здесь критикуются высокие экономические затраты, подвергается сомнению антропогенное влияние на изменение климата, и др. Однако подобная риторика не всегда встречает поддержку у избирателей, что, в том числе, стало причиной невысокого прироста показателей партии на выборах в Европейский парламент в 2019 г. в сравнении с 2014 г. В связи с этим, вопросом возможной смены тона озадачилась «Молодежная альтернатива». Однако в преддверии выборов в Бундестаг 2021 г. каких-либо существенных изменений не произошло.

В то же время постепенная переориентация свойственна для идеологически близких национальных партий-партнеров АдГ по политической группе Европейского парламента «Идентичность и демократия». Ряду партий группы свойственно изменение экологических предпочтений, подталкиваемое сменой политических лидеров и популярностью проблемы изменения климата в союзе. Однако общей позиции по данному вопросу нет ни в группе, ни в Партии идентичности и демократии, преимущественно формирующей группу. В то же время по другим экологическим составляющим таких жестких противоречий нет, но из-за их более низкой популярности они гораздо менее детализированы.

Литература

1. Грибовский В. С. «Альтернатива для Германии»: внешнеполитические позиции // Современная Европа. 2018. № 2. С. 115–119.
2. Лисенкова А. Д. Трансформация климатической повестки праворадикальных партий Европейского парламента // Вестник ученых-международников. 2021. Т. 2. № 16. С. 46–56.
3. Arzheimer K., Berning C. C. How the Alternative for Germany (AfD) and their Voters Veered to the Radical Right, 2013–2017 // Electoral Studies. 2019. N 60. P. 1–10.
4. Berbuir N., Lewandowsky M., Siri J. The AfD and its Sympathisers: Finally a Right-Wing Populist Movement in Germany? // German Politics. 2015. N 24 (2). P. 154–158.
5. Forchtner B. 'Protect the Environment!' — Environmental Campaigning by the Radical Right Alternative for Germany // Centre for Analysis of the Radical Right. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.radicalrightanalysis.com/2019/12/23/protect-the-environment-environmental-campaigning-by-the-radical-right-alternative-for-germany/> (дата обращения: 06.06.2021).
6. Forchtner B. Something new under the sun? The Alternative for Germany's recent discussion of climate change and homeland protection // Centre for Analysis of the Radical Right. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.radicalrightanalysis.com/2019/09/26/something-new-under-the-sun-the-alternative-for-germanys-recent-discussion-of-climate-change-and-homeland-protection/> (дата обращения: 06.06.2021).
7. Goerres A., Spies D. C., Kumlin S. The Electoral Supporter Base of the Alternative for Germany // Swiss Political Science Review. 2018. N 24 (3). P. 246–249.
8. Lewandowsky M. Alternative für Deutschland (AfD). A New Actor in the German Party System // Friedrich-Ebert-Stiftung. 2014. P. 1–8 [Электронный ресурс]. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/id/ipa/10644.pdf> (дата обращения: 06.06.2021).
9. Ruser A., Machin A. Nationalising the Climate: Is the European Far Right Turning Green? // Green European Journal. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.greeneuropean-journal.eu/nationalising-the-climate-is-the-european-far-right-turning-green/> (дата обращения: 17.06.2021).
10. Siri J. The Alternative for Germany after the 2017 Election // German Politics. 2018. N 27 (1). P. 141–145.
11. Sterphoe J. 'Mut zu Deutschland!' On the Populist Nationalism of the Alternative für Deutschland/ Populist Nationalism in Europe and the Americas. London : Routledge, 2018.
12. Vihma A., Reischl G., Andersen A., Berglund S. Climate Change and Populism: Comparing the Populist Parties' Climate Policies in Denmark, Finland and Sweden. Ed. 64. Helsinki : Finnish Institute of International Affairs, 2020.

Об авторе:

Лисенкова Алена Денисовна, аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); alena.denisovna@yandex.ru

References

1. Gribovsky V. S. Foreign Policy Approaches of 'Alternative for Germany' // Contemporary Europe [Sovremennaya Evropa]. 2018. N 2. P. 115–119. (In Rus.).
2. Lisenkova A. D. Transformation of the Climate Change Agenda of Far-Right Parties in the European Parliament // Scientific and Analytical Journal 'IR SCIENTISTS' HERALD' [Nauchnyj periodicheskij elektronnyj zhurnal 'Vestnik uchenyh-mezhdunarodnikov']. N 2 (16). P. 46–56. (In Rus.).
3. Arzheimer K., Berning C. C. How the Alternative for Germany (AfD) and their Voters Veered to the Radical Right, 2013–2017 // Electoral Studies. 2019. N 60. P. 1–10.
4. Berbuir N., Lewandowsky M., Siri J. The AfD and its Sympathisers: Finally a Right-Wing Populist Movement in Germany? // German Politics. 2015. N 24 (2). P. 154–158.
5. Forchtner B. 'Protect the Environment!' — Environmental Campaigning by the Radical Right Alternative for Germany // Centre for Analysis of the Radical Right. 2019 [Electronic source]. URL: <http://www.radicalrightanalysis.com/2019/12/23/protect-the-environment-environmental-campaigning-by-the-radical-right-alternative-for-germany/> (accessed: 06.06.2021).
6. Forchtner B. Something new under the sun? The Alternative for Germany's recent discussion of climate change and homeland protection // Centre for Analysis of the Radical Right. 2019 [Electronic source]. URL: <https://www.radicalrightanalysis.com/2019/09/26/something-new-under-the-sun-the-alternative-for-germanys-recent-discussion-of-climate-change-and-homeland-protection/> (accessed: 06.06.2021).
7. Goerres A., Spies D. C., Kumlin S. The Electoral Supporter Base of the Alternative for Germany // Swiss Political Science Review. 2018. N 24 (3). P. 246–249.
8. Lewandowsky M. Alternative für Deutschland (AfD). A New Actor in the German Party System // Friedrich-Ebert-Stiftung. 2014. P. 1–8 [Electronic source]. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/id/ipa/10644.pdf> (accessed: 06.06.2021).
9. Ruser A., Machin A. Nationalising the Climate: Is the European Far Right Turning Green? // Green European Journal. 2019 [Electronic source]. URL: <https://www.greeneuropeanjournal.eu/nationalising-the-climate-is-the-european-far-right-turning-green/> (accessed: 17.06.2021).
10. Siri J. The Alternative for Germany after the 2017 Election // German Politics. 2018. N 27 (1). P. 141–145.
11. Sterphoe J. 'Mut zu Deutschland!' On the Populist Nationalism of the Alternative für Deutschland/ Populist Nationalism in Europe and the Americas. London : Routledge, 2018.
12. Vihma A., Reischl G., Andersen A., Berglund S. Climate Change and Populism: Comparing the Populist Parties' Climate Policies in Denmark, Finland and Sweden. Ed. 64. Helsinki : Finnish Institute of International Affairs, 2020.

About the author:

Alena D. Lisenkova, Postgraduate Student at the School of International Relations, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation); alena.denisovna@yandex.ru

Рецензия на монографию «Инновационная экономика России: противоречия формирования и перспективы развития»

Шматко А. Д.

Monograph Review “Innovative Economy of Russia: Contradictions of Formation and Development Prospects”

Alexey D. Shmatko

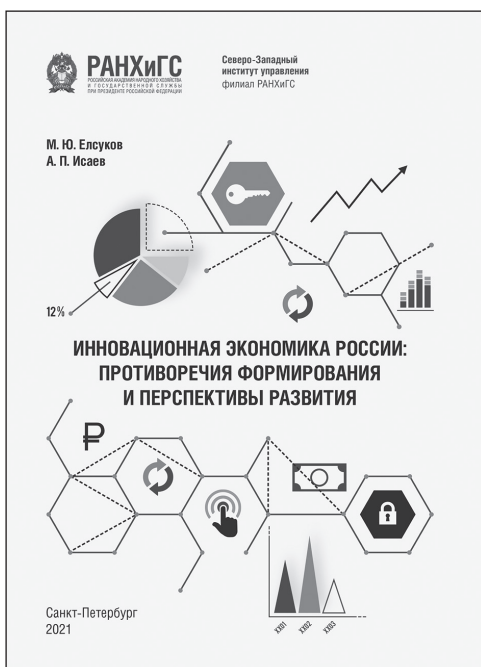
Елсуков М. Ю., Исаев А. П. Инновационная экономика России: противоречия формирования и перспективы развития : монография. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2021. 108 с.

ISBN 978-5-89781-728-3

Инновационная экономика является драйвером развития экономической науки и комплексом механизмов решения проблем обеспечения роста реальной экономики. Проблемы ее формирования и определение перспектив развития в России представляют собой комплекс актуальных вопросов.

Опыт возникновения и внедрения инноваций свидетельствует о возможности многовариантности сценариев инновационного развития. Этот же опыт подсказывает о невозможности простого заимствования успешных зарубежных практик без учета специфики особенностей национальных экономик.

В первой главе рассматриваемой монографии — «Инновации и инновационное развитие» — авторы выделяют рост количества участников экономических отношений как появление новых игроков на глобальном уровне и увеличение количества центров экономического роста. Страны, ранее определяемые на периферии мировой экономики, уже не желают оставаться в качестве сырьевых придатков, демонстрируя высокие темпы экономического развития, показатели динамики, которые

превосходят показатели некогда ведущих экономических держав, отвоевывают для себя ниши у ранее бесспорных лидеров.

Эти тенденции, по мнению авторов, ведут к повышению напряженности конкурентной борьбы во всех сферах экономической жизни. Сохранение контроля над рынками сырья и готовой продукции уже не может гарантировать ведущим национальным экономикам устойчивости текущего положения и сохранения своих позиций в перспективе. В современных условиях конкуренции наиболее успешными оказываются те, кто сумеет найти и использовать новые — или инновационные — решения задач экономического развития.

По мнению авторов, организация статистического наблюдения за инновационной деятельностью и возможности проведения межгосударственных сопоставлений являются предметом повышенного интереса. Национальные статистические системы ориентируются на международные методические рекомендации и указывают на необходимость расширения предметных рамок инновационной экономики. По итогам проведенного авторами анализа следует признать уникальность параметров национальных инновационных систем, а следовательно, и определения специфической конфигурации наиболее значимых параметров мониторинга инновационного развития национальных экономик.

Глава 2 — «Опыт реализации инновационной политики в России» — посвящена деятельности на тех рынках и в тех сферах общественных отношений, которых на настоящее время может пока еще и не существовать. Риски инновационных проектов крайне высоки. В работе указано, что принципиально новые технологические и организационные решения могут быть в краткие сроки замещены еще более новыми решениями и вместе с тем потерять возможность достижения экономических эффектов. По объективным причинам отсутствия образцов для сопоставления трудно определить критерии оценки подлинного уровня инновационности таких решений.

Разнообразие возможных направлений инновационного развития формирует комплекс проблем разработки эффективных стратегий национальных экономик в инновационной сфере. Возрастает актуальность проблем формирования представлений о том, в каких сферах народного хозяйства требуется создание научно-технологических заделов для того, чтобы национальная экономика в стратегической перспективе располагала конкурентными преимуществами.

Заслуживает внимания авторский подход к информационной базе статистических наблюдений за инновациями. В этих условиях приобрели популярность разнообразные рейтинги оценки уровня инновационного развития государств. Одним из них (и наиболее известным) является «Глобальный инновационный индекс». При анализе изменений положения стран в существующих рейтингах напрашивается вывод о предсказуемости результатов ежегодных оценок. Авторы подчеркивают, что место национальных экономик варьируется в определенном диапазоне и существенно не меняется. Это свидетельствует не столько о результатах проводимой политики в области инноваций, сколько об их соответствии идеологии соответствующего рейтинга. Так, инновации в сфере производства вооружений в рейтингах не учитываются. Хотя нельзя не признать, что появление многих передовых технологий было связано в военными разработками — ракетостроение и освоение космоса, развитие средств связи и интернет и т. д.

Авторы справедливо отмечают, что причины сложившейся ситуации — это ограниченность применяемых подходов к исследованию закономерностей развития инновационных процессов. Они чаще всего построены на разделении факторов инновационного развития актуальных в «прошлом» и в «будущем». При таком разделении в «прошлом» действуют устаревшие и неэффективные факторы, а в «будущем» — новые и инновационные. В таких исследованиях доминирует так назы-

ваемый глобализационный подход. В соответствии с ним признается существование некоей единой «магистральной» развития мирового сообщества, и сам факт признания существования этой «магистральной» представляется в виде основной закономерности развития экономики. Государствам, претендующим на инновационный характер развития, предлагается встать на этот путь и заимствовать решения по генерации и внедрению инноваций. Однако такие «схемы» на практике дают сбой. Формирующиеся по зарубежным образцам институты не показывают должной эффективности работы в иных условиях. Следуя таким путем, национальные экономики не могут изменить сложившейся ситуации. Инновации, возникающие в развивающихся странах, не находят там должного понимания, носители инновационных решений мигрируют в страны, навязавшие эту идеологию. Вместе с тем дистанция между государствами на «общем цивилизационном пути» сохраняется.

На основе системно-диалектического, пространственного и комплексного подходов в рецензируемой монографии глубоко и всесторонне раскрыты конституциональные основы внедрения инноваций, способных оказать влияние на распределение сил в мировой геополитике. Разработки новейших образцов вооружений, внедрение новых форм организации рынков для получения возможности концентрации финансовых и экономических ресурсов выступают в качестве инновационных решений обеспечения национальной безопасности. Все это ведет к появлению в мировой экономике и политике стратегических партнерств.

Стратегические партнерства государств охватывают все сферы сотрудничества, среди которых экономическая имеет ключевое значение. В настоящее время приобретают актуальность проблемы построения новой системы взаимоотношений внутри этих партнерств. И совершенно не очевидно, что в перспективе механизмы сотрудничества государств будут такими же, как в прошлом, совершенно не очевидно, что они будут выстраиваться на принципах подчинения и доминирования отдельной группы стран над другими, как это чаще всего наблюдалось ранее. В том числе и в сфере экономики.

Авторы справедливо указывают на наличие инновационного потенциала российской экономики, а также на то, что этот потенциал в настоящее время используется не в полной мере. Инновационная экономика как наука находится в режиме постоянного обновления. Тому способствует динамика научно-технического прогресса и влияние результатов инновационной деятельности на принятие политических решений. В настоящее время сосуществуют различные интерпретации понятийного аппарата, методологии и целевых ориентиров исследований инновационной экономики. При разнообразии и зачастую прямой противоположности мнений по принципиальным вопросам содержания предмета инновационной экономики возрастает актуальность разработок теоретического фундамента этой науки.

В главе 3 — «Измерения инновационной экономики» — авторы рассматривают проблемы теории инновационной экономики, которые имеют актуальное значение для разработки и реализации инновационной политики Российской Федерации. К их числу относятся вопросы содержания и природы как инноваций, так и инновационной деятельности, разработки подходов к оценке уровня инновационного развития национальных экономик, организации статистических наблюдений и оценки фактического состояния инновационной сферы, роли институциональных преобразований в развитии инновационной экономики. Особое место в работе отведено анализу опыта государственного регулирования и определению перспектив стратегического планирования инновационного развития России.

Глава 4 — «Догоняющий и прорывной сценарии инновационного развития России» — служит подтверждением теоретической части рецензируемой монографии о том, что «каждое государство по-своему определяет свое место в мировой эко-

номике и политике». Одни страны, в число которых входит и Российская Федерация, располагают потенциалом и политической волей для того, чтобы выступать в качестве центров мирового многополярного мира. Другие государства уступают часть своего суверенитета, определяют свое положение в качестве подчиненных участников экономических объединений и военно-политических союзов. Геополитическое положение государств зависит от того, насколько они реализуют свой инновационный потенциал. Неудивительно, что ограничение доступа к современным технологиям как инструмент геополитики использовался во времена холодной войны, используется и в настоящее время.

В рецензируемой монографии представлена ретроспектива инновационного развития отечественной экономики, проанализированы результаты последних мер органов власти по активизации инновационной сферы. Каждое государство располагает своей уникальной траекторией развития. Органы власти руководствуются определенным набором стратегически значимых приоритетов, которые и устанавливают отношение к вопросам инновационного развития. Так, Российская Федерация определяет для себя максимально высокие цели и задачи по обеспечению национальной безопасности. Такие цели не беспокоят рядовых участников НАТО. Эти страны уступают часть своего суверенитета государствам, которые занимают в этой организации лидирующие позиции и берут на себя ответственность за обеспечение безопасности государств — членов альянса, берут на себя решение вопросов разработки и производства вооружений.

Особое внимание в монографии обращено на сценарии инновационного развития государств. В каждой стране существуют свои стратегические цели, которые требуют определения актуального перечня направлений государственной политики. При всем разнообразии вариантов инновационного развития можно назвать приоритеты, актуальные для любого государства.

В монографии рассматриваются вопросы оценки уровня инновационного развития экономики. Представлены рейтинги, которые составляются с целью анализа инновационных изменений в странах мира. Особое внимание уделяется вопросам статистических описаний состояния экономики знаний и ее инновационной составляющей.

Решения, которые были предложены в Стратегии инновационного развития до 2020 г., трудно признать необходимыми и достаточными, комплексными и исчерпывающими. Предложенные в этом документе механизмы оказались неэффективными. Проведенные мероприятия не привели к созданию общественных институтов инновационного развития. Заявленные Стратегией целевые ориентиры так и не были достигнуты. Политика инновационного развития в течение последнего десятилетия осуществлялась в виде отдельных мероприятий, которые объединяла только общая идея роли инноваций в современной экономике. Сложно при таком подходе рассчитывать на достижение сколь-нибудь значимых результатов.

Следует поддержать позицию авторов, которые на первый план выдвигают работу по обеспечению инновационного развития Российской Федерации. Также, по их мнению, требуются разработка и реализация новой редакции Стратегии инновационного развития. Нельзя оставлять без внимания проблемы теоретического и методологического обоснования принимаемых решений. Инновационная Стратегия является частью системы стратегического планирования Российской Федерации и не может рассматриваться как направление государственной политики, отделенное от решения общегосударственных задач. Достижение успехов в определенных сегментах экономики требует распространения результатов в прочие отрасли и сферы экономической деятельности. Только комплексный подход может обеспечить устранение противоречий инновационного развития России и полноценную реализацию потенциала ее экономики.

Проведенное исследование позволило авторам сформулировать выводы, которые имеют практическую ценность для разработки Стратегии инновационного развития Российской Федерации. Работа представляет научно-теоретическую ценность, так как содержит постановку ряда актуальных проблем, которые требуют проведения специализированных исследований отдельных тем инновационной экономики.

Об авторе:

Шматко Алексей Дмитриевич, директор Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор, профессор РАО; Shmat2000@yandex.ru

About the author:

Alexey D. Shmatko, Director of the Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor, Professor of the Russian Academy of Education, Shmat2000@yandex.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем рукописей, принимаемых к рассмотрению, может составлять от 16 000 до 40 000 знаков.
- заполненное и подписанное «**Обязательство автора(-ов)**», образец которого размещен на сайте журнала.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Введение (Introduction)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (Materials and Methods)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (Results)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (Discussion)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования.

Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения; которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются. Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем — 250–300 словами. В реферате обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названиях статьи.

Список литературы приводится в конце статьи **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Названия книг, статей и т. д. на **арабском, китайском, японском, корейском**, др. языках (т. е. не имеющих латиницы) приводятся **в переводе на английский язык** (автор, название, место издания, издательство), далее — в скобках — указывается (In Chin.), (In Arab.) и т. д.

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

С полными правилами, а также с образцом оформления статей можно ознакомиться на сайте журнала в разделе «Правила для авторов»:

<https://www.acjournal.ru/jour/about/submissions/authorGuidelines>

2022. № 4(160)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 10.04.2022.

Подписано к печати 28.04.2022.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 13,38. Тираж 50 экз.

Заказ № 4/22.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61

Тел. (812) 335-94-97